

Научно-издательский центр «Социосфера»
Факультет бизнеса Высшей школы экономики в Праге
Academia Rerum Civilium –
Высшая школа политических и общественных наук
Пензенская государственная технологическая академия

**ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО,
ГОСУДАРСТВО, ПРАВО.
ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ
И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Материалы II международной научно-практической
конференции 15–16 октября 2012 года

Пенза – Прага – Колин
2012

УДК 316:34:32
ББК 67

Л 66 Личность, общество, государство, право. Проблемы соотношения и взаимодействия: материалы II международной научно-практической конференции 15–16 октября 2012 года. – Пенза – Прага – Колин: Научно-издательский центр «Социосфера», 2012. – 120 с.

Редакционная коллегия:

Сапик Мирослав, доктор философии, доцент, проректор Academia Regum Civilium – Высшей школы политических и общественных наук (Колин, Чехия).

Кашпарова Ева, доктор философии, научный сотрудник Высшей школы экономики в Праге.

Дорошин Борис Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Пензенской государственной технологической академии.

Дорошина Илона Геннадьевна, кандидат психологических наук, генеральный директор ООО НИЦ «Социосфера».

Данный сборник объединяет в себе материалы конференции – научные статьи и тезисные сообщения аспирантов, соискателей, преподавателей вузов и практических работников. Освещаются психологические и социокультурные аспекты личностного и общественного бытия, роль компетентной администрации и деятелей культуры в обеспечении безопасности и качества жизни населения. Существенное внимание уделяется проблемам функционирования, взаимодействия и развития общества и государства, а также праву как регулятору общественной жизни.

ISBN 978-5-91990-090-0

УДК 316:34:32
ББК 67

© Научно-издательский
центр «Социосфера», 2012.
© Коллектив авторов, 2012.

СОДЕРЖАНИЕ

І. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИЧНОСТНОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО БЫТИЯ

Лукьянченко Н. В.

Проблема идентичности в социальной психологии:
новый ракурс понимания..... 6

Шуняев С. В.

Криминологическая характеристика личности
насильственного преступника (по данным Тамбовской области)..... 13

Шуняева В. А.

Предупреждение криминального становления
личности несовершеннолетнего
в период империи в России (XVIII–XIX вв.) 17

Симаков В. С.

Уровень компетентности и феномен паники..... 23

Самойлова Е. В.

Стратегии профессиональной деятельности
молодых преподавателей 35

Лаптев И. Г.

Учитель – светоч образования и духовной культуры 38

Чапанова М. А.

Мира Мироновна Савич
как деятель культуры симбирского Поволжья..... 44

Гай М. В.

Проблемы типологического схождения
в русской и зарубежной литературе
(на примере произведений Э. Хемингуэя и В. Астафьева)..... 48

Дорошин Б. А.

Некоторые противоречия
русской либеральной концепции архаизации общества 51

Антипов М. А.

Иррационализация сознания
как атрибут «нового средневековья» 56

II. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУБЪЕКТОВ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И ЕГО ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ РЕГУЛЯЦИЯ

Краснослободцева Н. К. Принцип свободы личности в правовом пространстве.....	60
Костючков С. К. Личность и гражданское общество: направления и формы взаимокорреляции	64
Афанасьева И. Д. Система прав и свобод личности как элемент взаимоотношений личности и государства	67
Лапаева А. В. Соотношение государства, власти и права в воззрениях Ф. Ф. Кокошкина	71
Лукьянчикова М. В. Сталинизм как интерпретационная проблема русской истории в работах М. Хильдермайера.....	74
Дорошин Б. А. Молодежные движения 60-х гг. XX в. как предпосылки формирования постсовременного сетевого общества	77
Саенко Л. В. Социально-правовой статус семьи в России и Армении: сравнительная характеристика.....	82
Ахтырская Ю. В. Правовое обеспечение использования информационных технологий в условиях ДОУ.....	89
Моисеева О. В. Миссия нотариата во взаимоотношениях государства и общества	92
Поваляева В. Е. Проблемы районного суда	94
Хайдаров А. А. Проблемы функционирования процессуальных институтов гражданского общества при производстве по уголовным делам в ходе судебного следствия	98
Шарифи М. Г. О взаимосвязи международного права с внутренним правом	100

Джалали А. А.

Проблемы обеспечения ядерной безопасности мира.....	103
План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Ирана, Казахстана, Польши, Украины и Чехии на базе НИЦ «Социосфера» в 2012–2013 годах.....	106
Информация о журнале «Социосфера»	113
Издательские услуги НИЦ «Социосфера»	118

І. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИЧНОСТНОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО БЫТИЯ

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ: НОВЫЙ РАКУРС ПОНИМАНИЯ

Н. В. Лукьянченко

Сибирский государственный технологический
университет, г. Красноярск, Россия

Summary. This paper describes the reasons for the urgency and complexity research identity in social psychology. Suggested bringing science related Humanities and system analysis to overcome conceptual differences. Essential nature of identity is defined as integrity with multilevel borders. Introduces the concept of konteksttion. Describes her levels: monocentric, dihotomic, gomeostatic, opened.

Key words: identity; identity border; context; wholeness; totality; konteksttion.

На рубеже двух тысячелетий проблема идентичности обрела характер сквозной оси межпредметных рефлексий для множества гуманитарных наук, что можно рассматривать как своего рода лакмус кризисных явлений в определении «собственно человеческого способа существования» [16]. В современном обществе все явственней проступают предельно обостренные противоречия диалектики личностного и социального. Предшественник двадцать первого века – век двадцатый – с одной стороны, характеризуется декларативной выраженностью гуманистических ценностей, активной проработкой технологических аспектов демократического жизнеустройства социума на всех уровнях. С другой стороны – это время трагических разочарований в возможности осчастливить человека свободой. Демократическое общество, освободив человека от духовных рамок, обострило проблему продуктивной экзистенции, аутентичной человеку и соразмерной актуальному состоянию социума [6]. Обратная сторона свободы явилась энтропичностью, неопределенностью экзистенциальных сущностей.

Проблема идентичности – это проблема определенности, субъективной понятности, скоординированности оснований существования человека, которая является условием его жизненной дееспособности. В. А. Ильин отмечает: «Идентичность обуславливает способность индивида к ассимиляции личностного и социального опыта и поддержанию собственной уникальности и субъектности в подверженном изменениям внешнем мире» [3, с. 65].

Вместе с тем природа этого феномена столь диалектична, что с трудом поддается четким определениям. Автор термина, в том понимании, которое сделало его столь популярным, Э. Эриксон, по-видимому, задал некоторую «неопределенность определенности» в соответствии со своим отношением к качественной специфике психологического знания, которое не может быть, по его мнению, понятийной однозначностью и всегда подразумевает некоторый момент «вчувствования в суть». Предметность проблемы идентичности может быть лучше понята при соотнесении с близкими по семантике категориями, которые, по-видимому, оказались недостаточными для вычерпывания сущности субъективной самоопределенности человека. Если рассмотреть категорию Я-концепции, то она выступает для обозначения некоего образа себя, носящего, скорее, срезовой характер, это ответ на вопрос «Кто я, какой я?», своего рода «карта актуальной самохарактеристики». В идентичности определяющим является чувство источникности, исходной динамически самоопределяющейся точки (self-feeling). В противопоставлении гносеологического и онтологического Я-концепция более тяготеет к первому полюсу, а идентичность – ко второму. При соотношении терминов «идентичность» и «самосознание» мы можем опереться на мнение Л. Б. Шнейдер, которая полагает, что, будучи в некоторой степени эквивалентами, эти термины не являются взаимозаменяемыми и тождественными понятиями. Вслед за В. С. Малаховым [9] она говорит, что, вводя термин «идентичность», мы можем тематизировать нерелективные, ускользающие от контроля «самосознания» содержания и вместе с тем не прибегать к зарезервированным психоанализом понятиям «подсознание» и «бессознательное» [16, с. 6]. Другое соотносительное понятие «индивидуальность» принято понимать как структурированный набор присущих человеку характеристик разного уровня, причем не с точки зрения самого человека, а, скорее, объективно аналитически вычленимый при сравнении с другими индивидами. В континууме «объективное – субъективное» индивидуальность ближе к первому полюсу, в то время как идентичность отражает феноменологию субъективного мира человека. Если рассматривать категорию «личность», то в ней при всем многообразии трактовок мы обнаруживаем акцент на действенной стороне субъектности. А идентичность выступает, скорее, основанием, условием личностной активности. Любая из перечисленных категорий в результате сравнительного анализа оказывается менее диалектичной, менее экзистенциальной, чем то, что обозначается словом «идентичность». Неслучайно Л. Б. Шнейдер определяет идентичность через антимонии: внешнее – внутреннее как экзистенциальные уровни единого бытия, неслиянность – нераздельность как категории, выводящие понятие «идентичности» из поля чистого монизма и чистого дуализма [16].

М. В. Заковоротная, сводя альтернативы в единое структурно-динамическое определение, дает такую формулировку идентичности – это «модель жизни, позволяющая разделить Я и окружающий мир, определить соотношение внутреннего и внешнего для человека, конечного и бесконечного, адаптации и самозащиты, упорядочить разнообразие в целях самореализации и самоописания» [4, с. 12].

Неоднозначность понятия «идентичность» создает исследовательские сложности, препятствует его операционализации, формированию адекватного инструментария и разработке типологий в первую очередь в социальной психологии. Традиционным в социальной психологии стало противопоставление личностной и социальной (понимаемой как групповая) идентичностей. Накопленные в исследованиях данные о соотношении их содержательного наполнения достаточно противоречивы. Вместе с тем ряд авторов, как зарубежных (Г. Бриквелл, У. Дойс, Р. Дженкинс) [10], так и отечественных (В. А. Ильин, Д. В. Сипягин) [3], считают неправомерным вышеобозначенное противопоставление, подчеркивая единую личностно-социальную природу идентичности. Ограничения социально-психологических исследований идентичности, на наш взгляд, связаны с излишне однозначной трактовкой границ идентичности, пониманием групповой идентичности как эквивалента групповой принадлежности и универсализацией закономерностей соотношения личностной и групповой идентичности безотносительно личностно-социального становления индивида. Традиции социально-психологических исследований стали своего рода ограничителями, и их преодоление является в настоящее время инновационной задачей. В связи с этим проведем анализ проблемы идентичности, удерживая социально-психологический ракурс обсуждения, но с привлечением наработок как других гуманитарных дисциплин, так и смежных проблемных областей в самой социальной психологии. Речь будет идти о границах и социально-психологической сущности содержательного наполнения идентичности.

По мнению Т. Шибутани, обязательного пространственного или временного совпадения между границами представления человека о самом себе и действительными границами его физического существования не существует, т. к. человек субъективно самоопределяется внутри своего символического окружения. И его действия во многом вытекают из того, что он относит к себе, а что считает существующим вне себя [15]. Б. Ф. Поршнев, анализируя человеческую историю, приводит доказательства того, что самым исходным конституирующим социально-психологическим феноменом было противопоставление «они», и подчеркивает значение внешнего «они» для складывания самоопределенности всякой общности. Формирование «мы» происходит позднее на базе уже готовых отмежеваний [12]. Иными словами, любая фиксируемая в субъективном самоотражении чело-

века социальная целостность предполагает наличие граничащего с ней социального контекста, относительно которого эта целостность и структурируется в сознании. Самоотражение любой социальной целостности определяется соотношением с контекстом. Отделение от контекста – аксиоматическое условие какой бы то ни было оформленности. Так, этнопсихологии указывают, что самовыделение этноса для него первично, а содержательное наполнение этого самовыделения «опредмечивает», делает это самовыделение явным и далеко не обязательно отражает объективные характеристики [7].

Говоря о том, что представление человека о себе гораздо шире его непосредственных физических границ, Т. Шибутани обращает внимание на то, что люди идентифицируют себя с событиями, которые имели место до их рождения или могут случиться после смерти [15]. Иными словами, индивид не имеет жестких рамок выстраивания идентичности, «расширяя» границы своей бытийности не только «по горизонтали» (в социальном аспекте), но и «по вертикали» (во временном измерении). Особенно наглядно такое «расширительное» самовосприятие, не замечаемое современным человеком, выступает в исторических иллюстрациях. Так, В. М. Розин указывает на то, что в течение тысячелетий человек отождествлял себя с родом, семьей (позднее – с государством), и не иметь рода означало вообще не иметь своего лица [13]. Продолжая логику проводимого Б. Ф. Поршневым анализа местоименных начал, обнаруживаем, что при вступлении в сферу «вы» «каждый человек оказывается принадлежащим к разным психическим общностям – разным «мы». С этого момента он уже начинает становиться личностью – точкой скрещения разных общностей [12].

По мнению Б. Ф. Поршнева, по мере развития социума и появления новых форм самоотражения человека, прежние формы, не утрачиваясь в своем фактическом существовании, становятся менее отчетливо представлены, иными словами, «не находятся в фокусе сознания». Это вовсе не умаляет их фактического, а порой априорного по силе действенности влияния [12]. Формирование персональных «пределов» не снимает подспудно существующих групповых границ разных уровней. Эти границы не только не взаимоисключают друг друга, но функционируют одновременно и даже совмещаются в идентификациях человека. В. М. Розин приводит пример такого совмещения в анализе еврейской национальной идентификации. В описании автора еврейская формула – «я человек в качестве еврея». Обращает на себя внимание ощущение совмещенности границ – личных, этнических и общечеловеческих: Я – еврей – человек [13]. Границы могут сдвигаться в более широких масштабах, охватывая сферы всеобщности. Этого добиваются, например, эзотерические практики. Об этом фактически говорят авторы, исследую-

щие проблему формирования экологического сознания (С. В. Дерябо, В. И. Панов, В. А. Ясвин) [2].

Множественность границ задает мультифакторность социального бытия человека и определяет сложности социальной психологии. Социальная идентичность при этом сводится к признакам, приписываемым представителям той или иной группы, а группа в субъективном восприятии индивида понимается как набор единиц (индивидов), а не как расширение границ собственного самоотождествления. На наш взгляд, в таких социально-психологических исследованиях теряется специфика собственно идентичности. На это обращали внимание и некоторые аналитики (Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева, Е. Н. Загоруйко) [5], с сожалением отмечая неправомерное игнорирование чувства идентичности как первичного внутреннего переживания себя (self-feeling). Идентичность имеет некоторую исходную точку – источник ассимиляции, интеграции опыта и самовосприятия. Источниковость идентичности придает ей цельность, возможность связывать разноуровневые начала бытийности человека – от физического до широко социального. И источниковость позволяет «удерживать» сукцессивную оформленность идентичности при постоянном поступательном ее изменении. Можно полагать, что личностная и социальная идентичности различаются не операциями определения содержания (уподобление своим, противопоставление чужим), а широтой заданных границ. Каждый раз основной механизм – соотнесение с контекстом. Но внутреннее субъективное пространство структурируемой определенности разное. Самовыделение из контекста в первом случае имеет индивидуальные границы, во втором – групповые. В этом смысле человек не столько рассматривает себя как рядоположенный элемент своей группы, а, скорее, как точку, расширенную до границ группы.

Итак, человек «волен» самоопределяться в своих границах. Определенность в таком случае не означает однозначной конечности. Чрезмерное «замыкание» границ угрожает субъектности. В. А. Ильин специальным образом обращает внимание на то, что Э. Эриксон выделял два универсальных и при этом содержательно противоположных принципа обеспечения целостности мультифакторных динамических систем, к которым относятся и личность, и социальная структура общества): цельность и тотальность. Цельность подразумевает совокупность частей, вступающих в плодотворное объединение и связь в рамках целого, границы которого открыты и подвижны. Тотальность же предполагает замкнутость, когда все, что находится внутри произвольно очерченных границ, не может выйти за их рамки, а то, что находится вовне, не допускается внутрь [3]. Фактически это означает, что цельность – это не конечность, не замкнутость, а локализованная связность. Это связность множественностей в данных субъективно актуальных границах.

Таким образом, нуждаясь в определенности, а значит, и границах, человек в своем субъективном мире удерживает динамическую многослойность, которая задается как внешними факторами, так и субъективными процессами самоидентификаций. Механизмом содержательного определения идентичности является динамическое соотношение идентифицируемой субъективности и контекста. Формы соотношения с контекстом – вопрос, еще менее изученный, и фактически – пространство «белого пятна» социальной психологии. Во многом это обусловлено линейной логикой альтернативы уподобления – противопоставления в социально-психологических исследованиях идентичности.

Преодоление ограничений линейной логики возможно при обращении к установкам системного подхода, наиболее адекватного при понимании идентичности как цельности с многослойными границами. Характеризуя системный подход, А. В. Черников говорит о том, что он позволяет рассматривать любую единицу и как самостоятельную, и как интегрированную часть целого, в зависимости от уровня «разрешения», который мы выбираем для рассмотрения системы [14]. При этом становится возможным выстраивание линии прогрессивного усложнения соотношения с контекстом. Проблематика определения идентичности через соотношение с контекстом разной степени сложности улавливается в работах психологических школ, характеризующихся продуктивной интеграцией личностного и социального начал в природе человека. Логика этого усложнения прослеживается, например, при анализе последовательности психосоциального развития Э. Эриксона [17], формирования личности через этапы вхождения в социальные общности А. В. Петровского [11], уровней Эго-дифференцированности в теории семейных систем М. Боуэна [1]. Формирование зрелой личности предполагает определенный уровень соотношения с контекстом, который мы назвали контекстуальностью. Можно выделить четыре типа контекстуальности: моноцентрическая, дихотомическая, гомеостатическая и открытая [8].

Моноцентрическая контекстуальность предполагает, что границы не фиксируют разнородности внутреннего и внешнего. Скорее, здесь базовым требованием является приведение в соответствие того и другого. Основной ориентир – догматическая норма, позволяющая стандартизировать действия. В терминах Э. Эриксона этот уровень характеризуется тотальностью, а не цельностью. Дихотомическая контекстуальность основывается на удержании двухполюсной системы позиций – «своей» и «иной» и строится по принципу противопоставления с естественной защитой своего содержания. Гомеостатическая контекстуальность предполагает «целостность внутри другой целостности». Субъект рассматривает себя в границах определенной группы наряду с другими равными ему субъектами, и

идентичность определяется в ориентирах равновесия самопроявлений участников. Гомеостатическая контекстуальность предполагает удержание разных позиций с учетом специфики каждой. И, наконец, открытая контекстуальность определяет возможность, удерживая целостности как личностного, так и группового порядка, выйти за их границы в более широкие контексты, выбор которых – авторское право личности.

Библиографический список

1. Боуэн М. Теория семейных систем Мюррея Боуэна: основные понятия, методы и клиническая практика. – М : Когито-Центр, 2008. – 496 с.
2. Дерябо С. В., Ясвин В. А. Методологические проблемы становления и развития экологической психологии // Психологический журнал. – 1996. – № 6. – С. 4–18.
3. Ильин В. А. Психосоциальная теория как полидисциплинарный подход к анализу социальных процессов в современном обществе : дис. ... докт. психол. наук. – М. : МГППУ, 2009. – 392 с.
4. Заковоротная М. В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты : автореф. дис. ... докт. философ. наук. – Ростов н/Д, 1999. – 31 с.
5. Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В., Загоруйко Е. Н. Идентичность в норме и патологии. – Новосибирск : НГПУ, 2000. – 256 с.
6. Кузьмина Е. И. Психология свободы: теория и практика. – СПб. : Питер, 2007. – 336 с.
7. Левкович В. П., Панкова Н. Г. Социально-психологические аспекты проблемы этнического сознания // Социальная психология и общественная практика. – М. : Наука, 1985. – С. 138–152.
8. Лукьянченко Н. В. Границы и контексты как ключевые аспекты социально-психологического ракурса исследования идентичности печатный // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. Т. 1. Психолого-педагогические науки. – Красноярск. – 2011. – № 3 (17). – С. 249–256.
9. Малахов В. С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. – 1998. – № 2. – С. 43–53.
10. Павленко В. Н. Представления о соотношении социальной и личностной идентичности в современной западной психологии // Вопросы психологии. – 2000. – № 1. – С. 135–141
11. Петровский А. В. Личность. Деятельность. Коллектив. – М. : Политиздат, 1982. – 255 с.
12. Поршнева Б. Ф. Социальная психология и история. – М. : Наука, 1979. – 131 с.
13. Розин В. М. Культурология : учеб. – М. : ИНФРА-М, ФОРУМ, 2000. – 344 с.
14. Черников А. В. Системная семейная терапия: Интегративная модель диагностики. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М. : Независимая фирма «Класс», 2001. – 208 с.
15. Шибутани Т. Социальная психология / пер. с англ. В. Б. Ольшанского. – Ростов н/Д : Феникс, 1998. – 544 с.
16. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность: теория, эксперимент, тренинг. – М. : Изд-во Московского психолого-социального инта; Воронеж : Изд-во НПО «МОДЭК», 2004. – 600 с.
17. Erikson E. H. Identity and the Life Cycle. – N.Y., L., Norton, 1980. – 191 p.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ НАСИЛЬСТВЕННОГО ПРЕСТУПНИКА (ПО ДАННЫМ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

С. В. Шуняев

Тамбовский государственный университет
им. Г. Р. Державина, г. Тамбов, Россия

Summary. The article is dedicated to criminological research personality violent offender. The study was conducted in areas such as social status, gender, age, level of education.

Key words: personality; violent crime; punishment; criminal liability.

Невозможно создать полное представление о насильственной преступности без анализа самой личности насильственного преступника.

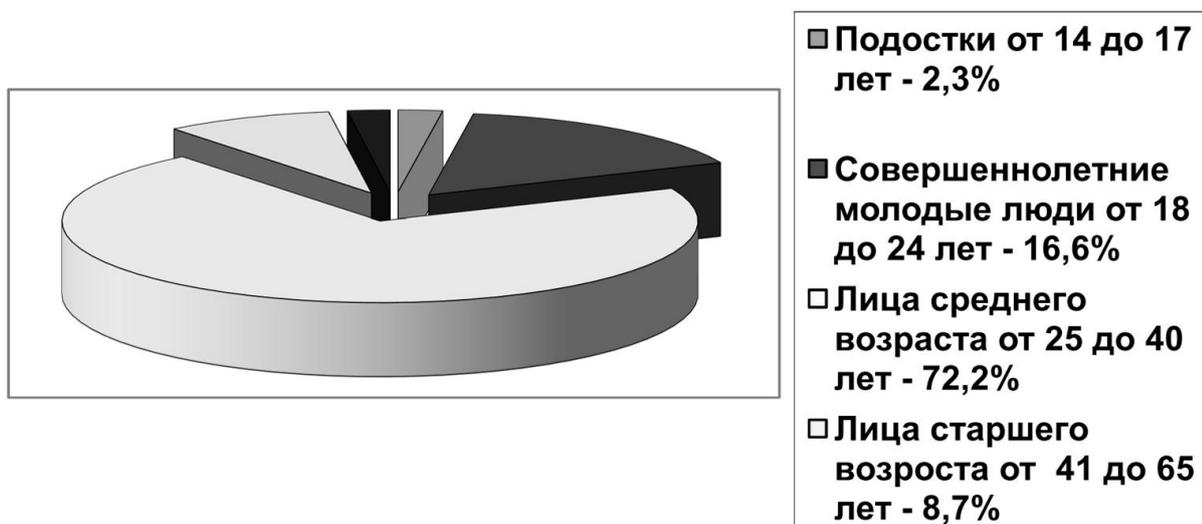
Анализируя криминологические показатели насильственных преступлений в семье, остановимся также и на таких критериях, как первичность, возраст, половая принадлежность, социально-образовательный показатель.

Среди исследованных нами материалов были выявлены следующие данные, характеризующие неоднократность насильственных преступлений в семье: 74,3 % лиц, в отношении которых было возбуждено уголовное дело по факту совершения насильственного преступления в своей семье, ранее уже совершали подобные деяния по отношению к членам своей семьи и (или) близким родственникам. Более того, применяемые к ним определенные меры воздействия (штраф, арест, условное осуждение), как правило, приводили к еще большей агрессии, которая проявлялась в уже более серьезных насильственных актах.

25,7 % – это лица, совершившие насильственные деяния в семье впервые и однократно. Среди них значительное число тех, кто совершил подобное преступление под воздействием регулярного оскорбительного, а порой также и насильственного поведения жертвы, чаще всего склонной к употреблению алкогольных напитков или наркотических веществ. Также были выявлены случаи первичного, однократного насильственного акта, совершаемого при превышении пределов необходимой обороны. К этой процентной категории относятся и лица, совершившие особо тяжкие преступления, в том числе и по корыстным мотивам (например, убийство супруга с целью получения безраздельного права на совместное имущество), либо находящиеся в состоянии особого психического расстройства (убийство матерью новорожденного ребенка), либо находящиеся в психотравмирующей ситуации, в основе которой лежат измена, ревность и т. д. (убийство, совершенное в состоянии аффек-

та, или причинение тяжкого или среднего вреда здоровью в состоянии аффекта).

Анализируя возрастные показатели по данным преступлениям, разделим лиц, совершивших семейное насилие, по следующим возрастным категориям:

Наибольшее количество насильственных преступлений в семье совершается лицами среднего возраста. Это объясняется рядом причин, во-первых, именно в этом возрасте чаще всего уже складываются семейные отношения и рождаются дети; во-вторых, физическое состояние в этом возрасте, как правило, не отягощено какими-либо серьезными болезнями, а соответственно, позволяет лицу находиться в хорошей физической форме; в-третьих, именно в этом возрасте люди чаще сталкиваются со стрессовыми ситуациями (на работе, в кругу друзей, непосредственно в семье), последствиями которых становятся агрессивность, конфликтность и т. д.

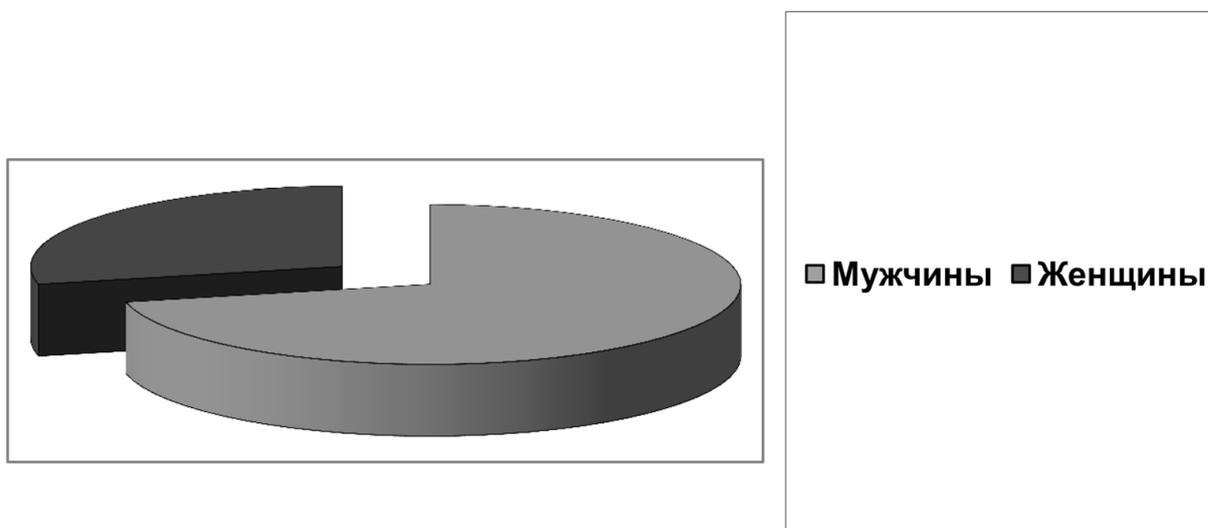
Возраст 18–24 лет близок по своим показателям к предыдущей категории, однако имеет и отличия, которые заключаются в том, что переходный (пубертатный) период как явление крайне индивидуальное не всегда заканчивается именно традиционно обозначенными границами, что также откладывает отпечаток на взаимоотношения с членами семьи и (или) близкими родственниками.

Для лиц старшего возраста, особенно в период мирового экономического кризиса, характерна стрессовая ситуация, связанная с проблемой трудоустройства, а следовательно, и возможностью получать доход, соответствующий хотя бы прожиточному минимуму, результатом данного процесса является вымещение агрессии на ближнем своем окружении.

Небольшой процент совершивших насильственное преступление был выявлен среди лиц, достигших возраста уголовной ответственности, но не достигших совершеннолетия, т. е. подростков. Для этой категории характерны – эмоциональная неустойчивость, ги-

первозбудимость, неспособность к пресечению манипуляций со стороны других лиц, отсутствие ответственности за свои поступки. Именно в этом периоде чаще всего совершаются такие преступления, как убийство матерью новорожденного ребенка, убийство родителей (лиц, их заменяющих) на почве лишения доступа к компьютеру, друзьям, ограничения в карманных расходах и т. д.

Следующий показатель разграничивает преступления в зависимости от полового признака лиц, их совершивших. Большинство преступлений, в том числе и насильственных, совершается мужчинами, так из рассматриваемых нами 556 уголовных материалов – 397 насильственных преступлений в семье было совершено мужчинами.

Преступность женщин отличается от преступности мужчин своими масштабами, характером преступлений и последствиями, способами и орудиями совершения, той сферой, в которой они имеют место, ролью, которую выполняют при этом женщины, выбором жертвы преступного посягательства, влиянием на их правонарушения семейно-бытовых и сопутствующих обстоятельств [1].

Анализ материалов позволяет сделать вывод о том, что женщины проявляют чаще всего насилие в отношении более слабых членов семьи, как правило, по отношению к детям и престарелым родственникам. Насилие в отношении мужей (сожителей) обусловлено либо их виктимным поведением (алкоголизмом (наркотизмом), изменой, агрессией и т. д.), либо алкогольным опьянением самой женщины, когда притупляется чувство страха перед физически более сильным соперником.

Чаще всего женщинами совершаются такие преступления, как оскорбление, причинение легкого или среднего вреда здоровью, побои, неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних, ну и, конечно, убийство матерью новорожденного ребенка. При этом ими практически, в отличие от мужчин, не совершаются преступления на сексуальной почве.

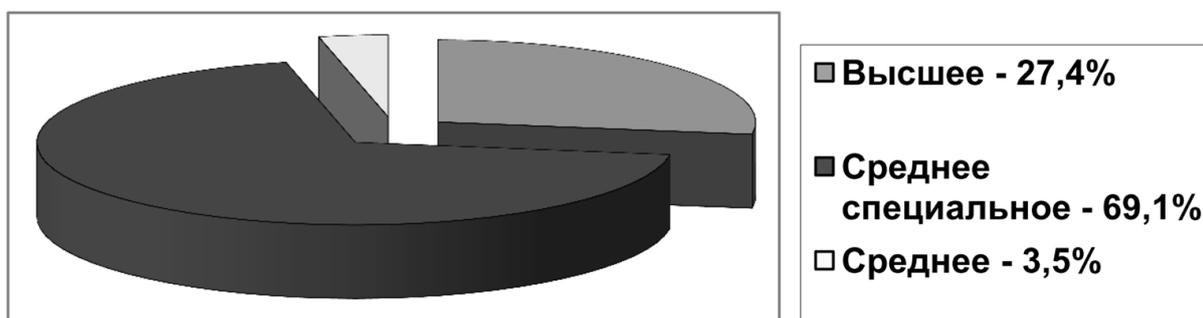
Для мужчин, наоборот, характерны преступления, связанные с причинением более значительного вреда.

Наиболее распространенным орудием совершения преступления, используемым как женщинами, так и мужчинами, являются бытовые ножи. Это косвенно свидетельствует о том, что значительная часть преступлений совершается при возникновении конфликта на кухне или в столовой.

Социально-криминологический показатель раскрывается через такие составляющие, как уровень образования, наличие работы, а также склонность к асоциальным явлениям.

Согласно полученным данным 63,7 % лиц, совершивших преступление насильственного характера по отношению к членам семьи и (или) близким родственникам, были безработными. Наличие свободного времени (как правило, ничем не занятого), денежные затруднения (в связи с отсутствием заработка), депрессия (из-за невозможности реализовать свои способности) – все эти факторы провоцируют депрессивно-агрессивные состояния, которые проецируются на микроокружении, и прежде всего в семье. Это подтверждается и данными, полученными в ходе опроса. Неприятности на работе (в школе и т. д.) выделили 57,3 % опрошенных, алкоголизм (наркоманию) обозначили 40,5 %, безразличие в семье отметили – 1,8 %, иные причины указали – 0,4 %.

Уровень образования у обследуемой категории лиц распределился следующим образом:

Наличие высшего образования не является гарантией отрицательного отношения к насилию в целом и применительно к членам своей семьи (или) близким родственникам в частности, однако, полученные нами данные показывают, что большинство насильственных преступлений в семье совершается лицами, имеющими среднее специальное образование, что в свою очередь отражает уровень развития этих лиц.

Анализ качественных криминологических показателей лиц, совершающих насилие в семье, позволяет сформулировать образ семейного насильственного преступника как мужчину средних лет, имеющего среднее специальное образование, безработного, склонного к алкоголизму или наркомании, совершающего чаще всего

преступления, связанные с причинением вреда здоровью или с нарушением половой свободы или половой неприкосновенности.

Библиографический список

1. Чуфаровский Ю. В. Криминология : учеб. пособие. – М. : Проспект, 2007.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КРИМИНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В ПЕРИОД ИМПЕРИИ В РОССИИ (XVIII–XIX ВВ.)

В. А. Шуняева

**Тамбовский государственный университет
им. Г. Р. Державина, г. Тамбов, Россия**

Summary. The article deals with the stages of development of a preventive policy in Russia during the empire in the 18–19 centuries. The study was conducted in two areas: the study of the criminal liability of minors in the period as a means of preventive impact, and research institute of charity.

Key words: person; a minor; the punishment of criminal responsibility.

Исследованию причин преступности несовершеннолетних, а равно и мерам ее предупреждения посвящали свои труды многие ученые в различные исторические периоды [1; 3; 5; 8]. Однако этап имперского развития считается знаковым в этой сфере, так как был одним из плодотворных периодов становления и развития профилактической политики в отношении личности несовершеннолетнего преступника.

Особенность обозначенного этапа заключается в трансформации представления о личности несовершеннолетнего преступника с пассивного объекта, «способного регулировать свое поведение лишь в незначительной степени» [1, с. 8], до активного субъекта профилактических отношений с устойчивой позитивной системой взглядов и правосознанием. Исходя из понимания места и роли самой личности преступника (в том числе и несовершеннолетнего), в уголовно-правовой науке смещается центр внимания с преступления и наказания на преступника и предупреждение преступления [5, с. 30].

Основным средством воздействия на несовершеннолетнего в начале периода империи был страх перед наказанием. Так, А. О. Кистяковский акцентирует внимание на том, что: «Телесные наказания всевозможных видов были наказанием, можно сказать, специально предназначенным для малолетних. В нашем отчестве, например, малолетние с 7 лет подлежали таким тяжким казням, как казнь кнутом, сим страшным орудием, одного удара которого достаточно для того, чтобы вышибить душу из слабого, хотя вполне сло-

жившегося организма, не говоря уже об организме малолетнего» [8, с. 425].

Несмотря на то, что 23 августа 1742 года был издан Указ Сената, установивший особую юрисдикцию малолетства [1, с. 11], наказание считалось наиболее эффективной мерой предупреждения преступности несовершеннолетних. Дальнейшее законодательство, регулирующее данную сферу, пополнилось Указом Сената от 18 июля 1744 года «О наказаниях преступников малолетних», где уточнялись такие понятия, как малолетние и несовершеннолетние. Так порогом малолетства считался 12-летний возраст, а несовершеннолетними, как и ранее, признавались лица до 17 лет. Указ освобождал от пыток и смертной казни малолетних, однако возможность применения к ним телесных наказаний в виде битья плетью сохранялась, а также предусматривалась ссылка в монастыри на 15 лет за тяжкие преступления с обязательным выполнением тяжких работ.

Следующим этапом становления и развития профилактической политики в отношении несовершеннолетних стал Указ Екатерины II «О производстве дел уголовных, учиненных несовершеннолетними и о различии наказания по степени возраста преступников» [10]. Данный нормативный акт отличали специализация и систематизация норм, регулирующих профилактическое воздействие на несовершеннолетних. Так, дела несовершеннолетних, совершивших тяжкие преступления, передавались в Сенат, где их рассматривала Экспедиция по делам малолетних преступников.

Также шла градация наказания для несовершеннолетних: дети до 10 лет отдавались для наказания родителям или помещику, от 10 до 15 лет наказывались розгами, а от 15 до 17 лет подлежали битью плетью. Обратим внимание на особый комментарий к реализации данного указа, свидетельствующий о гуманизации отношения к несовершеннолетнему преступнику: «А властям, которые были должны осуществлять Указъ предписывалось «оказывать себя больше милостивыми, нежели жестокими судьями, помятуя о том, что и сами они люди» [6, с. 12].

В 1775 году дела о несовершеннолетних преступниках передаются «Совестным» судам, деятельность которых в своей основе должна была иметь милосердие, человеколюбие, терпимость, понимание естественной справедливости. Однако, как отмечает А. В. Анисимов, «совестные суды не получили широкого распространения, их приговоры не отличались особой гуманностью, а профилактический эффект от их деятельности оценивался весьма скромно» [1, с. 12].

Стоит обратить внимание на то, что, несмотря на превалирующее профилактическое значение карательных мер, в данный период происходит зарождение профилактических мер и в иных направлениях. Логично детерминируя рост преступности несовершеннолетних ростом беспризорности, безнадзорности, необразо-

ванности, в 18 веке создается сеть сиротских домов и внедряется практика передачи беспризорных детей в руки частных лиц, а также церковным учреждениям в услужение, а мальчиков, достигших 10-летнего возраста, как правило, отправляли в матросы. Установление подобной опеки позволяло не только приобрести надзор, работу, но и «кров и стол».

В 1764 году в Москве Екатериной II на средства П. А. Демидова был основан Воспитательный дом. Стоит отметить, что такого рода учреждения создавались преимущественно на частные пожертвования. К концу XVIII века в Воспитательном доме располагались: училище для сирот (здесь воспитывали не только будущих художников и ремесленников, но и создавались земледельческие колонии для воспитанников); учительская семинария для подготовки сельских учителей; Румянцевское училище, а также родильный приют.

Аналогичное заведение было учреждено в 1772 году в Санкт-Петербурге. В Воспитательном доме работали мастерские, которые помогали сиротам получать профессию. Из стен этого учреждения выходили лекари, сельские учителя, повивальные бабки, писари, мастеровые, няни, телефонисты, штурманы и шкипера для русского купеческого флота. Как видим, профессии, получаемые детьми, весьма разнообразны и полезны для общества. Часть детей, места которым не хватало непосредственно в Воспитательном доме, передавалась в крестьянские семьи для «приучения к правилам сельского домоводства». Дети оставались в семьях до 21 года, а затем приписывались в крестьяне или мещане.

Практика создания Воспитательных домов имела место не только в столицах, но и в различных округах России, где создавались мини-модели столичных учреждений.

В конце XVIII века впервые издается крупный правовой акт, специально посвященный местному управлению, – «Учреждения для управления губерний», где, в частности, указывалось, что «земский капитан долженствует иметь особое попечение о прокормлении нищих и убогих в уезде, и старается, чтобы всякий приход, помещик или селение своих нищих... прокормил, и оных отнюдь не допускал до такой крайности, чтоб от голода и холода принуждены были по миру маяться и стыдным и порочным образом докучать людям...» [10].

Подобная забота о детях говорит о дальновидности государства, так как забота о несовершеннолетних была обусловлена не только необходимостью прокормления и ухода за нищими, но и предотвращением преступлений, которые могли совершить эти люди, в том числе и дети в состоянии «голода и холода».

В XIX веке продолжились становление и реализация профилактической политики.

Так, в 1832 году в связи с целесообразностью унификации и объединения различных нормативно-правовых актов был издан Свод законов Российской империи. Согласно нормам Свода законов малолетним признавалось 10-летнее лицо. До 10 лет дети считались невменяемыми и передавались на исправление родителям или опекунам.

Уложение о наказаниях Уголовных и исправительных от 1845 года [10] выстроило многоуровневую систему возраста уголовной ответственности. Согласно ст. 100 Уложения 1845 г. «дети, не достигшие семи лет отроду, и потому еще не имеющие достаточного о своих деяниях понятия не подлежат наказаниям за преступления и проступки: они отдаются родителям, опекунам или родственникам для вразумления и наставления их впоследствии» [12, с. 193.]. Ст. 143 Уложения 1845 г. предусматривала освобождение от уголовной ответственности детей в возрасте до 10 лет, это распространялось и на лиц в возрасте от 10 до 14 лет в случае совершения ими преступления «без разума».

Нормы ст. 144 субъектом преступления признавали физическое вменяемое лицо, достигшее 10-летнего возраста. В ст. 145 Уложения 1845 г. предусмотрено наказание для лиц 14–21 года с небольшими ограничениями в их применении, предписывалось подвергать их «тем же наказаниям, как и совершеннолетние с той лишь разницей, что наказания телесные над теми, которые по состоянию своему от оных не изъяты, совершаются не через палачей, а через полицейских служителей, и не плетьюми, а розгами, и что время работ, к коим они приговариваются, сокращается одной третью: а в случаях, когда их следовало приговорить к каторжной работе в рудниках без срока, они приговариваются к каторжным работам в рудниках на двадцать лет» [10].

Дифференциация уголовной ответственности несовершеннолетних проявилась в том числе и при совершении ими менее тяжких преступлений, так, ст. 146 Уложения 1845 г. предусматривала за обозначенный вид деяния «военную службу рядовыми с выслугою, или, в случае неспособности к строевой службе, в писцы военного ведомства, также с выслугою» [3].

Особое место при этом занимает вовлечение несовершеннолетних в преступление. Учитывая возрастные психологические особенности несовершеннолетних (зависимость от третьих лиц), несовершеннолетним снижается наказание, «если доказано, что несовершеннолетний вовлечен в преступление другим совершеннолетним, то следующее ему наказание может по усмотрению суда быть уменьшено одною или двумя степенями» [3].

Однако при совершении повторного преступления несовершеннолетними ст. 150 Уложения 1845 г. предусматривала уголовную ответственность, равную с совершеннолетними, следовало подвергать их «одинаковому с совершеннолетними определенному за-

коном наказанию, токмо с освобождением от наказаний телесных, или с уменьшением меры оных» [3].

Анализируя систему уголовной ответственности XIX в. как одного из средств профилактической политики, стоит отметить ее развитие в различных направлениях: подробная возрастная градация уголовной ответственности предполагала различный уровень «разумения» несовершеннолетними, т. е. степени осознания ими не только своего деяния, но и преступных последствий; выстроенная система наказаний отходила от карательной направленности к воспитательной, что выражалось в возможности передачи малолетних детей под присмотр родителей и помещиков; альтернативой наказания стала военная служба; свидетельством гуманизации стала также реализация телесных наказаний не через палачей, а через полицейские службы, что существенно снижало степень физического воздействия на несовершеннолетних.

Характеризуя иные направления в области профилактической политики в отношении несовершеннолетних, отметим, что в XIX веке продолжают учреждаться различные училища и иные воспитательные учреждения, находившиеся под покровительством правительственного комитета. Однако большая часть средств продолжала поступать именно из частных пожертвований, государственная же поддержка, прежде всего, заключалась в согласовании деятельности, в ведении статистического учета и организации помощи в связи с конкретной чрезвычайной ситуацией, в частности с войнами.

В 1938 г. под покровительством и руководством императрицы Александры Федоровны был учрежден Комитет Главного попечительства детских приютов. В него входили видные представители дворянства: князь В. Ф. Одоевский, князь С. М. Голицын, граф В. А. Строганов и др. В 1864 г. Комитет главного попечительства был упразднен, а в 1869 г. общий и высший надзор за всеми приютами был поручен IV отделению Канцелярии императора [2].

Активно шла реформа государственного призрения детей, принимались новые нормативно-правовые акты, в том числе «Устав об общественном призрении» (1857 г.), который не только определял направления предупредительной деятельности, но и регулировал управление благотворительными капиталами и имуществом.

Особое место в системе призрения стали играть исправительно-воспитательные заведения, целью которых было «из несовершеннолетних правонарушителей и беспризорных детей образовать религиозно-нравственных и трудолюбивых детей и сообщить им такие знания, которые дали бы им возможность существовать впоследствии своим трудом» [11].

Подводя некоторые итоги обозначенному периоду с профилактических позиций, отметим зарождение и формирование новой профилактической доктрины превалирования воспитательной по-

литики над карательной в отношении несовершеннолетних преступников. В основе подобного направления лежала идея не только соразмерности наказания с возрастом несовершеннолетних, но и с достижением главной цели – осознанием несовершеннолетними направленности своего деяния, не повторением его в дальнейшем. Впервые несовершеннолетний рассматривается как личность, способная к осознанию и принятию правомерных волевых решений.

Библиографический список

1. Анисимов А. В. Организационно-правовые основы системы предотвращения правонарушений среди несовершеннолетних в России: вторая половина XIX– первая треть XX в. : автореф. дис. канд. юрид. наук. – Владимир, 2011.
2. Апарина И. И., Попов В. М. Государственное и частное призрение детей в дореволюционной России. – М., 2000.
3. Бытко Ю. И. Сборник нормативных актов по уголовному праву России X– XX веков. – Саратов : Научная книга, 2006.
4. Богдановский А. Молодые преступники. Вопросы уголовного права и уголовной политики. – СПб., 1871.
5. Гернет М. Н. Социальные факторы преступности. – М., 1905.
6. Дети преступники / под. ред. М. Н. Гернета. – М., 1912.
7. Кольцов М. И. Применение наказаний к несовершеннолетним: исторический, современный российский и зарубежный опыт. – Тамбов, 2009. – 170 с.
8. Кистяковский А. О. Молодые преступники. Учреждения для их исправления. – Киев : Университетская типография Завадского, 1878.
9. Озерецкий Н. И. Несовершеннолетние правонарушители // Преступность и преступник : сб. Вып. 2. – М., 1927.
10. Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. – СПб., 1830. – Т. 17.
11. Тальберг Д. Г. Исправительные приюты и колонии в России. – СПб., 1882.
12. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. Т. 1. – М. : Наука, 1994.

УРОВЕНЬ КОМПЕТЕНТНОСТИ И ФЕНОМЕН ПАНИКИ

В. С. Симаков

Филиал Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М. Ф. Решетнева, г. Железногорск, Россия

Summary. The article tells us about how adequate are managers of different rank dealing with emergency situations, their abilities to cope with various tasks, typical and non-typical in response to emergency. The issues of panic formation and reaction to it are raised here. The problem of authority's interaction with local people and the media about emergency situations reporting are also described here.

Key words: competency; panic; gossips; Sayano–Shushenskaya hydroelectric power station; authority; society; news people.

«Паника – эмоциональное состояние, возникающее как следствие либо дефицита информации о какой-то пугающей или непонятной ситуации, либо, напротив, как следствие ее избытка и проявляющееся в импульсивных действиях» [1, с. 61].

«Компетентность – способность человека справляться с решением разнообразных задач, как стандартных, так и нестандартных, как в пределах, так и на границах его компетенции или области ответственности» [2].

17 августа 2009 года крупнейшая в России электростанция – Саяно-Шушенская ГЭС – была остановлена из-за аварии на одном из гидроагрегатов. По сообщению Василия Зубакина, официального представителя компании «РусГидро», эксплуатирующей ГЭС, авария произошла приблизительно в 08.15 по местному времени в ходе ремонта. В результате 9 из 10 гидроагрегатов станции были разрушены.

Многие последующие дни внимание всей страны было приковано к этому трагическому событию. Напомним, что в траурном списке погибших в результате этой катастрофы числится 75 человек.

Прошло три года, но внимание к трагедии на СШГЭС и к последующим событиям у многих не ослабевает и до сих пор.

В первые часы своего развития эта трагедия породила панику.

Когда в машинный зал СШГЭС хлынула вода, некоторые руководители станции, те, кто по должности обязан был принимать оперативные решения в этой экстремальной ситуации, то есть действовать в рамках своей компетентности, в бегстве покинули ее. В то же самое время, когда станцию в панике покидали «компетентные» руководители, несколько рядовых сотрудников, рискуя жизнью, вручную (из-за отказавшей автоматики) опустили затворы, тем самым предотвратив еще большие масштабы разрушений и подтвердив свой уровень компетентности.

Глава Ростехнадзора Николай Кутьин 25 августа заявил: *«Персонал и руководство станции в первые сутки после аварии были дезорганизованы и не способны к работе»* [3], добавив, что искренне благодарит всех сотрудников МЧС, которые приняли участие в спасательных работах на станции. Тысячи жителей юга Красноярского края в страхе перед разрушением ГЭС эвакуировались в горы, скупались хлеб, макароны, соль и бензин.

Панике способствовал и вой сирен над городом Саяногорском, который стоит в 30 километрах от плотины, а также над городом Минусинском, расположенным примерно в 80 километрах от СШГЭС. Спровоцировали слухи и сами власти Минусинска, официально заявившие в утро трагедии о возможности подтопления дач вблизи города из-за повышенного сброса воды на Саяно-Шушенской ГЭС.

Первые 4–5 часов, т. е. примерно до 11–12 утра, власти никаких официальных разъяснений не сделали, и это тоже породило волну слухов и панику.

Так, в Абакане, столице республики Хакасия, что примерно в 100 км от СШГЭС, жители начали массово покидать город, скупать бензин на заправках, в результате чего его стали продавать по 50 рублей за литр. Жители эвакуировались из города в горы, причем ДПС всех выпускали из Абакана, но никого не впускали, опасаясь мародерства.

Самым популярным местом в этот день стали окрестные сопки. Именно там обеспокоенные граждане рассчитывали переждать возможное подтопление. Абаканцы собирались на горе Самохвал. Черногорцы и усть-абаканцы спешили в сторону поселка Пригорск – занять пока еще свободные места на Кунинской гряде. Кунинская гряда – череда 200–300-метровых сопок, начинающихся недалеко от Усть-Абакана и Черногорска, – была буквально усыпана автомобилями и палатками. Картина была схожа с той, что и на Горе любви (Самохвале). Некоторые автомобили были под завязку загружены теплыми вещами, продуктами, дровами. Минусинцы и шушенцы направили свои семейные автомобили в сторону Тараски и Саян.

«Люди, впадая в панику, перерастающую в массовую истерику, в одночасье смели товары первой необходимости с прилавков магазинов. На заправках – вереницы машин. Такие же ряды – возле светофоров и на перекрестках. В попытках опередить соседа люди не считались с правилами ни дорожного движения, ни элементарного приличия» [4], – пишет информагентство Хакасии.

Паника усугубилась тем, что пропадала сотовая связь и доступ к Интернету. На интернет-форумах Хакасии люди в панике предполагали, что *«связь специально глушат»*.

Позднее представители «Енисейтелекома» рассказали, что в период с 10 до 12 часов 17 августа фиксировалось 350 тысяч звонков

в час при норме 50 тысяч. И именно это огромное количество звонков породило сбой в телефонной связи.

Во второй половине дня глава Хакасии Виктор Зимин в своем видеообращении призвал людей не поддаваться панике. Как писали местные СМИ, губернатор вынужден был приехать к месту трагедии после двухдневной свадьбы дочери в республиканском Драмтеатре с участием звезд отечественного шоу-бизнеса.

В интервью агентству «Интерфакс» глава МЧС Сергей Шойгу заявил: *«Шел постоянный выброс панической информации и эту панику мы успокоили только ко второй половине дня, когда объяснили, что происходит»* [5].

Представители МВД сообщили, что к вечеру 18 августа люди с гор начали возвращаться в города юга Красноярского края, случаев мародерства отмечено не было.

Глава МЧС Сергей Шойгу призвал найти и наказать тех, кто сеял панику.

И один «виновный» тут же был найден. 20 августа 2009 г. было возбуждено уголовное дело в отношении журналиста Михаила Афанасьева. Основанием для этого послужили публикации на сайте «Новый фокус» о том, что для спасения пропавших без вести сотрудников Саяно-Шушенской ГЭС, которые застряли в «воздушных мешках», не предпринимается всех необходимых действий. Расследованием по данному делу занимался отдел дознания Абаканского УВД. После проведения лингвистической экспертизы было принято решение дело закрыть в связи с отсутствием состава преступления.

*«О том, что в отношении меня прекратили уголовное дело, я узнал из сообщений прессы, – рассказал газете «Новые Известия» Михаил Афанасьев. – Журналисты сообщили мне, что дело закрыто 26 августа, а 27 и 28 августа меня и Эрика Чернышева еще допрашивали и проводили с нами очную ставку. Дознаватель убеждал меня, что Эрик Чернышев, который рассказал мне, что на станции остались живые люди, пытался вызвать у меня негативное отношение к президенту России. А вчера против меня хотели возбудить новое дело. Прокуратура углядела в моей статье **«скрытые знаки, которые негативно влияют на подсознание и психическое здоровье граждан»** (выделено мной – В. С.). Такое мнение представители прокуратуры высказывали, ссылаясь на заключение некоего психиатра»* [6].

Всего вероятнее, речь идет о пресловутом «эффекте 25 кадра».

Александр Репьев в статье «Миф о 25-м кадре. Российская глава» писал: *«В 1958 г. американский мошенник Вайкари срубил \$22,5 млн., придумав лохотрон под названием «25-й кадр». Этот бред уже давно опровергли сто раз; уже давно сам Вайкари признался в фальсификации, но... эта утка выжила, перелетев в*

страну «круглосуточных дураков». Здесь она жиреет прямо на глазах на деньги, «отборные» у наших налогоплательщиков» [7].

Буквально все результаты многочисленных исследований американских ученых, опубликованные с 1957 года, подтверждали давно известный психологам факт – нулевое восприятие означает нулевой отклик. **В июне 1958 года American Psychological Association официально опровергла все псевдонаучные утверждения Вайкари.**

Но оказывается наши отечественные «компетентные» психиатры могут найти «скрытые знаки» не только в рекламе «Кока-Колы», но и некие «скрытые вставки» в напечатанном тексте.

Комментируя уровень профессионализма и компетентности наших «психологов», «психиатров», прочей публики, наконец, следователей прокуратуры, американцы используют ласкающие русское ухо выражения “*Russian paranoia*” и “*crazy Ivan*”. По поводу нашей шумихи с 25-м кадром американцы пишут: «*Не в первый и не в последний раз, много времени, средств и сил было потрачено на «защиту» населения от того, что не представляет для них опасности*» [8].

Руководитель Центра экстремальной журналистики Олег Панфилов заявил газете «Новые Известия», что связывает закрытие уголовного дела в отношении Михаила Афанасьева с тем, что «чиновники поняли, что совершили глупость, и предпочли дело закрыть, нежели нарваться на большой скандал и в очередной раз выслушивать упреки от международных организаций». «*Возбуждение подобного уголовного дела объясняется истерикой, которая случилась у чиновников после аварии на Саяно-Шушенской ГЭС, – продолжает Олег Панфилов. – Эта истерика показала, что власть не хочет менять отношение к обществу и к журналистам и собирается, как и прежде, переключать свою вину на других, делая репортеров крайними*» [9].

16 октября 2009 г. прокуратура города Абакан Республики Хакасия завершила проверку работы отдела дознания городского УВД по этому уголовному делу. Закрытие дела признано прокуратурой законным.

Вероятно, на подобный исход дела повлияло и заявление главы МЧС РФ Сергея Шойгу: «*Я не узурпатор, Бог ему судья, он (Афанасьев) мне абсолютно безразличен, я не кровожадный человек*» [10], – сказал министр, добавив, что, по его мнению, обвиняемый должен набраться мужества и извиниться перед спасателями.

1 февраля 2010 г. Союз журналистов России присудил Михаилу Афанасьеву награду в номинации «Журналистское мастерство» за лучшее журналистское произведение 2009 года. Помимо Михаила Афанасьева, лауреатами конкурса стали журналисты Эрик Чернышев и Григорий Назаренко, которые также работали на месте ава-

рии СШГЭС. То есть журналистское сообщество признало компетентность своих коллег.

Но что можно сказать об уровне компетентности и профессионализма журналиста одного из местных телеканалов, которая выспрашивала у людей, собравшихся на горе Самохвал: «*Расскажите, а что было самым страшным?*» Ну ладно, молодая, неопытная, но редактор, выпустивший этот сюжет в эфир, должен знать, что подобным образом сформулированные вопросы не гасят, а усиливают панику! Этому же учат на журналистском факультете, или, по крайней мере, должны учить! Но эту лекцию наши горе-журналисты пропустили.

Специалисты в области социальной психологии отмечают, что социально-психологическими и идеологическими предпосылками паники являются отсутствие ясной и высокозначимой общей цели, эффективного лидерства, недостаточное доверие к лидерам и низкий уровень групповой сплоченности. Стоит добавить, что в обстановке, когда множество людей ожидают какого-то страшного события, средства защиты от которого неизвестны, стимулом панических настроений и действий может стать словесное обозначение ожидаемого события (даже при его реальном отсутствии).

События 17 августа 2009 года развивались, как говорится, по учебнику.

Вот как их описывает Сергей Амелин в статье «Инстинкт самосохранения затоптал официальную информацию»:

«...Понедельник, 17 августа. Около 9 часов утра. Начинался обычный день очередной рабочей недели. Жители Абакана, Черногорска, других городов и весей спешили по своим делам. Все как всегда. Ничто не предвещало скорого взрыва человеческих эмоций.

*Неожиданно ситуация стала накаляться. Кому-то позвонили родственники, кому-то – друзья или коллеги. По мере передачи «из рук в руки» тревожная информация обрастала все новыми невероятными подробностями. Все происходило моментально и по простой до банальности схеме. К примеру, кто-то из пассажиров общественного транспорта получает на свой телефон тревожную смску и тут же перезванивает на потревоживший его номер: **«СШ ГЭС прорвало?.. Не может быть!..»** Тут же начинают волноваться другие пассажиры, достают свои сотовые телефоны. А те, у кого их нет, спрашивают о случившемся. Нервное напряжение начинает расти и прорываться наружу... «Взрыв» произошел ближе к полудню. Уже утром мобильная связь начала барахлить. К обеду же звонить по мобильникам стало практически невозможно. Официальной же информации, распространяемой через телевидение и радио, многие предпочли старое, как мир, „сарафанное радио“...» [11]*

Психологическая наука уже давно выработала рекомендации по противодействию феномену паники. Это, прежде всего, идеологическая и организационная подготовка группы (населения) к возможным опасностям, обеспечение эффективного руководства, воспитание лидеров, пользующихся высоким доверием группы (населения).

А главное, с точки зрения Акопа Назаретяна, много лет посвятившего исследованию психологии стихийного массового поведения, заключается в следующем: *«Чрезвычайно важен учет общепсихологического фактора паники: прежде всего, своевременное информирование людей о возможных опасностях и имеющихся способах противодействия. Последнее касается предупреждения как коллективной, так и индивидуальной паники»* [12].

А. Назаретян подчеркивает, что при наличии знания (сколь бы иллюзорно оно ни было) и программы действий (пусть и неадекватной) человек чувствует себя активным субъектом – и ситуация решительно меняется. Образуется другая доминанта, внимание переключается со страха и боли на предметную задачу, в итоге же страх уходит совсем, а болевой порог значительно повышается. *«Как правило, – пишет А. Назаретян – реальная опасность обратно пропорциональна осведомленности, а точнее, оперативной готовности к ней»* [13].

Сегодня уже имеются компьютерные модели развития поведения неорганизованной массы людей (толпы) в той или иной ситуации, включая и панические настроения людей.

«Наши «панические» расчеты нужны хотя бы затем, чтобы представлять себе, какая именно реакция будет на то или иное событие, и заранее рассчитать ресурсы для контроля над ситуацией, – говорит соавтор компьютерной модели профессор Василий Ястребов, руководитель Центра по изучению систем поддержки психического здоровья РАМН. – Что касается воздействия на толпу, то лучше всего действовать заранее. А лучшая профилактика – это разъяснение. Если какая-либо опасность действительно существует, то о ней нужно говорить, но говорить грамотно, взвешенно, не оставляя места домыслам и двусмысленностям. Если уже что-то произошло, то людям следует дать лидера, который сможет переключить внимание людей с чувства опасности на конкретное действие. Лидер также сможет взять на себя психологическую ответственность за людей, вернув им хотя бы частичку чувства защищенности» [14].

Но В. Ястребов также сожалеет о том, что сейчас так легко успокоить панику в толпе уже не получится. Толпа прошлого столетия и сегодняшняя – это, по его мнению, как небо и земля, ведь за последние десятилетия в обществе прослеживается четкая тенденция к нарастанию агрессии. Благодаря телевидению террор и насилие все больше становятся нормой жизни, а это значит, что

у общества снижается порог чувствительности к таким трагедиям, ведь человек не может все время жить в состоянии стресса, он к нему привыкает и перестает замечать. Зато когда такая трагедия случается в реальной жизни, то состояние шока становится гораздо сильнее и руководствоваться он будет транслируемой по телевизору моделью поведения (*вспомним вопросы тележурналиста о пережитом страхе!* – В. С.). Так что для предотвращения последствий массовой паники, считает В. Ястребов, уже сейчас необходимо готовить таких «психологов специального назначения», которые будут готовы в любой момент обуздать паникеров.

То есть речь вновь заходит о людях, обладающих достаточным уровнем компетентности. Не просто руководителей, сидящих во властных креслах разного уровня, не просто работников печатных и электронных средств массовой информации, не просто узких технических специалистов, а лидеров, готовых *«взять на себя психологическую ответственность»*.

А вот здесь мы сталкиваемся, наверное, с одной из самых главных проблем современной российской действительности: при официально декларируемой поддержке решений и действий «партии и правительства», в реальности – катастрофическое недоверие к официальной информации, что исходит из уст властьпредержащих, тем более в экстремальных ситуациях.

В принципе, это объяснимо, так как: *«Единожды солгавши...»*.

Вспомним, как доносилась властями СССР первоначальная информация о катастрофе на Чернобыльской АЭС. Как была беспомощна в 1969 году всласть тогда еще Хакасской автономной области, допустившая затопление областного центра, города Абакана, больше чем на 85 процентов. О том, что город затоплен разлившейся рекой Ташёбой (почему-то с ударением на втором, а не, как правильно, на третьем слоге!), жители города, сидящие на крышах, узнали из новостей московского, а не местного радио.

Кто предупредил в 1988 году жителей Красноярска, других населенных пунктов, расположенных вниз по течению от плотины Красноярской ГЭС, о залповом сбросе воды Красноярского водохранилища? В краевом центре тогда пострадали не только многие жители, но и многие предприятия. Например, со склада Красноярского ЛДК был смыт многолетний запас бревен, который частично застрял на берегах Енисея вниз по его течению в нескольких сотнях километрах от комбината, но большей частью был унесен в Карское море. Была затоплена большая часть территории Красноярского комбайнового завода и многих других предприятий, расположенных на берегах Енисея.

Кто предупредил в 2006 году красноярцев – владельцев автомобилей, запарковавших их на набережной Енисея в центре города, владельцев торговых палаток, расположенных там же, опять же о

залповом сбросе воды Красноярского моря? И автомобили, и торговые палатки ушли под воду.

Противопоставить что-то главному инстинкту человека – инстинкту самосохранения – очень и очень сложно. Разве опять же компетентность всех уровней власти, руководителей, инженеров и других сотрудников Саяно-Шушенской ГЭС, всех работников печатных и электронных СМИ, наконец, всего населения.

И хотя сегодня и печатные, и электронные СМИ, а также Интернет наполнены большим и достаточно полным объемом официальной информации о положении дел на Саяно-Шушенской ГЭС, идет война (пока виртуальная!) противников и сторонников СШГЭС, тех, кто не верит официальной информации, и тех, кто ей доверяет.

В декабре 2009 года главное управление МЧС России по Хакасии начало распространение среди абаканцев листовки-памятки **«Что надо знать об эвакуации»**, с подробными инструкциями на случай экстремальной ситуации, приложением схемы эвакуации, если таковая потребуется и, главное, с призывом к горожанам: **«Ни при каких обстоятельствах не поддавайтесь панике и провокационным слухам!»**.

В ответ некий Tagir 23.12.2009 публикует карту потенциально-го затопления и призывает (*стилистика, орфография и пунктуация автора сохранены – В. С.*): **«Помните! Распространяемый МЧС план эвакуации Абакана – всего лишь мера по успокоению населения и по сути является диверсией против населения Абакана.**

В случае прорыва СШ ГЭС у абаканцев не будет обещанных МЧС 6,5 часа – волна высотой до 50 метров не может двигаться 20 км/час! У абаканцев есть единственный шанс – успеть в течении получаса добежать до горы Самохвал и взобраться как можно выше, так как накат волны на гору будет много большим 50 метровой волны» [15].

17 января 2010 г. Дмитрий Верхотуров, автор собственного сайта, публикует статью «Рубить плотину!», в которой пишет, «что ни восстановить, ни сохранить Саяно-Шушенскую ГЭС невозможно». И предлагает ни много ни мало: «...приступить к демонтажу всего гидроузла, включая и Майнскую ГЭС» [16].

Ответ на статью Д. Верхотурова был подписан начальником службы мониторинга гидротехнических сооружений Саяно-Шушенской ГЭС Н. И. Стефаненко и ведущими инженерами СШГЭС к. т. н. Ю. Н. Александровым и к. т. н. Е. Ю. Затеевой. В своем ответе Д. Верхотурову профессионалы аргументированно, в спокойном, сдержанном тоне возражают ему, что «на сегодняшний день нет ни одной цифры, свидетельствующей об ухудшении состояния плотины Саяно-Шушенской ГЭС. Делать глубоко идущие

выводы на основании одной фотографии некорректно, а с учетом попытки вызвать общественный резонанс – аморально» [17].

Кстати, ответ инженеров СШГЭС Дмитрию Верхотурову опубликован на сайте с названием «Плотина.Нет!», на котором представлены разные точки зрения на проблемы гидроэнергетики, но по большей части это критические материалы противников этого сектора экономики нашей страны.

12 октября 2009 г. группа инициативных граждан, собрав **1823** подписи жителей юга Красноярского края, направляет Обращение к Президенту Российской Федерации Д. А. Медведеву и Председателю Правительства Российской Федерации В. В. Путину с просьбой *«ради безопасности десятков (сотен) тысяч человеческих жизней принять решение о полном спуске Саяно-Шушенского водохранилища и закрытии Саяно-Шушенской ГЭС»* (см. [18]). Копии этого Обращения его инициаторы направляют губернатору Красноярского края А. Г. Хлопонину, Председателю Правительства Республики Хакасия В. М. Зимину и в средства массовой информации.

1 февраля 2010 года на сайте «Плотина.Нет!» появляется еще одно письмо инициаторов Обращения к Президенту и Председателю Правительства РФ, обеспокоенных тем, что *«...судя по полученным ответам от аппарата Президента и аппарата правительства, наше обращение не дошло лично до Медведева Д. А. и Путина В. В. Их чиновники переадресовали обращение в министерства и ведомства. Министерство энергетики до сегодняшнего дня не удостоило нас своим ответом»,* предсказывающих *«Уважаемому Человечеству»,* что, если мы *«не опомнимся – ждет нас участь Атлантиды»* и что *«нашу безопасность никто не обеспечит, кроме нас самих, каждый на своем месте»* [19].

2 февраля 2010 года правительство республики Хакасия в лице Заместителя Председателя Правительства А. Новоселова публикует ответ обеспокоенным 1823 согражданам, в котором, в частности, указывает, что *«...надежность и безопасность плотины ОАО «Саяно-Шушенской ГЭС им. П. С. Непорожного» подтверждается декларацией безопасности гидротехнических сооружений, утвержденной в марте 2009 года, с комплексом разработанных критериев безопасности, определяющих допустимые параметры сдвига, наклонов и напряжений в теле плотины. Плотина Саяно-Шушенской ГЭС оборудована многочисленными датчиками, которые постоянно следят за ее состоянием. В настоящее время по результатам выполняемых замеров состояние плотины ни по одному из указанных показателей не приближается к предельному значению»* [20].

В начале 2010 года, в противовес сайту «Плотина.Нет!» общественное движение «За плотину – против паники!» открывает сайт с

одноименным названием, на котором публикует Обращение движения. В Обращении паникерам предлагается *«прекратить создавать панику, распространяя псевдонаучные рассуждения в онлайн-мессенджерах, блогах и других площадках... оставить советы по прорубанию каналов в теле плотины для «спасения» ГЭС при себе, пусть работают восстанавливающие СШ ГЭС профессионалы»*. Также паникерам предлагается просто успокоиться.

Кроме того, инициаторы этого Обращения просят власти: *«Запретить доступ на СШ ГЭС фанатично настроенных и пораженных «антиплотинным» настроением представителей общественности для предотвращения диверсий; провести расследование по источникам финансирования радикальных протестных движений и принять соответствующие меры, в случае обнаружения шпионского следа; разработать законопроект, по которому подобные произошедшему 17 августа 2009 года события вызывали бы автоматическое введение в регионе военного положения – с соответствующим обращением с паникерами»* [21].

Посетителям сайта предложено голосовать за это Обращение (кстати, варианта голоса «Против» не предусмотрено), оставляя свои комментарии. На момент написания статьи *«свой голос за плотину и против паники»* отдали 492 человека.

Кстати, «крайняя» новость на сайте движения *«За плотину – против паники!»* датирована 26 июля 2010 г., тогда как сайт *«Плотина.Нет!»* продолжает свою деятельность и, к примеру, 8 августа 2012 г. опубликовал рассказ об ощущениях в те августовские дни 2009 года шеф-редактора ИА «Хакасия» Игоря Саськова под названием *«Три года после аварии на СШГЭС: Его Ничтожество Вранье»* (см. [22]).

Приходится с прискорбием констатировать, что яростные споры в обществе о причинах трагедии на СШГЭС и об ее будущем не утихают и (пока еще!) виртуальная гражданская война продолжает набирать обороты.

Автор же может только присоединиться к компетентному голосу научного сотрудника РАН Н. Н. Балашова: *«Решительно против всякого рода паникерства и дилетантских истерик. СШ ГЭС должна быть полностью восстановлена, и всем, участвующим в восстановительных работах, должны быть созданы все условия для их успешного выполнения, в том числе, и надлежащим образом организованная охрана ГЭС с недопущением туда любых посторонних лиц и в первую очередь – потенциальных устроителей экстремистских акций. Но при этом требования "введения военного положения" – это все же перебор. Для таких случаев существует термин "чрезвычайное положение", которое отнюдь не равно военному»* [23].

Прошло ровно три года с момента катастрофы на Саяно-Шушенской ГЭС. Полным ходом идет ее восстановление. Хотелось думать, что руководители как федеральные, так и региональные вкупе с местными властями извлекли соответствующие уроки из этой трагедии. И что уровень компетентности людей, поставленных руководить министерствами, регионами, городами и весями нашей огромной страны, теперь-то уж соответствует тем требованиям к личностным и профессиональным качествам, что предъявляют к ним условия чрезвычайных ситуаций. И что эти руководители при необходимости способны не допустить паники среди населения.

Но 7 июля 2012 г. паводок затопил 7,2 тысячи жилых домов в городах Геленджик, Крымск и Новороссийск. Погиб 171 человек, пострадали десятки тысяч.

9 июля жители Крымска перекрыли улицу Ленина из-за слухов о прорыве дамбы и второй волне наводнения. *«В городе началась паника. Люди пытаются выехать из Крымска и забираются на самые высокие места, в том числе на крыши домов»* [24].

В этот же день глава МЧС Владимир Пучков признал, что система оповещения населения об угрозе наводнения не сработала должным образом на Кубани. *«Со стороны руководителей на местах и отдельных служб были допущены ошибки... Не все население было оповещено в установленные сроки»*, – сказал министр, комментируя наводнение в Краснодарском крае.

Вскоре последовало заявление представителя МЧС, что в 40 процентах субъектов РФ системы оповещения, предназначенные для информирования населения о чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера, не в полной мере соответствуют установленным требованиям.

Собеседник агентства «РИА Новости» пояснил, что в данных регионах системы оповещения *«ограниченно готовы к работе»*, а *«органы исполнительной власти обеспечили готовность систем оповещения к использованию по назначению только в 50 субъектах РФ (60,2 процента), ограничено готовы системы оповещения в 33 субъектах (39,8 процента)»* [25].

А вот и апогей «компетентности».

14 августа 2012 г. газета «Известия» пишет, что руководитель Росприроднадзора Владимир Кириллов приказал создать в службе экстренную комиссию, обязанность которой – тщательно контролировать все журналистские запросы независимо от пресс-службы. Теперь вся информация о службе будет проходить проверку на секретность, прежде чем попасть в СМИ. Об этом сообщил «Известиям» источник в Росприроднадзоре. Отныне чиновникам запрещается давать комментарии о деятельности ведомства, а любая запрашиваемая информация должна проходить многочисленные проверки спецкомиссии Росприроднадзора.

Особой проверке будут подвергаться сведения о чрезвычайных ситуациях, дабы не сеять лишний раз панику среди людей.

«Раньше такой комиссии не существовало, приказ свежий, буквально на той неделе был издан Кирилловым, и я вынужден подчиниться, – говорит источник в ведомстве. – У нас же много чего интересного, и держать в голове, что можно говорить, а что нельзя, сложно. Внешне у нас демократия, а на самом деле всё так» [26].

Перефразирую известное изречение: «Нет информации о катастрофе – нет проблем!» И, следовательно, нет необходимости проверять **«способность человека («компетентных» руководителей любого уровня – В. С.) справляться с решением разнообразных задач, как стандартных, так и нестандартных, как в пределах, так и на границах его компетенции или области ответственности» [27].**

Библиографический список

1. Ольшанский Д. В. Психология масс. – СПб. : Питер, 2001. – 368 с. – (Сер. «Мастера психологии»).
2. Словарь // Профкарьера.ру. URL: <http://www.profcareer.ru/lib/dicty.php>
3. Шушка.Ру: Всё о поселке Шушенское и Шушенском районе. URL: <http://www.shushka.ru/blog> (дата обращения: 25.08.2009).
4. Хакасия – аварии: большие и поменьше // Независимое информационное агентство. URL: <http://www.19rus.ru/more.php?UID=17613>
5. Вокруг ГЭС: обвинение во лжи // Interfax.ru. URL: <http://www.interfax.ru/society/txt.asp?id=96341>
6. Светова З. Он не клеветник: уголовное дело против журналиста Михаила Афанасьева тихо закрыли // Новые известия. Ежедневная общероссийская газета. – 2009. – 2 сентября. URL: <http://www.newizv.ru/news/2009-09-02/113938/>
7. Репьев А. Миф о 25-м кадре: российская глава. URL: <http://www.repiev.ru/articles/25frame.htm>
8. Шойгу не требует наказать обвиняемого в клевете журналиста // РИА Новости. – 2009. – 26 августа. URL: <http://www.rian.ru/society/20090826/182491664.html>
9. Амелин С. Инстинкт самосохранения затоптал официальную информацию. URL: <http://www.gazeta-shans.khakassia.ru/index.php?locate=aticle&id=3117>
10. Назаретян А. Психология стихийного массового поведения. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Nazar/03.php
11. Квасневская С., Осипов Ю. Бес паники. URL: <http://www.ogoniok.com/5032/23/>
12. Tagir // Хакасия. Форум хакасского народа. – 23.12.2009. URL: <http://www.khakasia.com/forum/showthread.php?p=3335>
13. Верхотуров Д. Рубить плотину! // Илбек Сибирь. Сайт Дмитрия Верхотурова. 17.01.2010. URL: <http://www.verkhoturov.info/content/view/546/1/>
14. Стефаненко Н. И., Александров Ю. Н., Затеева Е. Ю. Инженеры СШГЭС: критичность ситуации преувеличена // Плотина.Нет – 2010. – 21 января, URL: <http://www.plotina.net/sshges-rubit-plotinu-otvet/>
15. Закрыть Саяно-Шушенскую ГЭС! // Плотина.Нет! – 12.10.2009. URL: <http://www.plotina.net/openletters/sshges-1823/>

16. Письмо 1823 местных жителей о закрытии Саяно-Шушенской ГЭС: продолжение // Плотина.Нет! – 2010. – 1 февраля. URL: <http://www.plotina.net/sshges-1823/>
17. СШГЭС: правительство Хакасии ответило на обращение 1823 местных жителей // Плотина.Нет! – 2010. – 2 февраля. – URL: <http://www.plotina.net/sshges-1823-khakasia-otvet/>
18. Обращение общественного движения «За плотину – против паники!» // За плотину – против паники! URL: <http://za-plotinu.ru/>
19. Саськов И. Три года после аварии на СШГЭС: его Ничтожество Вранье // Плотина.Нет! – 2012. – 8 августа. URL: <http://www.plotina.net/sshges-saskov/#comment>
20. Балашов Н. Н. Решительно против всякого рода паникерства и дилетантских истерик // За плотину – против паники! URL: <http://za-plotinu.ru/>
21. Слухи о второй волне наводнения спровоцировали панику в Крымске // Lenta.ru. URL: <http://www.lenta.ru/news/2012/07/09/panic/>
22. Половину субъектов РФ признали не готовыми к предупреждению ЧС // Lenta.ru. URL: <http://www.lenta.ru/news/2012/07/09/mchs/>
23. На информацию об экологических катастрофах поставили гриф «секретно» // Известия. Ежедневная общероссийская газета. – 2012. – 14 августа. URL: <http://izvestia.ru/news/532819>
24. Словарь // Профкарьера.ру. URL: <http://www.profcareer.ru/lib/dicty.php>

СТРАТЕГИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЫХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

Е. В. Самойлова

**Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Республика Мордовия,
Россия**

Summary. The article considers the strategies of the young lecturers' professional activity. The three stages in the process of professional socialization (adaptation, integration and innovation) are described. The peculiarities of motivation, professional environment, status and mobility are given.

Key words: strategy; adaptation; integration; innovation; professional environment; professional status; professional mobility

Преподаватель является активным участником общественных преобразований, которые происходят в системе профессионального образования. В течение первых лет своей преподавательской деятельности молодой специалист приобретает практический опыт, «вращается» в новую социальную среду, принимая ее нормы и ценности. Справляясь с трудностями профессиональной среды, он пытается найти оптимальные формы взаимодействия с другими участниками образовательного процесса. Это требует от него осознания социальной ответственности за свой труд и выработки профессио-

нального мировоззрения, необходимого для поиска оптимальных средств повышения эффективности своей деятельности.

В нашей статье мы анализируем адаптационную, интеграционную и инновационную стратегии поведения молодых преподавателей в сфере их профессиональной деятельности. Указанные стратегии направлены на успешную адаптацию, интеграцию в профессиональную деятельность и раскрытие инновационного потенциала молодых специалистов в условиях модернизации системы высшего образования (рис. 1).

Указанные стратегии обеспечивают стабильность профессионального сообщества и способствуют закреплению молодых специалистов в данной сфере деятельности. Их реализация зависит как от отношения общества и государства к преподавателю и системе профессионального образования, так и от ценностных установок самого молодого специалиста.

Формирование *адаптационной стратегии (социально-экономической, социально-профессиональной и социально-психологической)* начинается в период первичного освоения профессиональных ролей будущими преподавателями на этапе их профессиональной подготовки и продолжается в начальный период профессиональной деятельности.

Социально-профессиональная адаптация молодых специалистов связана с условиями профессиональной среды, приспособлением к предметному содержанию их трудовой деятельности. Особое значение имеет постоянное совершенствование профессиональных знаний.

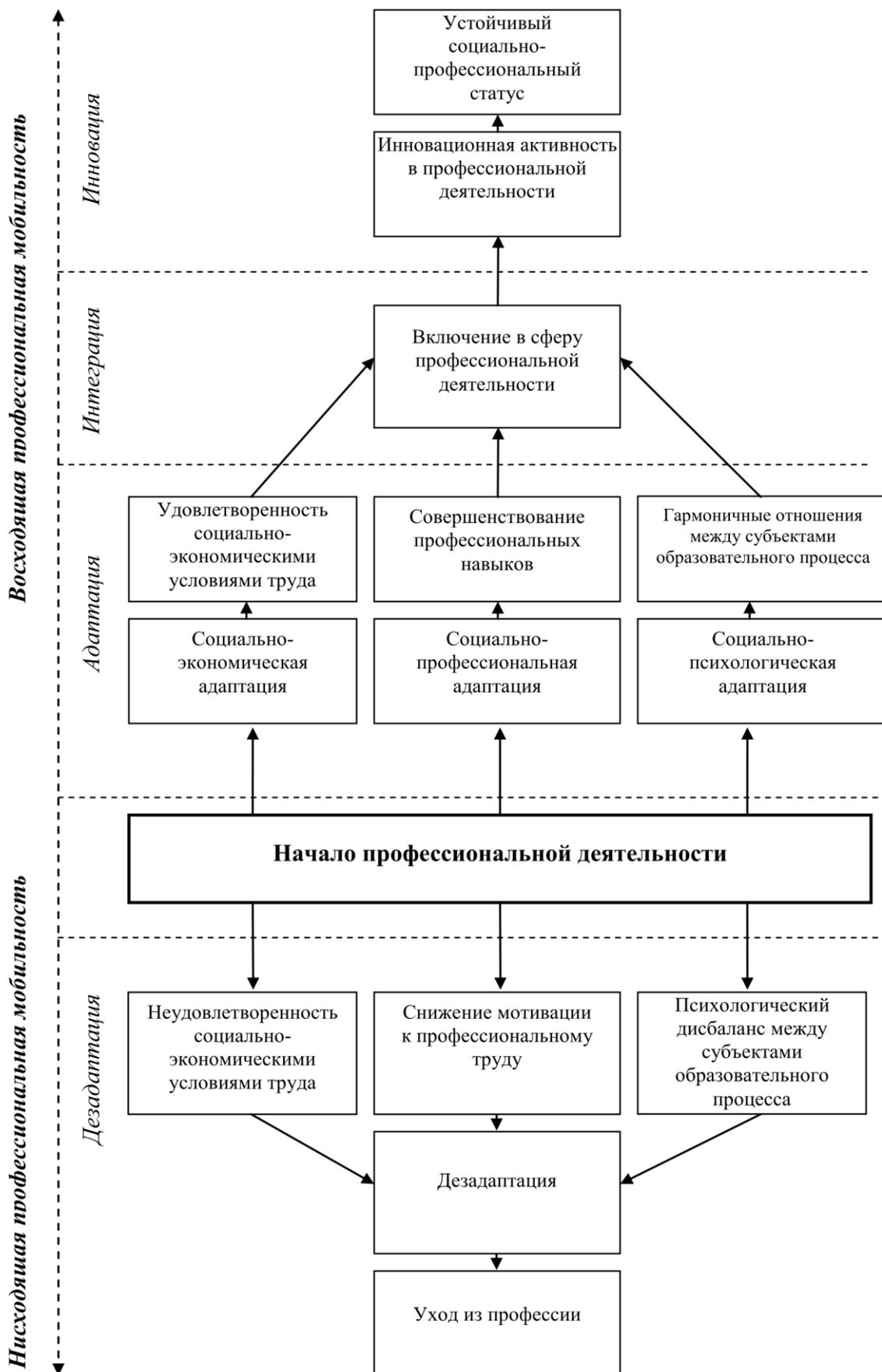
Особая роль в профессиональной деятельности отводится *социально-психологической адаптации*. Она направлена на приспособление к новому социальному окружению.

Социально-психологической стабильности, установлению гармоничных отношений между субъектами образовательного процесса способствуют доброжелательная атмосфера и взаимопонимание в коллективе.

Позитивными итогами адаптации являются интеграция в профессиональную среду, намерение закрепиться в выбранной трудовой сфере и стремление к ее совершенствованию.

Интеграционная стратегия определяется активным включением молодого специалиста в профессиональную среду, приобщением к нормам и ценностям профессии в процессе социального взаимодействия. Молодой специалист воплощает в себе ценности и нормы профессии и интернализирует их.

Важнейшими факторами успешной интеграции в сферу профессиональной деятельности выступают заинтересованность в результатах своего труда, всесторонняя материальная и социальная поддержка со стороны федеральных и региональных властей.

Рис. 1. Стратегии профессиональной деятельности молодых преподавателей: адаптационная, интеграционная, инновационная

Успешная адаптация и интеграция молодых преподавателей в коллектив выступают необходимыми условиями проявления их инновационной функции. *Инновационная стратегия* молодых специалистов выражается в их готовности использовать инновационные формы работы для повышения своего профессионального уровня при наличии необходимых для этого условий.

УЧИТЕЛЬ – СВЕТОЧ ОБРАЗОВАНИЯ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

И. Г. Лаптев

Астраханский государственный университет,
г. Астрахань, Россия

Summary. The article focuses on the role of the teacher teaching in modern education in terms of its social responsibility to develop a highly educated, spiritual cultural personality of the students. Spiritual and moral example of the importance of the individual teacher in today's society as a postulate are excerpts from the works of St. John Chrysostom, "On the Priesthood".

Key words: teacher as a beacon; education; spiritual and moral education; St. John Chrysostom.

Педагогическая деятельность – это личностная ответственность учителя за будущее современного молодого поколения. Успешное решение сложных и ответственных задач воспитания и обучения в решающей степени зависит от личности учителя, его нравственной позиции, профессионального мастерства, эрудиции, духовности и культуры. Это высокая миссия, предназначение которой – становление Человека в человеке.

«Свечеч» в русской литературе – человек, являющийся общепризнанным источником и носителем высоких идей истины, добра, свободы, просвещения.

Значимость роли учителя в прогрессивном развитии общества определил русский педагог К. Д. Ушинский: «Он чувствует себя живым звеном между прошедшим и будущим, могучим ратоборцем истины и добра и сознает, что его дело, скромное по наружности, – одно из величайших дел истории... и им живут целые поколения» [9, с. 14].

Неудивительно, что во все времена выдающиеся деятели просвещения высоко ценили роль учителя в социальной жизни общества. Н. А. Некрасов в одной из своих поэм писал: «Учитель, перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени».

Современный учитель несет миссию духовной культуры, выполняет роль катализатора социального и общественного прогресса. «Осознание социальной позиции и социальной роли, – пишет профессор Ю. А. Лобейко, – это один из факторов формирования убеж-

дений, задающих, в свою очередь, направленность педагогической деятельности» [4, с. 37].

Новый Закон «Об образовании», подписанный Председателем Правительства РФ Д. А. Медведевым и направленный на утверждение в Государственную Думу, придаст современному учителю более высокий статус и предпишет более высокие требования к учебно-воспитательному процессу, к усвоению духовно-нравственных ценностей.

«Наша задача – всех тех, кто работает с педагогами, – пишет Ш. А. Амонашвили, – повернуть учителя в сторону духовности, научить его думать и работать по-другому. А это очень не просто. Для этого нужны и наше стремление, и добрая воля учителя» [1, с. 24].

В современных условиях гражданского общества возникла необходимость поиска новых подходов к образованию, что актуализировало проблему духовно-нравственного воспитания, которое призвано сохранить лучшие национальные и историко-культурные традиции образования, укрепляя систему знаний учащихся и духовно-нравственные идеалы и ценности, которые веками сохраняются в глубинном сознании народа.

В посвящении к повести «Маленький принц» Антуан де Сент-Экзюпери писал: «Ведь все взрослые сначала были детьми, но всегда помнят они родителей и первого учителя».

Культура и образование, ориентированные на воспитание добра и достоинства в детях, способствуют созиданию демократических начал. В таком обществе ведущей ценностью является ценность личности человека. Культура достоинства способствует преодолению социальных катаклизмов, потому что ребенок, воспитанный в культуре достоинства, «приспособлен к социальной динамике, а не к социальной статике...» [2, с. 211].

Заряд нравственности, этики, эстетики в многомиллионную армию учеников несет, прежде всего, учитель как Личность, поэтому столь остро встает вопрос не только о высоком уровне его профессионализма, но и о достаточно высоком уровне его художественно-эстетического образования, его уровня духовного и нравственного развития.

Как известно, представители трех профессий – хлеборобы, врачи, учителя – определяют физическое и духовное здоровье общества, а это означает, что учитель, относящийся к когорте Целителей, должен и обязан быть высококультурной, духовно-нравственной личностью.

Внимание широкой общественности в настоящее время должно быть обращено к социальному комплексу проблем общего и профессионального образования, направленного на создание условий для подготовки к активной созидательной деятельности молодых россиян, «чтобы они могли полноценно жить в стремительно

меняющемся современном информационном мире, осуществляя амбициозную задачу о прорыве Отечества в мировое интеллектуальное пространство» [5, с. 12].

Это означает, что учитель, подготовленный в педагогическом вузе или университете, должен быть способен растить из нынешнего школьника личность со значительно более широким инновационным потенциалом, креативными способностями, прогрессивными ценностными ориентациями и высоконравственными духовными человеческими характеристиками. Хороший учитель понимает, что ребенок в школе – это не материал, не инструмент, не наглядное пособие для демонстрации достижений педагогического коллектива, а дар Божий, не сосуд, который надо заполнить, а факел, который надо зажечь.

Активизация духовно-нравственного воспитания во всех образовательных структурах будет способствовать восстановлению подлинной иерархии ценностей, повышению их роли в жизни личности, общества и государства. Проблема не может быть эффективно решена без ее осмысления, без понимания того, что такое личность, почему ее важнейшими характеристиками является совесть и духовность, каково соотношение духовности и нравственности, что такое «духовно-нравственное воспитание», какова роль духовно-гуманистических ценностей.

Великий русский поэт А. С. Пушкин писал, что «совесть – это когтистый зверь, скребущий сердце». Различение голоса совести в себе и следование ее побудительным мотивам формируют личностное качество четкого отделения добра от зла в собственном поведении, а значит, способствуют становлению в человеке потенциала духовности.

Еще в начале прошлого века известный русский философ-педагог В. В. Розанов, оптимистично утверждал, что «школа – это только и всецело – учитель... никакие реформы... не возможны иначе, чем через голову учителя...» [7, с. 217], что и подтверждают реалии современной российской модернизации в области образования.

В глубоко верующей народной России роль учителя, роль приходской церкви была чрезвычайно значима. По словам того же В. В. Розанова, «что в области экономической – хлеботородность России, матушка-рожь, урожай или неурожай, то же самое и в другой области – просвещение, грамотный учитель, православие, хороший священнослужитель, внимательный и добрый архиерей, хорошие певчие, благолепие службы. Одно и другое также повседневно и повсюдно, дороги и нужны русскому человеку» [6, с. 189]. Следует отметить, что В. В. Розанов о священнослужителях очень тепло отзывался в статье «Судьба сельского священника», опубликованной в 1906 году в журнале «Новое время». По его мнению, сельский священник – это «слу-

житель и пастырь народа, соратник общества, нужная сила в государстве и вообще очень почтенное лицо в истории» [6, с. 184].

Современная тенденция терпимости в обществе и вдумчивое внимание к истории православия позволяют вспомнить о событиях тысячелетней давности, которые, как принято говорить, и в наши дни актуальны.

Речь пойдет о работе Святого Иоанна Златоуста «О священстве», свидетельствующей об ответственном отношении священнослужителя к возложенным обязанностям, и об аналогии этих положений по отношению к деятельности рядового современного школьного учителя.

Св. Иоанн Златоуст писал от имени священнослужителя и для священнослужителей. Но попробуем взглянуть на эти слова через иную призму, призму учителя общеобразовательной школы, и тогда мы невольно задумаемся о глубоком нравственно-этическом и просвещенческом смысле мудрых изречений образованнейшего человека, жившего в четвертом веке нашей эры.

Слова о священстве написаны Св. Иоанном Златоустом в 374 году от Рождества Христа, когда собравшиеся в Антиохии епископы вознамерились поставить его вместе со сверстником в новые развивающиеся города епископами. Молодой священнослужитель Иоанн, представляя высокую важность и ответственность такого служения и считая себя неподготовленным к исполнению столь высоких обязанностей, в канун посвящения ушел в близлежащий город Рафаны. Позже, лишь в 386 году, он был рукоположен (посвящен) в епископы. В работе «О священстве», или в «творении», как гласит название его трудов, он на 92-х страницах обстоятельно, красноречиво и убедительно, обращаясь со ссылками к первоисточникам, изложил в форме диалога с другом свою точку зрения о великой ответственности служения, сложностях и перипетиях, начиная диалог очень по-земному: «Много было у меня друзей, искренних и верных, знавших и строго соблюдавших законы дружбы...» [8, с. 391].

Вдумчивый современный читатель, с благоговением относящийся к истории мира, к мировой литературе, с интересом и пользой для себя, может быть впервые, познакомится с первоисточником христианской православной литературы, а внимательный читатель-педагог без пояснений и примечаний уяснит суть аналогии мыслей образованного человека четвертого века с современными представлениями о деятельности учителя общеобразовательной школы как воспитателя нравственности и духовной культуры.

Орфография, пунктуация текста изложения и страницы репринтного издания работы Св. Иоанна Златоуста «О священстве» сохранены.

«Стадо идет вслед своего пастыря, куда он поведёт его; если же какие овцы уклонятся от прямого пути и, удалившись с хорошей

пажити, будут блуждать по неплодным и утесистым местам, то ему следует только закричать сильнее чтобы опять собрать отделившихся и присоединить к стаду; а если человек совертится с пути правой веры, то пастырю предстоит много трудов, усилий, терпения. Человека нельзя ни силою влечь, ни страхом принуждать, но должно убеждением опять приводить к истине, от которой он раньше отпал. Посему нужна душа мужественная, чтобы не ослабеть, чтобы не отчаяться в спасении заблуждающихся» (с. 417).

«...Совершеннейший способ учения, когда и делами и словами приводят поучаемых к... блаженной жизни... Если бы *творить* значило *учить*, то напрасно было бы прибавлено второе слово; довольно было бы сказать только: *иже сотворит*... Он показывает, что иное зависит от дел, а иное от слова, и каждая из этих двух частей имеет нужду одна в другой, чтобы здание (учения) было совершенно» (с. 460).

«Кто владеет великою силою слова (а её у немногих можно найти), даже и тот не бывает свободен от непрестанных трудов. Так как сила слова не дается природою, но приобретается образованием, то хотя бы кто довел её до высшего совершенства, и тогда он может потерять её, если постоянным усердием и упражнением не будет развивать этой силы. Таким образом, образованнейшие должны более трудиться, нежели менее образованные; ибо нерадение тех и других сопровождается не одинаковым ущербом, но у первых он столько важнее, сколько различия между тем, чем владеют те и другие. Последних никто не будет укорять, если они не произносят ничего отличного; а первые, если не всегда будут предлагать беседы, превышающая то мнение, которое все имеют о них, то подвергаются от всех великим укоризнам... Потому, кто превосходит всех красноречием, тому более всех нужно усердно трудиться; ему нельзя извиняться тем общим недостатком природы человеческой, что невозможно успевать во всем...» (с. 464).

«Нужно вооружаться мужеством против... несправедливостей, и тех, которые поступают так по невежеству, прощать, а тех, которые это делают по зависти, оплакивать как несчастных и жалких, и быть уверенным, что собственная сила ни от тех, ни от других не умаляется. Так и живописец отличный и превышающий всех в своем искусстве... должен быть сам и судьёю своих произведений; хорошими или худшими они должны считаться тогда, когда произведший их ум произнесёт о них тот или другой приговор; а о мнении посторонних, неверном и неопытном, никогда и думать не нужно. Так и принявший на себя подвиг учительства должен не внимать похвалам посторонних людей, и не ослабевать своею душою без них... потому что для него достаточное и наилучшее утешение в трудах есть то, если он может сознавать в самом себе, что он составлял и направлял свои поучения на благоугождение Богу» (с. 465–466).

«Священник должен иметь душу чище самых лучей солнечных... чтобы он мог охранять душу свою от всякой нечистоты и соблюдать неповрежденной духовную красоту» (с. 469).

«Учитель должен, так сказать, сеять ежедневно, чтобы слово учения, по крайней мере, непрерывностью своею могло укрепиться в слушателях... должен быть не только чист так, как удостоившийся столь великаго служения, но и весьма благоразумен и опытен во многом, знать всё житейское не менее образующихся в мире... он должен быть многосторонним; говорю – многосторонним, но не лукавым, не льстецом, не лицемером, но исполненным великой свободы и смелости, и однако умеющим и уступать с пользою, когда потребует этого положение дел, быть кротким и вместе строгим. Нельзя со всеми подвластными обращаться одинаковым образом, так же как врачам нельзя лечить всех больных одним способом, и кормчему – знать одно только средство для борьбы с ветрами» (с. 472).

«Ничто так не бесполезно... как эта праздность и беспечность, которую иные называют каким-то дивным подвижничеством; а я нахожу в ней как бы завесу собственной негодности, прикрывая ею множество... недостатков, и не допуская их обнаружиться. Кто привык находиться в таком бездействии и жить в великом спокойствии, хотя бы имел большия способности, от недеятельности тревожится и смущается, и немалую часть собственной силы ослабляет, оставляя её без упражнения... Поэтому немногие из этого подвижничества переходят на подвиги священства... Выходящий на поприще священства в особенности должен презирать славу, преодолевать гнев, быть исполнен великаго благоразумия» (с. 474).

Осмысление ценности слов образованнейшего человека своего времени Св. Иоанна Златоуста о личностных качествах священнослужителя может стать для современного учителя своеобразным постулатом, способствующим воспитанию в детях добра, образованности и духовной культуры.

Библиографический список

1. Амонашвили Ш. А. Школе нужны учителя света // Начальная школа плюс До и После. – 2010. – № 1.
2. Выготский Л. С. Педагогическая психология. – М., 1926.
3. Лобейко Ю. А. Акмеологический подход и рефлексивная педагогика как фактор формирования профессионализма будущего учителя // Вестник СГПИ. – 2010. – № 13.
4. Редько Л. Л. Учитель – ключевая фигура реформ педагогического образования // Вестник образования России. – 2010. – № 2.
5. Розанов В. В. Собр. соч.: Русская государственность и общество (Статьи 1906–1907 гг.) / под общ. ред. А. Н. Николюкина. – М., 2003.
6. Розанов В. В. Сумерки просвещения / сост. В. Н. Щербаков. – М., 1990.
7. Святой Иоанн Златоуст. О священстве. Полн. собр. соч. Св. Иоанна Златоуста. В 12 т. Т. 1. Кн. 2. – М. : Православная книга, 1991 (репринтное издание).

Полное собрание творений Святого Иоанна Златоуста. В 12 т. – СПб. : Духовная академия, 1898).

8. Ушинский К. Д. О пользе педагогической литературы. Избр. пед. соч. В 2 т. Т. 1. – М., 1974.

МИРА МИРОНОВНА САВИЧ КАК ДЕЯТЕЛЬ КУЛЬТУРЫ СИМБИРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

М. А. Чапланова
Музей-заповедник «Родина В. И. Ленина»,
г. Ульяновск, Россия

Summary. This article is the result of research about life and activity of M.M. Savich. The author tells about huge meaning of M.M. Savich's activity for the culture of Simbirsk region.

Key words: culture; museum; excursion; guid.

Вопрос о том, что такое счастье и что значит быть счастливым, с давних пор волновал человека. Понятие счастья для каждого индивидуально. Опираясь на определение Джерома Керна, что счастливы те лишь люди, которым удастся заниматься делом, доставляющим им удовольствие, краеведа, экскурсовода, музейного работника Миру Мироновну Савич можно без размышлений назвать человеком счастливым, человеком, который всю свою жизнь посвятил занятию любимым делом.

Данная статья ставит своей задачей рассказать о том огромном вкладе, который М. М. Савич внесла в развитие культуры Симбирского Поволжья. О Мире Мироновне не раз писали в прессе: А. Аверкин, Л. Берч, Л. Гребенскова, В. Злобин, Т. Мавленкова, И. Паймушкин, Н. Пономарева, Е. Сульдина, Н. Чернышева, В. Шадронов и другие. Журналист Г. Демочкин написал книгу «Война и Мира». Это взгляд журналистов. Автору данной статьи хотелось бы представить взгляд музейного работника.

Прежде всего, важно подчеркнуть, что данное слово – «деятель» – «человек, который проявил себя в какой-нибудь общественной деятельности» [9, с. 164], – характеризует человека, внесшего свой вклад в развитие науки, культуры, образования и т.д., деятельность которого не прошла бесследно. С этой точки зрения, Миру Мироновну Савич правомерно назвать именно деятелем культуры Симбирского Поволжья.

Она не является уроженкой нашего края. Родилась 24 января 1931 г. в г. Магнитогорске. С 1937 по 1952 годы жила в Москве. В 1948 г. окончила среднюю школу, в этом же году вышла замуж. Окончив в 1952 г. с отличием Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина, Мира Мироновна уехала в

Караганду, где преподавала историю в Горном техникуме. В Ульяновск Савич попала уже зрелым человеком, с двумя детьми. «Сначала я хотела устроиться на работу учителем. Но в школе мест не было. Потом одна знакомая сказала, что в Краеведческом музее есть место научного сотрудника. Я пришла на беседу к Марку Харитоновичу Валкину. Он меня принял» [8, с. 118]. Мира Мироновна поступает на работу в Краеведческий музей, где с азов начинает осваивать новый для себя вид деятельности – музейное дело. И эта деятельность увлекла ее: «А теперь я даже не представляю, что могла бы работать где-то в другом месте и жить в другом городе» [4, с. 6].

В музее Мира Мироновна Савич проработала 35 лет. Ее экскурсии были одинаково интересны всем: и школьникам, и взрослым людям, и людям в возрасте. Они никогда не были монотонными, скучными: это всегда безукоризненно правильная речь, игра голоса (что, безусловно, окрашивает речь, но создает дополнительную нагрузку на связки), уместная жестикация.

В ходе экскурсии чувствовалось глубокое знание материала, знание его в мельчайших подробностях. Ведь Мира Мироновна была не просто экскурсоводом, она занималась архивными исследованиями, то есть ее знания имели своим первоисточником архивные документы, без посредников. О чем бы Мира Мироновна Савич не рассказывала, какую бы экскурсию не вела, складывалось впечатление, что она сама либо участник описываемых событий, либо очевидец: «Мира Мироновна Савич до мельчайших деталей знает жизнь декабристов. Иногда кажется, что она сама – частица из этой непревзойденной когорты. Она чем-то напоминает Марию Волконскую» [1, с. 2]. Ее экскурсии не были сухим изложением фактов, «чувствовалось глубокое личное отношение и к поверженному Пугачеву в цепях, и к декабристу В. Ивашеву, его верной подруге Камилле Ледантю, и ко всему укладу жизни семьи Ульяновых в провинциальном волжском городе. Это подкупало больше всего» [13, с. 9]. Экскурсии и лекции Миры Мироновны всегда яркие, эмоциональные, красочны. С помощью документов, фотографий, экспонатов она рисовала жизнь прошлых лет. Недаром слушатели говорили, что во время ее экскурсии словно совершаешь путешествие во времени.

Источниками глубочайших знаний Миры Мироновны, помимо архивных исследований, являются еще и личные встречи с участниками и очевидцами изучаемых ею событий и явлений. Встречалась она с внучкой декабриста Василия Петровича Ивашева Екатериной Петровной Ивашевой. Знакомство с Валентином Рябиковым углубили ее знания по истории создания симбирской организации РСДРП, переписывалась с правнучкой декабриста, хранительницей семейного архива Еленой Константиновной Решко. Вспоминает она о встречах с поэтом Николаем Благовым, актером Матвеем Шарымовым, успела записать воспоминания сына о Федо-

ре Лукьяновиче Аверине – директоре Кашкадамовской школы, репрессированного в 1937 г. О знакомстве с женой командарма Гая Дмитриевича Гая Мира Мироновна вспоминает как об открытии.

Она изучала страницы биографии не только знаменитых людей нашего края, но и малоизвестных. Ей принадлежит исследование, посвященное симбирскому врачу Петру Карловичу Делоне, французу, связанному с нашим краем, давшим начало 150-летней российской династии Делоне – ученых-механиков, математиков и генетиков. Именно Мира Мироновна Савич разыскала в Московском Медведково композитора, одного из «королей» отечественного джаза – Александра Варламова, уроженца г. Симбирска. Теперь архив композитора, его воспоминания хранятся в Краеведческом музее. Сама же она признается: «В Краеведении я больше всего люблю людей не только знаменитых, но и малоизвестных» [4, с. 6].

Мира Мироновна Савич осветила множество белых пятен в истории края, уточнила малоизвестные факты. Именно благодаря ей, к примеру, теперь мы с точностью можем сказать, что Александр Сергеевич Пушкин сделал пожертвование на памятник историографу Николаю Михайловичу Карамзину в Симбирске.

Но накопление знаний не было самоцелью, Мира Мироновна считает, что каждый житель Ульяновска должен овладеть краеведческой информацией, чтобы не допустить уничтожения своей сохранившейся истории, истории города, в целом исторической памяти. И она не устает предлагать свои услуги – прочитать лекции, показать слайды с видами Симбирска – в горисполкоме, управлении архитектуры, в любой школе, клубе, Дворце культуры. Выступает на всех краеведческих конференциях, в газете, по телевидению. Добытые кропотливым трудом знания Мира Мироновна транслировала всеми доступными ей средствами: экскурсии и лекции, статьи и брошюры (об И. А. Гончарове, Г. Д. Гае, П. Я. Гречкине, Н. М. Языкове и др.); участие, авторство и проведение телевизионных программ (3 года Мира Мироновна вела на местном телевидении цикл передач «Беседы о родном крае») и, наконец, создание исторических экспозиций, музеев, выставок. Мире Мироновне мы обязаны экспозициями во всех филиалах Краеведческого музея: Народного образования 70–80-х годов XIX века, Конспиративной квартиры большевиков, Димитровградского краеведческого и множества народных музеев по области – в Радищеве, Сенгилее, других районных центрах, в колхозах, совхозах, на заводах и фабриках, на стационарных и передвижных выставках, во многих общественных и школьных музеях.

М. М. Савич занимала не только активную профессиональную позицию, но и активную позицию общественную. В 1966–1968-х годах она была депутатом городского Совета, состояла в комиссии по культуре. Сессии проходили по строго расписанному ранжиру, вы-

ступать на них, отстаивать свою точку зрения не приходилось, но все же через исполком удавалось кое-чего добиваться и для музеев, и для библиотек. Немаловажной заботой для комиссии являлся ленинский экскурсионный маршрут, содержание всех улиц, по которым он проходил, памятных мест в образцовом порядке. Сложно, но удавалось и это.

Ульяновск, поразивший ее вначале своим провинциальным видом, стал родным, в нем наконец-то начали появляться «образцы умелой реставрации, показывающие, что не так уж неказист был старый Симбирск» [13, с. 9]. Мира Мироновна считает себя обязанной стоять на его защите. Она каждый раз высказывает, отстаивает свое мнение, пойдет ли речь о перестановке, передвижке старых памятников или об «облагораживании» скверов, Винновской рощи, сносе целых, еще сохранивших былой симбирский колорит, улиц. Ее доводы по сохранению исторической застройки, памятников, улиц всегда имели под собой не только историческое обоснование, но и экономическое: «Она предложила подсчитать, во сколько обходятся городу все эти новации вроде перестановки памятников. Корень всех наших бед в том, что, желая улучшить сложившийся облик города, мы, в конце концов, приходим к полному его искажению, уничтожению» [3, с. 25].

Мира Мироновна действительно оставила ярчайший след в культуре Симбирского Поволжья. Большая редкость, когда в одном человеке сочетается талант экскурсовода, талант исследователя, причем очень кропотливого и глубокого, талант экспозиционера. Многим из того, что мы имеем в плане культуры, начиная с исследований и заканчивая сохраненными памятниками, улицами, созданными музеями, обязаны именно Мире Мироновне Савич.

Хочется надеяться, что таких музейных работников, которые могут заниматься с успехом и интересом разноплановой деятельностью, будет больше. Ведь пример более чем достойный.

Библиографический список

1. Аверкин А. Обелиск у дороги! // Родина Ильича. – 1990. – 23 июня.
2. ГАУО. Ф. Р-4382. Оп. 1. Ед. хр. 148. Л. 1–2.
3. ГАУО. Ф. Р-4382. Оп. 1. Ед. хр. 201. Л. 1–39.
4. ГАУО. Ф. Р-4382. Оп. 1. Ед. хр. 202. Л. 2–6.
5. ГАУО. Ф. Р-4382. Оп. 1. Ед. хр. 203. Л. 1–4.
6. ГАУО. Ф. Р-4382. Оп. 1. Ед. хр. 204. Л. 1–2.
7. ГАУО. Ф. Р-4382. Оп. 1. Ед. хр. 208. Л. 1–9.
8. Демочкин Г. А. Война и Мира. – Ульяновск : УлГТУ, 2009. – 132 с.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
10. Паймушкин И. Надобно знать, что любишь // Мономах. – 1998. – № 2.
11. Пономарева Н. Краевед Мира Савич // Ульяновская правда. – 2003. – 21 мая.

12. Сульдина Е. Только любовь давала нам силы жить // Народная газета. – 2000. – 28 июля.
13. Чернышева Н. Линия судьбы // Ульяновская правда. – 1990. – 24 февраля.

ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО СХОЖДЕНИЯ В РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Э. ХЕМИНГУЭЯ И В. АСТАФЬЕВА)

М. В. Гай

**Средняя общеобразовательная школа № 54,
г. Москва, Россия**

Summary. By the end of XIX – to beginning of XX vv. an address to comparative-historical literary criticism becomes the inalienable constituent of world literary process. Connections exist not only in a policy and economy but also in cultural space of our human association. Consequently, it is possible to optimize a process and exposing the model of structural comparison of Russian and foreign literatures at the level of two works with the help of ideological-thematic unions.

Key words: work; establishment; morality; the internal world of man; internal collisions; hero; philanthropy; humanism; co-operation; intercommunication.

Еще в 1830-х гг. И. В. Гёте выступил с лозунгом «всеобщей мировой литературы», которая должна была включить в свой состав все самое ценное, что было создано всеми народами на всех ступенях исторического развития. Поэтому уже к концу XIX – началу XX вв. обращение к сравнительно-историческому литературоведению (особенно к его разделу, изучающему сходства и различия между литературно-художественными явлениями в разных странах) становится неотъемлемой составляющей мирового литературного процесса.

К сожалению, современных молодых людей и девушек заинтересовать проблемами экологии трудно, порой даже невозможно. Поэтому урок, посвященный теме человека и природы, актуальный, скажем, лет десять – пятнадцать назад, проводить не рекомендуется. Однако выявить парадигму можно, тем самым дав им понять, что интегративные связи существуют не только в политике и экономике, но и в культурном пространстве нашего человеческого сообщества. Следовательно, оптимизировать процесс и выявить модель конструктивного сопоставления русской и зарубежной литератур на уровне двух произведений можно посредством установления компаративных схождений, идейно-тематических сращений и бродячих сюжетов (однако последние в основном встречаются в средневековой литературе и литературе XVII–XVIII вв.).

В свое время Эрнест Хемингуэй писал: «Человека можно уничтожить, но его нельзя победить». Этот лозунг, столь актуальный в произведениях «потерянного поколения» (Олдингтон, Хемингуэй, Ремарк), звучит теперь очень мощно, особенно когда по-новому ста-

ли перечитываться и, как следствие, анализироваться и восприниматься произведения начала XX века.

Так, к моменту создания Виктором Астафьевым рассказа «Царь-рыба» уже мировую известность получила повесть Хемингуэя «Старик и море», написанная в 1952 году и принесшая автору Нобелевскую премию. Сюжеты этих произведений несколько схожи. Но все же здесь мы имеем не схожесть сюжетов, а компаративное сращение. В них поднимаются разные проблемы. Если в «Старике и море» основная проблема – победа и поражение человека, то в рассказе «Царь-рыба» – взаимоотношения человека с природой в новых, иных условиях. Здесь проблема иного характера, проблема нравственная. Покаявшись в грехах, человек вступает на путь исправления, излечения своей души. В этих двух произведениях на примере, казалось бы, ничего не значащего происшествия авторы заставляют своих героев по-иному оглянуться вокруг, взглянуть на тех, кто тебя окружает. Так, отношения героев к рыбе и своему промыслу можно воспроизвести в виде таблицы.

Старик	Игнатъич
<p>– <i>Уважение к рыбе:</i> «Рыба, я тебя очень люблю и уважаю. Но я убью тебя прежде, чем настанет вечер».</p> <p>– <i>Заботится:</i> «Худо тебе, рыба?»</p> <p>«Если ты еще не устала, то на самом деле – необыкновенная рыба...»</p> <p>– «Как хорошо, что нам не приходится убивать звезды!»</p> <p>– «Жалко рыбу, которой нечего есть. Сколько людей она насытит! Но достойны ли люди ею питаться? Конечно, нет. Никто на свете не достоин ею питаться: поглядите только, как она себя ведет и с каким благородством».</p> <p>– «Может быть, грешно было убивать рыбу. Хоть я и убил ее для того, чтобы не умереть с голоду и накормить еще уйму людей».</p> <p>– <i>Старик – часть этого мира природы.</i></p> <p>– «Я все равно ее одолею. Хоть</p>	<p>– Опасная работа Игнатъича вызвана не стремлением избыть голод, обрести кусок хлеба, а жажда обогащения, жадность заставляют рисковать жизнью и проливать кровь человеческую и «братьев наших меньших».</p> <p>– <i>Называет рыбу Царь-рыбой.</i></p> <p>– «Уходи!» – дубасит рыбину по башке.</p> <p>– Уговаривает рыбу скорее умереть:</p> <p>«Ну что тебе! Все равно околешь».</p> <p>– <i>Отвращение к рыбе:</i></p> <p>«Почему же он раньше-то не замечал, какая это отвратная рыба на вид!... все-все отвратно, тошнотно, похабно! Из-за нее, из-за такой гады забылся в человеке человек! Жадность его обуяла! Сколь помнит себя, все в лодке, все на реке, все в погоне за нею, за рыбой этой клятвой».</p> <p>– <i>Царь-рыба – олицетворение жадности.</i> Она кажется уже</p>

<p>это и несправедливо, но я ей докажу, на что способен человек и что он может вынести».</p> <p>– «Мне жаль, рыба, что все так получилось. Ты уж прости меня, рыба».</p>	<p>оборотнем.</p> <p>– «Иди, рыба, иди!»</p> <p>Ее спасение символизирует торжество жизни, спасение природы, а значит, и самой жизни от пагубного вторжения человека.</p>
--	---

Несомненно, авторов в одинаковой степени интересовала проблема нравственности. Хотя старик и терпит поражение, но в высшем смысле он остается непобежденным, его человеческое достоинство торжествует. Не зря в конце повести старику снятся львы. Он, как и в юности, вновь молод и непобедим. «Жить и верить в свои силы, в человека, любить человека – вот что делает человека непобедимым» – это нравственный вывод американца. В. Астафьеву больно смотреть, как его земляки преступили старинную заповедь и решились на разбойный, зверский лов рыбы. Он не судит героев, а заботится об их душевном исцелении, выступает с позиций добра, гуманности, но против варварской позиции.

Поэтому с уверенностью можно сказать: кто беспощаден к природе, беспощаден ко всему живому, а стало быть, и к себе самому. В символической картине единоборства человека с природой ни на чьей стороне не может быть победа, так как человек и природа «повязаны одним смертным концом». Гармонические отношения могут быть сохранены только благодаря духовно-историческому опыту предшествующих поколений. Человек у Астафьева не торжествует, доказывая свое превосходство, а вымаливает у рыбы спасение. Можно согласиться, что люди действуют против законов природы, но повинуются законам природы.

Так, на примере этих двух произведений можно смело утверждать, что компаративные связи, положенные в основу изучения русской и зарубежной литератур, позволяют и в современной методике модернизировать процесс, переосмыслить произведения, написанные уже почти что пятьдесят и сто лет назад. Ведь проблемы, поднятые в произведениях Хемингуэя и Астафьева, актуальны и сейчас. Астафьев напоминает, что человек и природа – единое целое, что все мы – ее часть, что волей-неволей человек, как бы цивилизован он ни был, находится под властью законов природы.

НЕКОТОРЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ АРХАИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Б. А. Дорошин

**Пензенская государственная технологическая академия,
г. Пенза, Россия**

Summary. This article focuses on the theory and methodology of studies of the phenomenon of archaization of society. The focus is on the liberal conception of archaization of society as most developed, central, and back to the classical liberal ideas of the Enlightenment. Reveals its contradictions caused absolutization of liberalism as an ideology of progress.

Key words: Russia; liberalism; socialism; archaization; anthropocosmism.

Проблема архаизации общества в социально-гуманитарных исследованиях восходит своими корнями к противопоставлению традиционности как выражения архаики, и инновационности, прогресса, оформившемся в классической либеральной мысли эпохи просвещения. В русской общественной мысли России эта проблема впервые заметно проявила себя в ходе спора западников и славянофилов. Затем ее актуализировал Н. А. Бердяев в связи с революционными событиями и перспективами социализма. Новая волна интереса к проблеме архаизации в постсоветской России была обусловлена катастрофическими последствиями разрушения советской общественной системы. При этом некоторые исследователи при рассмотрении данной проблемы акцентировали внимание на архаических проявлениях «реального социализма», нередко интерпретируя их как основные предпосылки архаизации постсоветской. Так, историк В. П. Булдаков фактически ставит знак равенства между социалистической революцией и социальной архаикой, осмысливая революцию как бунт архаики.

Проблема архаизации является одной из главных в концепции социокультурного развития России философа А. С. Ахиезера. Понимая любое значимое изменение в стране как происходящее между полюсами дуальной оппозиции «архаизация – реформа», он сосредоточил внимание не столько на самой проблеме архаизации, сколько на расколе между нею и либерально-модернистским идеалом. В силу этого его концепция, хотя и не сводится к позиции усмотрения в постсоветских архаических феноменах исключительно продолжения советских [5, с. 45–47], во многом строится именно на противопоставлении социализма как вместилища проявлений архаизации либерализму как направлению, представляемому им сугобо прогрессивным и модернизационным. Такой подход едва ли можно считать объективным, тем более, что он противоречит более общим положениям концепции данного автора. Согласно первому из них, архаизация – это один из основных вариантов реакции лю-

дей на кризисы. Второе заключается в том, что тенденция архаизации всегда присутствует в «неосознанных психологических пластах», т. к. основная часть истории человечества относится к архаичному догосударственному обществу [1, с. 90], что полностью согласуется с идеями З. Фрейда, К. Г. Юнга, Э. Дюркгейма, Б. Малиновского и др., и предполагает, что архаизация периодически проявляется в любой исторический период, в тех или иных аспектах и проявлениях любой идеологии.

Субъектом модернизации / прогресса в концепции А. С. Ахиезера выступает либеральная элита. Субъектом архаизации выступает прежде всего народ, а также, периодически, – вынужденная ориентироваться на его психоментальную специфику власть. Взаимодействие этих субъектов рассматривается как проявление сущностной «осевой» характеристики общества – дуальной оппозиции в нем противоположно ориентированных процессов: 1) направленного на повышение способности эффективно воспроизводить выживаемость, жизнеспособность общества и 2) ослабляющего способность эффективного воспроизводства. На наш взгляд, связывать первый из этих процессов именно с выживаемостью и жизнеспособностью не совсем верно. В рамках сформированной на капиталистическом базисе либеральной парадигмы, которую представляет концепция А. С. Ахиезера, под «эффективным воспроизводством» понимается в первую очередь воспроизводство капитала. Оно вовсе не тождественно воспроизводству общества, т. к. последнее включает прежде всего биологическое воспроизводство его представителей, а также воспроизводство его культурной традиции. Как показывает опыт развитых либеральных обществ, три эти составляющих воспроизводства имеют между собой значительные противоречия. Интересы воспроизводства капитала обуславливают реакцентуацию психоментальности общества с естественных потребностей на искусственные, с культурной традиции (базирующейся на духовной, религиозно-мифологической составляющей) на культурные новации (мода, товарный фетишизм вокруг очередных новинок престижного потребления), что обуславливает формирование консюмеризма и достиженительно-накопительских мотиваций (гипертрофирующихся до невротического «трудобесия»), которые определяют снижение воспроизводства представителей общества и его культурной традиции, во многом отвергаемой (к тому же) либеральными элитами как источник архаизационных импульсов. Кроме того, стремление к «эффективному воспроизводству» капитала ориентирует буржуазию на изыскание дешевой рабочей силы и, как следствие, на благоприятствование массовой трудовой миграции, обуславливающей рост напряженности и конфликтности – деструктивных, центробежных тенденций общества, отнюдь не воспроизводящих его жизнеспособность – в силу конкуренции за рабочие места автохтонов и

мигрантов, а также этнокультурных противоречий, ксенофобии и затрудненной адаптации значительной малообразованной части мигрантов. Данная практика буржуазии и ее либеральное идеологическое сопровождение – мультикультурализм – вступают в противоречие с такой противостоящей (с точки зрения А. С. Ахиезера и применительно к России) тенденциям архаизации перспективой, как создание национального государства. В свою очередь, последнее также затруднительно оценить как модернизационную / антиархаизационную меру. Дело в том, что, как отмечает сам А. С. Ахиезер, ссылаясь на В. П. Булдакова, «внутренняя психическая природа национализма» крайне архаична, а культурные основания современных этнических конфликтов есть «отголоски древнейшей (племенной) формы» конфликтов [1, с. 94]. Следовательно, и выделение из современной многонациональной России государства по национальному признаку было бы ничем иным, как проявлением архаизации. В связи с дилеммой «национальное государство – многонациональное государство» нелишне вспомнить, что к архаике относились прото- и раннегосударственные образования (чифдомы, полисы), создававшиеся теми или иными племенами или союзами племен, сплававшимися в народности, а преодоление архаики было зачастую связано с формированием многонациональных государств или империй. Таким образом, идею нации-государства в классическом либерализме можно рассматривать как инверсивное возрождение архаического племенного принципа на витке общественного развития, именуемом *modernity*, в XVIII – XIX вв. Но тогда же вызревали и тенденции нового, капиталистического империализма, связанного с колониализмом и неоколониализмом, вылившиеся на витке *postmodernity* в мондиалистский вариант глобализации.

В данном контексте для либеральной мысли начала XXI в. национальное государство, как и «национальный взгляд» в целом утрачивают свою актуальность. «Скажи мне, от чего ты отрекаться, и я скажу тебе, что ты защищаешь» – предваряет свои размышления по этой проблеме У. Бек [2, с. 64]. И если некоторые современные российские либералы призывают к отказу России от многонациональности в пользу национального государства, не распространяя данного призыва на многонациональные США, формирующие квазиимперскую глобальную структуру под своей эгидой, но признавая американскую цивилизацию наиболее развитой, означает ли это лишь архаизированность данной части российского либерализма?

Архаизация как тенденция, коренящаяся в индивидуальном и коллективном бессознательном человека, аккумулировавшем наиболее объемный – первобытный – слой его историко-культурной памяти, проявляется и в национальном государстве, скрепляемом общностью если не крови, то языка и культурных ос-

нований, и в империи с ее более выраженной иерархизированностью социального пространства и сакрализацией власти. Последнее заметно и в квазиимперской структуре либерального «нового мирового порядка», контуры которой проявляются в ходе глобализации. Для нее характерны инверсия сакрализации власти императора и / или аристократии в сакрализацию либеральной демократии, проявляющуюся в идеологическом сопровождении войн как направленных на защиту «общечеловеческих ценностей» либерализма и демократии – в определенном смысле «священных войн» (симптоматично публицистическое клише «крестовый поход за демократию»).

Архаична и структура иерархии регионов планеты, формируемой в ходе глобализации, коррелирующая с антропокосмическим образом индуистского Брахмы, манифестирующегося в различные уровни Вселенной, в т. ч. и в социальную иерархию: голова – в духовную элиту; руки – в руководителей, обеспечивающих порядок; бедра – в экономические массы [4, с. 22]. Эта же трехуровневая схема проявляется, хотя и немного иначе, в сегодняшнем глобализирующемся мире: развитые страны («голова»), новые индустриальные страны («руки»), страны-поставщики природных и человеческих ресурсов («бедра»).

В рамках либерального глобалистского проекта архаизация проявляется не только в его квазиимперских тенденциях, но и в тенденциях уменьшения роли государства, передачи существенной части его функций частным структурам. Но это есть ни что иное, как возрождение в новом качестве элементов догосударственного общественного самоуправления и дополитического господства элит. Если в архаическом прошлом субъектами этого господства были воинские сообщества (военная аристократия) и жреческие корпорации (священная аристократия), то теперь это корпоративно-олигархические элиты с их частными силовыми подразделениями и представители медиакратии – «четвертой власти», все более приближающейся к статусу первой в ходе формирования информационного общества.

К числу архаизационных тенденций социалистического дискурса А. С. Ахиезер отнес «уравнительную справедливость» [1, с. 92]. Однако исторически таковая менее архаична, чем острая внутривидовая конкуренция, выражающаяся в принципе «выживания сильнейшего» и системе доминирования, характерная для т. н. «общественных» животных и предлюдей [6, с. 88, 131]. Воспринятый либеральными мыслителями (Г. Спенсер, У. Самнер, А. Смолл и др.) из теории эволюции, принцип «выживания сильнейшего» был реставрирован в «каменных джунглях» индустриально-урбанистического либерального общества в формах свободной конкуренции и невмешательства государства в экономику. Существенно, что в архаическом прошлом человека принцип «выживания сильнейшего» был

наиболее выражен на его самых ранних этапах, когда в рамках первобытного стада происходили борьба биологического и социального и обуздание «зоологического индивидуализма» общественной солидарностью [6, с. 16–17; 3]. Таким образом, распространение индивидуализма и конкуренции взамен архаического коллективизма и кооперации, с которым либеральная мысль связывает модернизацию и прогресс, можно диалектически рассматривать и как тенденцию архаизации, гораздо более глубокую по своему истоку. По отношению к последнему выявляется более прогрессивный характер коллективизма и кооперации, способствовавших развитию общественного производства [6, с. 68, 175].

В качестве одного из средств преодоления архаизационных тенденций А. С. Ахиезер указал рационализацию, развитие «интеллектуального мышления», сопровождающееся отказом от эмоциональных форм отношений. Поскольку высшей формой мышления является понятийное или абстрактное, логично было бы в данном контексте сделать акцент именно на нем. Но далее, сразу за призывом к «интеллектуальному мышлению», в цитируемом тексте парадоксальным образом утверждается необходимость выхода за рамки «общения людей через абстракции: государство, общество, право, деньги и т. д.» [1, с. 97]. Непоследовательность требования рационализации, отказа от эмоциональных и мифологизированных подходов к социальным отношениям проявляется и в постулировании возможности использования для этого значимых в русской культуре «эмоциональных механизмов», прежде всего в литературных формах, утверждения через них рационализации культуры и (sic! – сразу следом, через запятую) – «сакрализации эффективного предпринимательства и богатства» [1, с. 99]. Т. е. – по принципу «клин клином вышибают», или «Король умер – да здравствует король!», что в контексте рассматриваемой проблемы означает, судя по всему, замену архаического наследия «реального социализма» архаическими составляющими «реального либерализма».

Библиографический список

1. Ахиезер А. С. Архаизация как категория общественных наук (на опыте России) // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2001. – Том IV. № 1. – С. 89–100.
2. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / Пер. с нем. А. Б. Григорьева, В. Д. Седельника; послесловие В. Г. Федотовой, Н. Н. Федотовой. – М.: Прогресс-Традиция; Издательский дом «Территория будущего», 2007. – 464 с.
3. Георгиевский Э. В. К вопросу о характере и степени конфликтности в первобытном стаде // Сибирский юридический вестник. – 2005. – № 3; Юридическая Россия. Федеральный правовой портал (v. 3.2) URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1229718> (дата обращения: 26.09.2012).

4. Законы Ману. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 496 с.
5. Ламажа Ч. К. Проблема архаизации общества // Гуманитарное знание: теория и методология. – 2009. – № 4. – С. 44–48.
6. Семенов Ю. И. Как возникло человечество. – М. : Издательство «Наука», 1966. – 576 с.

ИРРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ КАК АТТРИБУТ «НОВОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ»

М. А. Антипов

**Пензенская государственная технологическая академия,
г. Пенза, Россия**

Summary. The article is devoted to the irrationalization of postmodern society. In this case, the phenomenon is considered as a characteristic attribute of neomedievalization of Russian society.

Key words: neomedievalization; irrationalization; postmodernity.

Постсовременность характеризуется деинституализацией, то есть нарушением сложившейся на протяжении веков упорядоченности социального мира, разрушением традиционных форм совместной жизнедеятельности людей. Подобные явления можно расценивать как симптом архаизации, то есть роста проявлений форм социальной жизни, характерных для «доосевых» культур.

Так, например, государственное право как важнейший общественный институт, обеспечивающий стабильность функционирования общества, в России 90-х годов существовало лишь номинально, фактически же роль основного регулятора общественной жизни выступало «тюремное» или «криминальное» право, то есть система норм поведения, составляющая неписаный кодекс для представителей криминальной контркультуры. Подобные нормы мало чем отличаются от правил поведения в животном мире, где выживает сильнейший, а слабый гибнет.

Если в условиях аномии и духовного кризиса российский социум в последнее десятилетие XX века во многом напоминал первобытное сообщество, в основе которого была дикость, то начало XXI века в российском социуме ознаменовано упорядочиванием общественных отношений и переходом от неoarхаики к «новому средневековью».

Н. Берядев, рассуждая о переломном моменте в истории нашего общества, связанным с революцией 1917 года и последовавшими за ней коренными системными трансформациями, называет новым средневековьем «ритмическую смену эпох, переход от рационализма новой истории к иррационализму или сверхнационализму средневекового типа» [1].

Иррационализация как симптом возврата к средневековью является характерной и для наших дней. Иррационализации сознания масс во многом способствует современная культура, являющаяся по своему существу зрелищной. Если в средние века основным культурным объектом, по мнению У. Эко, был собор, то ныне это экран, привлекающий к себе взоры миллионов зрителей по всему миру [3]. Современная культура, будучи аудиовизуальной по своей сути, делает ставку на массовость и зрелищность, ярким примером чему являются голливудские блокбастеры, шоу звезд современной музыки, важные политические события, демонстрируемые по телевидению (инаугурация Президента, съезд партии «Единая Россия» и т. п.).

Современные масс-медиа как основной субъект экранной культуры формируют мировоззрение потребителей информационной продукции. При этом специфика воздействия экранной культуры на сознание человека, состоит в том, что рациональное звено мышления, логика, аналитика при восприятии данной продукции не участвуют или участвуют незначительно. Специфика массовой зрелищной культуры состоит в том, что она обращается не к разуму, а к иррациональным сторонам сознания реципиента, который поглощает информацию в виде готовых, простых для восприятия образов, из которых выстраивается его мировосприятие и на основании которых он конструирует картину мира.

Предшественницей экранной культуры была культура книжная, зародившаяся в эпоху Возрождения с момента открытия технологии массового книгопечатания. Именно книга, на наш взгляд, формировала мировоззрение представителей данной культуры. А механизмы воздействия книги на сознание кардинально отличаются от воздействия экрана, прежде всего тем, что книга (если она серьезная и качественная) апеллирует к разуму человека, заставляет его логически рассуждать, анализировать, а не «схватывать» примитивные готовые образы, носящие часто виртуальный характер.

Так современность, сопряженная с индустриальной капиталистической экономикой, господством демократической идеологии, установкой на господство разума в науке, философии и повседневной жизни, сменяется постсовременностью, характеризующейся эклектичностью, неопределенностью, признанием ценности внерациональных форм познания и деятельности. При этом иррационалистическое зачастую выдается за рационалистическое. Так, например, покупка определенного товара в магазине, кажущаяся целерациональным актом, оказывается спонтанным действием, обусловленным бессознательными импульсами, активизированными посредством соответствующих манипулятивных механизмов, умело используемых в рекламе.

Характерным симптомом иррационализации и сопряженной с ней неомедиевизации сознания является также нагнетание в ны-

нешнем XXI веке такой черты массового сознания, как алармизм (повышенная тревожность, вызванная ожиданием глобальной катастрофы, апокалипсиса, конца света). Подобные иррациональные проявления сознания масс в средние века были вызваны преобладанием религиозного мировоззрения, а в Новое средневековье их истоки, по нашему мнению, стоит искать в общем духовном кризисе и аномии.

Кроме этого, важным в нарастании тревожности в массовом сознании является следующее обстоятельство, о котором писал Р. Гвардини. Человек в древности жил в ситуации страха, постоянной опасности, которую представляла неведомая ему природа. Создав культуру, развив до невиданных высот науку и технику с целью формирования собственной безопасности, человек справился с опасностями природы, но сам создал для себя другого «монстра» – технику [4].

Если древнего человека подстерегали опасности в лесу и в джунглях, то человек постсовременный должен соотносить свою жизнь с опасностями техносферы и городской среды. К таким угрозам можно отнести риск техногенных катастроф, риск попасть в авто, авиа или железнодорожную катастрофу, риск получить серьезное заболевание из-за воздействия источников электромагнитных волн, которыми наполнена техносфера. Современный город, как и древний лес, полон опасностей, и человек постоянно испытывает состояние тревоги, которое усугубляется повышенным ритмом жизни, информационной перегрузкой, шумовой «бомбардировкой» и другими эффектами современной урбанизированной техносферной среды.

Что касается взаимоотношений человека с техникой, то здесь проявляются черты сакрализации, столь свойственные сознанию средневекового человека, занятому религиозным мировоззрением.

Техника наделяется некими сакральными смыслами, подобно тому, как в средневековье священное значение имели предметы, связанные с религиозной верой. Человеческая природа неизменна в том, что ей свойственно стремление к ориентации и поклонению (термин Эриха Фромма) [2]. И технику можно с полной уверенностью рассматривать в качестве типичной для постсовременности системы ориентации и поклонения.

Тому можно найти множество наглядных подтверждений. Так, выпуск и появление в продаже очередной модели смартфона компании Apple сопровождался реакцией поклонников данной технической продукции, ничем не отличающейся от реакции глубоко верующих людей на доставку в местный храм известной иконы или мощей святого. Поклонники «яблочной» техники занимали очереди в магазины за много часов до открытия, а купив заветный гаджет, ликовали не меньше, чем ликовал средневековый христианин.

нин, отстоявший в многолюдной очереди и приложившийся к мощам святого.

Таким образом, рост иррационального начала в сознании постсовременного общества можно рассматривать как характерный атрибут неомедиевизации.

Библиографический список

1. Бердяев Н. Новое средневековье. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyayev/berdn010.htm>
2. Фромм Э. Иметь или быть. – М. : Прогресс, 1986. – 238 с.
3. Эко У. Средние века уже начались // Иностранная литература. – 1994. – № 4. – С. 258–267.
4. Cuardini R. Das Ende der Neuzeit. – Leipzig. 1954.

II. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУБЪЕКТОВ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И ЕГО ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ РЕГУЛЯЦИЯ

ПРИНЦИП СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ В ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Н. К. Краснослободцева

**Тамбовский государственный технический университет,
г. Тамбов, Россия**

Summary. In this article principle of individual freedom is probed in the legal field, correlation of freedom and human rights, fixing of individual freedom in the Basic law of country. Maintenance opens up principles of freedom, his unfolded decision is given.

Key words: principle of individual freedom; human rights; natural right.

Человек живет в мире принципов, избранных им самим либо усвоенных из системы воспитания, из смысла организации общественной и личной жизни. Принципиальность означает верность идеям, благодаря которым удерживаются единство и последовательность мыслей и действий человека, отстаивающего определенные позиции в жизни. «Приверженность человека принципам, – справедливо замечает Г. В. Мальцев, – почти автоматически вызывает его приверженность тем нормам, которые создаются на их основе» [4, с. 677].

С усложнением социальных структур общества неизбежно увеличивается масштаб группового самоопределения его членов, растет количество формальных и неформальных связей, формируется разнообразие интересов и мнений. Свобода является объектом права, правовых уравнивающих действий, поэтому в юриспруденции все является (или должно являться) формой выражения свободы в отношениях между людьми. В. С. Нерсисянц, автор либертарно-юридической теории, совершенно справедливо утверждал, что «своим всеобщим масштабам и равной мерой право измеряет, отмеряет и оформляет именно свободу индивидов, свободу в человеческих взаимоотношениях – в действиях, поступках. Дозволения и запреты права как раз и представляют собой в общественном бытии людей пределы достигнутой свободы, границы между свободой и несвободой на соответствующей ступени исторического развития» [5, с. 59]. Анализируя сущность принципа свободы в праве, мы определяем меру свободы действия индивидов, уровень цивилизованности общества.

Принцип свободы личности – это идейно-концептуальная основа взаимодействия личности, общества и государства, сущностью которой является неотчуждаемое, гарантированное и охраняемое госу-

дарством состояние независимости индивида, познающего правовую действительность и действующего в соответствии с познанным, разумно сочетающего свои интересы с интересами иных субъектов права.

Принцип свободы личности относится к универсальным принципам права, которые получают свой смысл из естественных прав и свобод человека. В универсальных принципах права выражено содержание таких общечеловеческих ценностей, как свобода, равенство, семья, частная собственность, достоинство, вера в добро и справедливость, сопротивление гнету и другие. Их охрана должна быть целью любого политического союза, в первую очередь государства.

Составляющие естественное право нравственные и правовые идеи, принципы, идеалы, требования сами по себе «еще не являются правом в юридическом смысле, а представляют собой мораль, правосознание, демократические устремления, то есть ближайшую и необходимую предпосылку и основу собственно юридического права» [2, с. 108]. Поэтому универсальные принципы для действительно регулятивной силы должны получить закрепление в праве.

В мировой практике идеи естественного права впервые получили законодательное закрепление с принятием Декларации прав человека и гражданина 1789 г. и основанной на ней французской Конституции 1791 г., а также со вступлением в законную силу первых десяти поправок к Конституции США (Билль о правах 1791 г.). Начиная с этого времени и вплоть до середины XX века шел медленный процесс сближения действующего законодательства с идеальными стандартами естественного права. После принятия Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. Всеобщей декларации прав человека в подавляющее большинство национальных конституций был включен перечень фундаментальных прав, воспроизводящих положения Декларации.

При всей своей многогранности и сложной детерминированности современное конституционно-правовое учение о свободе может быть кратко выражено в следующих основных постулатах: 1) все люди свободны от рождения и никто не вправе отчуждать их естественные права. Обеспечение и охрана этих прав – главное назначение государства; 2) свобода состоит в возможности делать все, что не приносит вреда другому. Свобода человека, следовательно, не может быть абсолютной, она ограничена таким же состоянием других людей. Равенство возможностей для всех – основа свободы; 3) границы свободы могут быть определены только законом, который есть мера свободы. Свобода и правопорядок не антагонисты, если закон демократический. Следовательно, все, что не запрещено, то дозволено; 4) часть дозволенного определяется через права человека. Закрепление прав необходимо для того, чтобы помочь человеку осознать свои возможности, но ни один перечень прав не исчерпывает содержания свободы;

5) ограничение прав возможно исключительно с целью способствовать общему благосостоянию в демократическом обществе [1, с. 179].

Основные постулаты учения о свободе легли в основу российской Конституции 1993 г., а некоторые из них прямо ею закрепляются. Так ст. 2 Российской Конституции гласит: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». К принципам, развивающим данное положение, относятся: всеобщность и неотчуждаемость прав и свобод человека и гражданина (ст. 17 Конституции РФ); их непосредственное действие (ст.18); гарантированность, защищенность государством (ст. 2), равенство (ст. 19).

Реализация универсального, естественно-правового принципа свободы личности воплощается в жизнь посредством обозначения сфер деятельности человека, где он может проявлять свою самостоятельность и автономность, и определения границ этой самостоятельности. То есть свобода человека в обществе не абсолютна, она проявляется через отдельные виды свободы и характеризуется определенной степенью проявления. Сущностная составляющая принципа свободы личности может варьироваться, показывать разные аспекты своего проявления в зависимости от сферы общественных отношений, внешних факторов, субъективных установок законодателя, правоприменителя.

В действующей Конституции РФ термин «свобода» в различных интерпретациях использован 56 раз [6, с. 189]. При этом в него вкладывается разный смысл. Законодатель не делает существенных отличий в определении терминов «права» и «свободы» и уравнивает их в своих юридических гарантиях. Уместно будет применить философский подход для выявления соотношения названных понятий.

Как уже подчеркивалось нами, определить, что такое свобода, чрезвычайно сложно, поэтому часто наиболее приемлемым оказывается апофатическое (греч. – отрицание) определение свободы, пользующееся методом отрицания. То есть свобода имеет место там, где нет ограничений. Здесь, правда, подстерегает опасность соскользнуть в свободу, неотличимую от произвола. Но личность потому и личность, что человек живет вопреки как внешним, так и внутренним обстоятельствам. Как правило, в своем личностном бытии человеку приходится преодолевать свои желания и склонности, жить не по природе своих влечений, а по вектору сознательного устремления. Поэтому в самом общем абстрактно философском плане свобода заключена в действии, согласном с сущностью мира и сущностью самого человека [3, с. 73].

Свобода от ограничений представляет собой актуализацию в социальном пространстве и времени деструктивного (разрушительного) аспекта свободы. В отличие от нее вторая ступень свободы –

«свобода для» – означает способность человека творить, создавать, работать. Это высшая креативная (созидательная) ступень свободы.

Если раскрыть соотношение прав и свобод человека в таком контексте, то различия выразятся в следующем: свобода – это возможность избежать человеку ограничений со стороны государства; это сферы, в которые государство не должно вмешиваться, оно лишь очерчивает с помощью правовых норм границы, контуры этой деятельности. В общетеоретическом понимании предоставление свободы означает самостоятельное самоопределение личности.

В свою очередь, права человека – это признанные и гарантированные государством возможности действий (правомочия) человека в конкретно указанной сфере. Смысловая нагрузка категории «право» в данном контексте состоит в предоставлении определенного социального блага.

Библиографический список

1. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации : учеб. для вузов. – М. : Норма, 2007.
2. Байтин М. И. Сущность права. (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – Саратов : СГАП, 2001.
3. Кравцов Г. Г. Волевая сфера личности: культурно-исторический аспект // Мир психологии. – 2007. – № 3.
4. Мальцев Г. В. Социальные основания права. – М. : Норма, 2007.
5. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. – М. : Норма, Инфра-М, 1999.
6. Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации : моногр. – М. : Юридическая литература, 2005.

ЛИЧНОСТЬ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: НАПРАВЛЕНИЯ И ФОРМЫ ВЗАИМОКОРРЕЛЯЦИИ

С. К. Костючков

Херсонский государственный университет,
г. Херсон, Украина

Summary. In the article the problems of correlation are examined between civil society and personality in this society. Some aspects, reflecting the processes of mutual relations between individuals, their associations and society on the whole, are probed.

Key words: personality; individual; civil society; correlation.

Надежные гарантии прав и свобод человека, его реальное и активное участие в жизни социума можно обеспечить только при условии существования демократического государства и свободного гражданского общества. Будучи сферой творческой самореализации индивидов, автономной от государства, гражданское общество во всех случаях стремится заставить государство быть максимально полезным своим гражданам, ответственно служить их интересам.

Гражданское общество – это система взаимодействия в пределах права свободных и равноправных граждан государства, их объединений, которые добровольно сформировались и находятся в отношениях конкуренции и солидарности, в условиях минимизации этатизма, но при активном участии государства в создании условий для их свободного развития. И гражданское общество, и государство формируются и функционируют для удовлетворения потребностей и интересов человека. Гражданским обществом можно назвать такое общество, в котором гражданин как автономное лицо является:

- человеком, который осознает себя свободным членом общества;
- индивидом, свободным экономически, – он имеет право выбора форм и видов трудовой деятельности, в том числе предпринимательской; свободным политически и идеологически;
- субъектом, который наделен широким спектром прав и свобод, в том числе правом частной собственности («субъект-владелец»);
- лицом, которое осознает и реализует в процессе жизнедеятельности свою ответственность перед обществом;
- гражданином, который защищен законом от прямого посягательства на свои права или их ограничений со стороны государства.

Уже аксиоматичным представляется сегодня тезис о том, что гражданское общество – это система самостоятельных и автономных от государства общественных институтов и отношений, которые призваны способствовать реализации интересов индивидов и их коллективов. Эти интересы и потребности выражаются и осуществляются через такие институты гражданского общества, как семья, система

образования, научные и профессиональные объединения, организации, ассоциации. Здесь речь идет о структурах, основанных на единстве интересов и осуществляющих свою деятельность на основе горизонтальных связей. Такие горизонтальные невластные (координационные) связи устойчиво имплицированы с нормальной жизнедеятельностью гражданского общества. Данные связи весьма многообразны и образуют несколько страт (слоев). Основу составляют отношения, связанные с жизнедеятельностью общества: промышленное и сельскохозяйственное производство, образование, медицина и т. д. Второй, средний слой – это социокультурные отношения между людьми: этнические архетипы, национальные, религиозные, родственные и прочие стабильные связи. Верхний, третий слой, образован отношениями, обусловленными индивидуальным выбором человека, его политическими и культурными предпочтениями. На этом уровне люди объединяются в группы по интересам, клубы, союзы, партии, неправительственные организации. Таким образом, специфическая черта гражданского общества – существование в его рамках различных социальных сил, негосударственных институтов, общественных образований; главным действующим лицом такого общества является, на основе взаимной корреляции, человек со всей его системой потребностей и интересов.

Гражданское общество – это сообщество свободных индивидов, каждый из которых в экономическом смысле является собственником, он в действительности обладает теми средствами, которые необходимы человеку для его нормальной жизнедеятельности. Человек свободен в выборе форм собственности, определении профессии и вида труда, распоряжении результатами своего труда. В плане социальном принадлежность индивида к определенной социальной общности (семья, род, класс, нация) не является абсолютной, он обладает известной степенью автономного существования и самоорганизации, достаточной для удовлетворения собственных интересов и потребностей.

В политическом плане свобода человека и гражданина заключается в его независимости от государства – в возможности быть членом политической партии, общественной организации, оппозиционных по отношению к существующей государственной власти, в праве участвовать или не участвовать в выборах органов государственной власти и местного самоуправления. Обеспеченной свобода признается лишь при условии, что гражданин через определенные механизмы (суд, органы местного самоуправления) может прекратить или ограничить проявления своеволия государственных или иных структур в отношении собственной личности.

Гражданское общество является сложноструктурированной плюралистической системой. Как и любой другой социальный организм, оно обладает определенным набором системных качеств, но

для гражданского общества особое значение приобретают их полнота, устойчивость и воспроизводимость. Наличие разнообразных форм общественных объединений – партий, союзов, ассоциаций, объединений, обществ, содружеств, клубов – дает возможность реализовать самые разнообразные устремления граждан, с учетом их индивидуальных склонностей, интересов, амбиций. Плюрализм как свойство, характеризующее структуру и функции общественной системы, проявляется во всех ее сферах: в экономической – это многообразие форм собственности (частная, акционерная, кооперативная, общественная, государственная); в социальной и политической – наличие широкой и разветвленной сети общественных организаций, в которых индивид может проявить себя и защитить свои интересы; в духовной – обеспечение свободы мировоззрения, исключение дискриминации по идеологическим мотивам, толерантное отношение к различным религиозным убеждениям, контрадикторным позициям, жизненным установкам.

Гражданское общество – это саморазвивающаяся и самоуправляемая система. Объединяясь в различные организации, индивиды осуществляют многообразные по формам интеракции, реализуют свои подчас разнонаправленные интенции, и этим обеспечивают гармоничное, продуктивное, перспективное развитие общества, исключая вмешательство государства как политической силы в сферу функций гражданского коллектива. Гражданское общество имеет свои внутренние ресурсы саморазвития, независимые от государства: гражданская инициатива как осознанная и продуктивная деятельность во благо общества, гражданский долг, гражданская совесть, представляющая собой особого рода социальные ценности, без которых невозможно дальнейшее развитие гражданского общества [2, с. 55].

Гражданское общество – это особое социальное поле, где интегрирующими элементами выступают признание, обеспечение и защита естественных и приобретенных прав человека как личности и гражданина. Идеям гражданского общества о разумности и справедливости власти, о свободе и благополучии каждого индивида конгениальны идеи приоритета права и закона, правового обеспечения разделения ветвей государственной власти. Нельзя не согласиться с российским исследователем П. Новгородцевым, который отмечает, что «для гражданского общества угрозу представляет любое нарушение права или какое-либо нарушение конституционных свобод... поскольку в данном случае под удар ставятся те фундаментальные принципы, которые делают существование гражданского общества возможным вообще» [3, с. 548].

Рассматривая человеческую личность во взаимоскорреляции с обществом, следует помнить, что она несет в себе как позитивный, так и негативный потенциал; стимулировать реализацию позитивных потенций и редуцировать проявления негативных – вот, по

нашему мнению, основная задача, стоящая перед гражданским обществом и личностью в этом обществе.

Библиографический список

1. Кальной И. И. Гражданское общество: истоки и современность : моногр. – Симферополь, 2006 .
2. Костючков С. К. Гражданское общество: ориентация на общечеловеческие и национальные ценности в контексте гармонизации социальных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Политология». – М., 2010. – С. 55.
3. Новгородцев П. Н. Об общественном идеале. – М. : Пресса, 1991. – 639 с.
4. Пронин Э. А. XXI век. Человек. Конфликт. Культура. – М. : Национальный институт бизнеса, 2004. – 154 с.

СИСТЕМА ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ КАК ЭЛЕМЕНТ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЛИЧНОСТИ И ГОСУДАРСТВА

И. Д. Афанасьева
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия

Summary. It is considered the system of rights and freedoms of identity as an element of an interaction between an identity and a state. It shows different types of classification. The author underlines an interdependence between an identity and a state.

Key words: rights and freedoms of identity; identity; society; state.

Перспективы развития общества во многом зависят от характера взаимоотношений личности и государства. Значение государства в государственно-организованном обществе обусловлено его относительной независимостью и значительной самостоятельностью по отношению к человеку и обществу, теми рычагами воздействия на общественные отношения, которыми оно монопольно располагает [8, с. 311].

В юридическом понимании личность – это социальная характеристика человека на определенном этапе общественного развития. Это член общества, наделенный правовым статусом, правосубъектностью, адресат правового воздействия, участник многообразных общественных отношений, совокупность и содержание которых определяют его положение и социальную роль, поведение и духовную жизнь[4].

Существует устойчивая политико-правовая связь между личностью и государством, которая выражена в юридической принадлежности человека к определенному государству и системе взаимных прав и обязанностей гражданина и государства; правовой статус личности является выражением основных принципов взаимоотно-

шений между ними. Правовой статус – это правовое положение человека, отражающее его фактическое состояние во взаимоотношениях с обществом и государством [7]. В соответствии со сферой рассмотрения различают международный, конституционный, отраслевой, родовой и индивидуальный правовые статусы личности.

Основами правового статуса служат права и свободы личности. Главные принципы, характеризующие общие права и свободы, заключаются в следующем: пределом их использования является свобода личности другого; приоритет прав и свобод человека над всеми другими правами; равные права личности вне зависимости от расы, национальности, пола, религии; международный характер прав человека; понимание прав и свобод как развивающейся системы.

Многообразие прав и свобод человека и гражданина вызывает необходимость их классификации. На сегодняшний день не существует универсальной классификации прав и свобод личности. Плюрализм мнений и подходов к исследованию этого вопроса обусловлен интересами и мотивами сторонников различных теорий, спецификой исторического, экономического, политического, социального, культурного и духовного развития общества, а также уровнем накопленных научных знаний. Однако классификация прав и свобод необходима. Впервые систематизация личностных прав и свобод получила законодательное закрепление в Конституции штата Вирджиния (США) в 1776 г.

Сегодня самым распространенным основанием для классификации прав и свобод личности является генерационное. Эта концепция возникла в 70-х гг. XX в. Согласно этому подходу существуют поколения прав человека, под которыми понимают основные этапы их развития, связанные с формированием представлений о содержании прав, заслуживающих признания в качестве неотъемлемых, а также с изменением механизмов обеспечения последних [1, с. 10–12]. Таких поколений выделяется четыре. При этом грань между ними подвижна, так как некоторые права и свободы могут относиться к двум различным поколениям.

Итак, в первое поколение прав и свобод личности входят личные и политические права, обладание которыми является неотъемлемым принципом теории естественного права. Личные права и свободы принадлежат человеку с момента рождения, они неотъемлемы и не могут подвергаться ограничению, например, право на жизнь, свобода передвижения и др. К личным правам часто относят и гражданские, призванные оградить человека от незаконного вмешательства в его жизнь и обеспечить его существование. Политические права и свободы – это возможности лица в общественно-политической и государственной сфере, обеспечивающие его политическое самоопределение и свободу, участие в управлении государством и обществом [8, с. 319]. Политические права чрезвычайно

важны, потому что они выражают независимость личности от государства, а также являются рычагом влияния общества на государство. Они имеют абсолютный характер и осуществляются незамедлительно. К их числу относятся избирательное право, право на объединение, свобода митингов и др. Ограничение политических прав и свобод всегда резко негативно воспринимается обществом, нередко приводя к конфликту между обществом и государством, исходом которого может стать смена режима «сверху» или революция «снизу».

Второе поколение состоит из социально-экономических и культурных прав и свобод. Для их реализации именно государство должно предпринимать определенные действия, т. е. должно осуществлять позитивное вмешательство в их реализацию [5, с. 90]. К социально-экономическим правам и свободам относятся право на труд и на отдых, право на социальное обеспечение. Они призваны обеспечить благоприятные условия проживания человека. Культурные права выражены в возможности человека пользоваться духовными, культурными благами и достижениями, принимать участие в их создании в соответствии со своими склонностями и способностями. Это право на образование, свобода творчества и преподавания и др. Такие права и свободы также являются важными условиями существования.

Третье поколение прав представлено коллективными правами: права народов, женщин, детей, инвалидов и проч. Речь идет о тех гражданах, которые по социальным, политическим, физиологическим и иным причинам не имеют равных с другими возможностей осуществлять общие для всех права и свободы и поэтому нуждаются в определенной поддержке со стороны государства и международного сообщества [3, с. 101]. Речь идет о правах профсоюзных коллективов, этнических и религиозных меньшинствах. Часто удается лучше всего защитить права индивидуума, защищая права соответствующего слоя населения, к числу которого он принадлежит [1, с. 10–12]. В международных институтах третье поколение прав ассоциируется с понятием о правах как «единой общемировой ценности», которая является критерием, объединяющим людей, принадлежащих к различным цивилизациям, религиям и культурным сообществам (право на разоружение, право на развитие, право на здоровую окружающую среду и др.) [2, с. 50].

Четвертое поколение прав – это духовно-нравственные права человечества. К их числу относятся право на мир, экологические, информационные права, на ядерную безопасность, космос и др. Это направление в правовой концепции свидетельствует о том, что права и свободы личности – это динамическая система, которая трансформируется с течением исторического процесса и развития общества.

Современные правовые и общественные науки рассматривают генерационную классификацию прав и свобод личности в качестве

наиболее приемлемой. Разделение в ней происходит по времени возникновения в обществе тех или иных прав и свобод, таким образом, налицо зависимость правового развития общества от ступени его эволюционного развития в целом.

Однако в современном мире система прав и свобод личности представляет собой такую сложную систему, что все права и свободы невозможно подвести под какую-либо одну классификацию. Теория поколений, служащая для классификации прав и свобод личности в зависимости от разных факторов, является основной, но не единственной. Итак, в зависимости от сферы общественных отношений выделяют гражданские, политические, экономические, социальные и культурные права. По принадлежности к социальным нормам-регуляторам существуют естественные (моральные нормы) и позитивные (писаное право, юридические нормы) права. Согласно политико-правовому статусу личности существуют права и свободы человека и гражданина. Известны права индивидуальные и коллективные. По специальному субъекту-носителю прав существуют права ребенка, женщин, беженцев, инвалидов, заключенных и др. По универсальности и закреплению в конституциях и международных нормах права и свободы личности разделены на основные (конституционные) и производные. Существует деление прав по возможности их временного ограничения: абсолютные и относительные.

Любая классификация довольно условна, поэтому при попытках разделения прав и свобод на разные группы, необходимо помнить, что все они взаимосвязаны между собой и образуют систему. Поэтому отдавать приоритет одной категории прав, не учитывая другие, – неверный подход в исследовании рассматриваемой проблемы. Согласие народов по поводу основных прав и свобод человека и их основной классификации косвенным образом нашло свое выражение в Уставе ООН и Международном билле о правах: Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, Международном пакте о гражданских и политических правах и Факультативных протоколах к нему [6].

Говоря о взаимозависимости общества и государства, подчеркивая важность предоставления и защиты прав и свобод личности, нельзя забывать об ответственности каждой личности перед обществом и государством. Обязанности личности – второй основной компонент правового статуса лица после его прав и свобод. Юридические обязанности личности – это установленные и гарантированные государством требования к поведению человека, официальная мера должного поведения. Права и обязанности личности объективно взаимосвязаны между собой, что является выражением согласования интересов личности, общества и государства [8, с. 315].

На основании вышеизложенного следует подчеркнуть, что личность и государство находятся во взаимозависимости друг с дру-

гом. Предоставление в полной мере и защита прав и свобод личности государством, защита и обеспечение человека, гражданская и юридическая ответственность людей, совершенствование законодательства, повышение уровня правовой культуры населения, а также продуктивное международное сотрудничество в этой сфере являются залогом развития общества.

Библиографический список

1. Бороздина Я. А. Классификация прав и свобод человека // Международное и частное право. – 2007. – № 6.
2. Малевич Ю. И. Права человека в глобальном мире. – М., 2004.
3. Поленина С. В. Права человека и их защита // Государство и право. – 1996. – № 10.
4. Венгеров А. Б. Теория государства и права : учеб. – 3-е изд. – М. : Юриспруденция, 2000. Электронная библиотека «Гумер». URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/venger/01.php
5. Комаров С. А., Ростовщиков И. В. Личность. Права и свободы. Политическая система. – СПб., 2002.
6. Классификация прав человека // Образовательный портал «Основы российского права». URL: <http://isfic.info/rights/zapra12.htm>
7. Теория государства и права : учеб. / С. С. Алексеев и др. – М. : Норма, 1998. Юридический виртуальный клуб «EX JURE». URL: <http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=283>
8. Теория государства и права : учеб. пособие / под ред. М. Н. Марченко. – М. : ЗЕРЦАЛО, 2000.

СООТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВА, ВЛАСТИ И ПРАВА В ВОЗЗРЕНИЯХ Ф. Ф. КОКОШКИНА

А. В. Лапаева

Второй Тамбовский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Тамбов, Россия

Summary. The paper investigates the issue of correlation of state, power and law in views of F. F. Kokoshkin. Particular attention is paid to the categories of "state", "power" and "law" and to the types of states. The article focuses on the analysis of theories of the origins of state and law, their essence and significance.

Key words: law-based state; law; power; government regulation.

Ф. Ф. Кокошкин (1871–1918) относился к плеяде выдающихся российских конституционалистов начала XX в. Научное и политическое мировоззрение государствоведа формировалось под влиянием российской и западноевропейской либеральной политической мысли. Ф. Ф. Кокошкин являлся не только теоретиком российского конституционализма, но и практиком, ратовавшим за воплощение своего политического идеала в политико-правовой жизни России нача-

ла XX в. Членство в Партии народной свободы, депутатство в Государственной думе первого созыва, участие в работе в качестве председателя Особого Совещания для подготовки проекта Положения о выборах в Учредительное собрание – все это были вехи политической карьеры известного общественного деятеля, дававшие ему возможность воплотить в жизнь свои конституционные идеалы. Наряду с С. А. Муромцевым, Ф. Ф. Кокошкин был автором окончательной редакции двух важнейших программных документов русского конституционного движения – проекта Основного закона Российской империи и проекта Избирательного закона.

Совместно с С. А. Муромцевым, П. Н. Милюковым, С. А. Котляревским, Ф. Ф. Кокошкин разработал концепцию перехода от абсолютизма к конституционной монархии в условиях возможной модернизации России. Государствовед считал, что конституционное государство являлось практическим осуществлением идеи правового государства: «государство, подчинение которого праву гарантировано, есть конституционное государство». Под правовым государством Кокошкин понимал такое государство, члены которого по отношению к нему имели не только обязанности, но и права, являлись не только подданными, но и гражданами [1, с. 261].

Государствовед выступал за обоснование необходимости существования сильной, но действующей в рамках права власти, являющейся выражением национальной воли к модернизации традиционных социальных институтов и проведению демократических реформ. Ученый указывал, что государство считалось правовым, если подчинение праву было обеспечено определенной суммой гарантий, совокупность которых должна была образовывать конституция.

Критически анализируя основные теории происхождения государства (патриархальную, теократическую, органическую, экономическую), подчеркивая их односторонность, Кокошкин отстаивал социологический подход в исследовании проблем государства. По его мнению, государство рассматривалось не как территория или совокупность людей, а как общественное явление [1, с. 2].

Вслед за Г. Еллинеком и П. Лабандом Ф. Ф. Кокошкин исходил при рассмотрении государства из его концепции как юридического лица, суть которой заключалась в рассмотрении государственной власти в качестве идеального субъекта права, наделенного волей вступать в правовые отношения с обществом. Согласно данной теории государство рассматривалось как совокупность правовых институтов в целом, включая монарха и основные ветви власти. Кокошкин считал, что если государственная власть принадлежала государству, то только к государству как юридическому лицу могло быть отнесено такое свойство государственной власти, как суверенитет. По мнению государствоведа, конституционное государство характеризовалось тем, что в нем подчинение государства праву было обеспечено сово-

купностью таких гарантий, как участие народа и народных представителей в законодательстве и разделение властей [1, с. 267].

Исследуя теорию права, Кокошкин, как и Муромцев, придерживался социологической школы права, согласно которой общественная и государственная власть происходили из личной власти человека над человеком, а ее природа выяснялась путем интерпретации психологии господства и подчинения. Государствовед утверждал, что право должно было находиться во взаимосвязи с народным правосознанием, залогом которого являлось участие народа или народных представителей в законодательной деятельности. Между тем участие народа или его представителей в осуществлении законодательной власти еще не достаточно гарантировало подчинение государства праву. Необходимо было, чтобы государство не только создавало юридические нормы в соответствии с народным правосознанием, но и действовало в конкретных случаях согласно данным нормам [2, с. 4–5].

В качестве дополнительных гарантий со стороны законодательной власти в отношении подчинения государства праву Кокошкин называл образование двухпалатного народного представительства, совместное осуществление законодательной власти народным представительством и народом, участие в законодательной деятельности главы исполнительной власти. С другой стороны, гарантиями против нарушений со стороны исполнительной власти Ф. Ф. Кокошкин считал право народного представительства ежегодно определять бюджет и численность армии, ответственность министров перед народным представительством.

Подводя итоги, отметим, Ф. Ф. Кокошкин отстаивал социологический подход в исследовании проблем государства, считая его продуктом общественного развития. Ученый рассматривал государство с позиции юридического лица, наделенного возможностью вступать в правовые отношения с обществом. Кокошкин исследовал проблему соотношения государства и права в качестве совокупности общественно признанных норм, обеспечивающих удовлетворение интересов людей с помощью взаимодействия их волей. Право должно было находиться во взаимосвязи с народным правосознанием, залогом которого являлось участие народа или народных представителей в законодательной деятельности.

Конституционное государство являлось практическим осуществлением идеи правового государства, в котором его подчинение праву было гарантировано основным законом государства. Применительно к российским политическим реалиям государствовед считал, что идея конституционного государства могла быть осуществлена в двух основных формах: конституционной монархии или республики, отличительными признаками которых выступали наследственность правительственной власти в монархии и ее выборность – в республике.

Библиографический список

1. Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву. – М. : Изд-во бр. Башмаковых, 1912.
2. Кокошкин Ф. Ф. Об основаниях желательной организации народного представительства в России. – М. : Народное право, 1906.

СТАЛИНИЗМ КАК ИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ ПРОБЛЕМА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ В РАБОТАХ М. ХИЛЬДЕРМАЙЕРА

М. В. Лукьянчикова

Санкт-Петербургский гуманитарный университет
профсоюзов, г. Санкт-Петербург, Россия

Summary. This article observes the interpretive models of Stalinism in the works by German historian M. Hildermeier. The historian came to the conclusion of complex character of Stalinism, which combined totalitarian and new quality – central initiative and local reaction.

Key words: Stalinism; totalitarianism; terror; Russian studies in Germany.

Из всех спорных и нерешенных вопросов советской истории, пожалуй, «сталинский тоталитаризм», «сталинизм» занимают одну из лидирующих исследовательских позиций в западной историографии России. Для немецких исследователей этот феномен интересен еще и тем, что в исторической литературе неоднократно предпринимались попытки сравнения двух тоталитарных режимов – сталинизма и фашистского национал-социализма.

Представители научной школы Д. Гайера (Б. Бонвеч, М. Хильдермайер, Д. Байрау и др.) обратились к сталинизму во время перестройки, что было связано не только с возросшей доступностью архивов, но и с тем, что после распада СССР многие вопросы относительно данного феномена стали пересматриваться. Основные вопросы, интересующие немецких историков, можно разбить на три группы: 1) феномен сталинизма – его истоки, интерпретации и трактовки; 2) сталинские репрессии, их причины, последствия, жертвы; 3) сравнение сталинизма и национал-социализма.

М. Хильдермайер, считая сталинизм сложнейшей интерпретационной проблемой советской истории, рассматривал в своих работах его основные интерпретационные модели. Теория тоталитаризма является самой распространенной не только в силу своего влияния, а также потому, что стояла у истоков размышлений о сталинизме. Она также является исходным пунктом для сравнения фашизма и сталинизма. На смену данной концепции в 1970-х гг. пришла социально-историческая трактовка сталинизма в работах американских историков, которая получила название «ревизионизм», так как стремилась

пересмотреть основные положения тоталитарной теории. Если теория тоталитаризма занималась в первую очередь вопросами власти, режима, личностью диктатора, то ревизионисты обратились к социальным и экономическим вопросам. Но как отмечает историк, вскоре обе концепции подверглись критике, так как не давали ответов на многие вопросы, и были дополнены историей повседневности, опыта и сознания. «Пережитой» сталинизм, сталинизм как история опыта стали занимать исследователей в 1980–1990-е гг. Как пишет М. Хильдермайер, началась «ревизия ревизионизма», «в определенной мере противопоставлялись прагматичное целе-рациональное толкование и ценностно-рациональное» [1, с. 674]. Политическую историю сменила социально-историческая концепция, которая затем была дополнена историей опыта и повседневности. Хотя с распадом СССР вопросы взаимодействия власти, режима и личности снова появились в поле исследовательского интереса.

М. Хильдермайер предлагает заменить термин «тоталитарная идеология» применительно к сталинизму на «секуляризованную религию», так как понятие «тоталитарный» полностью не описывает особенностей системы, а религиозная концепция позволяет рассмотреть ее различные стороны [2]. Понятие «политическая религия» историк считает настолько общим и размытым, так как его можно применить к любому режиму, где цели оправдывают средства. М. Хильдермайер выделяет некоторые элементы «религиозности» советского режима при Ленине и Сталине: символы и эмблемы для международного признания, лояльности и интеграции внутри страны, псевдорелигиозное качество ритуалов, праздников, памятников, юбилеев, создание «нового» совершенного человека, культ личности [2, с. 94–109]. Историк считает, что, несмотря на доводы в пользу замены понятия «тоталитарный» на «псевдорелигиозный», следует иметь в виду, что границы этого перехода расплывчаты и что достаточно проблематично обозначить атеистическую идеологию исключительно как светскую религию (последнее наталкивается на наибольшие возражения). В итоге М. Хильдермайер отмечает, что, возможно, религиозное проявлялось именно в фанатическом преследовании религии, поэтому он считает осмысленным обозначение большевизма как политической религии и оказывает предпочтение данному понятию.

М. Хильдермайер обращается к теме сталинского террора в двух плоскостях: типологической и интерпретационной, в контексте трактовок сталинизма и характера ответственности за террор. Историк отмечает, что:

- сталинизм и террор неотделимы друг от друга;
- принудительная коллективизация, без сомнения, была террористической и руководствовалась грубыми марксистскими или

псевдомарксистскими критериями против мнимого класса эксплуататоров в деревне [3, с. 596];

– голод 1933–1934 гг. стал следствием принудительной коллективизации. Кажется неправдоподобными заявления о том, что он был спланирован и брался в расчет. В этом его отличие от преследования кулаков, которое началось по идеологическим причинам. Но ненамеренность не снимает ответственности с режима, без войны против деревни катастрофа не была бы такой разорительной [3, с. 598];

– большой террор не скрывался, угроза принудительных работ или смерти стала составной частью жизни советских людей, нужно было учиться обходиться с ней, как с болезнью [3, с. 600–601].

На основе полученных выводов М. Хильдермайер предлагает четыре теоретические концепции толкования террора и ответственности за него: 1) взаимосвязь между коммунистической идеологией и террором; 2) размышления на основе тоталитарной модели; 3) ревизионистские англосаксонские толкования и 4) возможная «золотая середина» на основе постсоветских исследований. Первая трактовка постулирует наличие взаимосвязи между коммунистической идеологией и террором. Историк отмечает, что хотя «культура насилия» начиная с октября 1917 г., как и партийная диктатура, существовала, но до Сталина не было «войны против деревни» и всеобщего террора, который не в последнюю очередь был направлен против собственной партии [3, с. 603].

Второе предложение исходит из теории тоталитаризма и возлагает всю вину ответственности за террор на Сталина, который имел в руках все нити управления и распространял неограниченный контроль. Террор был подходящим средством для исключения соперников и укрепления собственной власти и был неотделим от фигуры диктатора. Данная трактовка сталинизма как единоличной власти и полной ответственности Сталина за все преступления нашла возражение в работах «ревизионистов» (третье толкование), которые считали невозможным, чтобы один человек управлял и контролировал миллионные аресты и депортации. Таким образом, согласно третьей интерпретации вся система и режим были ответственны за террор. Последняя трактовка, о которой заговорили после открытия архивов и дел политбюро 1930-х гг., кажется М. Хильдермайеру наиболее убедительной. Согласно данной концепции оба последних толкования – тоталитарная гипотеза и ревизионистское растворение террора в собственной динамике и организационном хаосе – совместимы.

Историк приходит к выводу, что сталинская система, возможно, имела не только тоталитарное, но и иное новое качество, которое следует рассматривать как соединение «центральной» инициативы и «локальной» реакции. «Сталин в действительности зажег спичку,

в то время как трут в образе социального и административного конфликтного потенциала общего порядка был наготове» [3, с. 605]. Данный вывод историка претендует на оригинальность.

Библиографический список

1. Hildermeier M. Interpretationen des Stalinismus // Historische Zeitschrift 264. – 1997. – S. 655–674.
2. Hildermeier M. Kommunismus und Stalinismus: «Säkularisierte Religion» oder totalitäre Ideologie? // Zwischen Politik und Religion. Studien zur Entstehung, Existenz und Wirkung des Totalitarismus. Hrsg. von K. Hildebrand. – München: Oldenbourg, 2003. – S. 91–111.
3. Hildermeier M. Stalinismus und Terror // Osteuropa 50. – 2000. – Н. 6. – S. 593–605.

МОЛОДЕЖНЫЕ ДВИЖЕНИЯ 60-Х ГГ. XX В. КАК ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОСТСОВРЕМЕННОГО СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА

Б. А. Дорошин

Пензенская государственная технологическая академия,
г. Пенза, Россия

Summary. This article focuses on the anti-war movement, the counterculture and the rise of the left movement of the 1960s as a prerequisite for the formation of a network of post-modern society. Marked internal inconsistencies in the data movements, in particular, the contradiction of their effects previously proclaimed goals. Highlights some of the reactionary tendencies in post-modern network society.

Key words: postmodernity; network society; youth movements of the 1960s; netocracy; anthropocosmism.

Общество конца XX – начала XXI вв. в своих разных аспектах и региональных вариантах получает разные терминологические обозначения. К таковым относятся понятия «сетевое общество» и «постсовременность». Термин «сетевое общество» вошёл в научный оборот недавно, и во многом остается предметом дискуссий. Согласно одной из точек зрения, это понятие вообще концептуально несостоятельно, поскольку в сетевом обществе нет ничего принципиально нового, кроме количественного эффекта – интенсификации сообщений, возрастания скорости и плотности коммуникационных потоков. Последние же оказались унаследованы обществом из природы – человек как млекопитающее с его слухом и зрением изначально основывал свое бытие на использовании воздушной и световой коммуникационных сред. Со временем, по мере развития целенаправленной транспортировки информации человеком и соответствующих коммуникационных средств и систем (транспортные средства, сети дорог, телеграфных и телефонных линий) информа-

ционные обмены стали уже не только сопровождать материальные, но все более смещать таковые на служебную по отношению к себе роль. Начинается переход от прежней цивилизационной эпохи к новой, в которой коммуникации, выраженные в законах электродинамики, во многих смыслах опережают те, что описываются законами классической физики; а непосредственные контакты «лицом к лицу» все более замещаются удаленными и опосредованными, осуществляющимися в распределенной коммуникационной среде. Таким образом, качественно изменяется характер коммуникаций, изменяется и их роль в жизни общества. Формируются непосредственные технические и социальные предпосылки сетевого общества. Ключевой из них стало появление компьютерных технологий, обусловившее использование сети не только для транспортировки информации, но и для ее обработки; создавшее особенную форму распределенной коммуникации, которую оказалось возможным спроецировать на социальную коммуникацию. В силу этого во многом тождественным понятию «сетевое общество» по своему содержанию оказывается понятие «информационное общество», отражающее «зачастую идентичные или близкие феномены», имеющее дело «с коммуникационными эффектами, которые можно считать одновременно сетевыми» [8]. Оба эти понятия, таким образом, с полным на то основанием сводятся в единое – «сетевое информационное общество». Информационно-технологической основой данного типа общества признаются цифровые сети, а его инкубационный период относится к концу 1960-х – началу 1970-х годов. На тот же отрезок истории пришлось массовые антивоенные протесты, пик движения хиппи в США и «майская революция» 1968 г. в Париже [5]. Эти события, на первый взгляд не связанные с генезисом сетевого общества, оказались наряду с его началом, предпосылками, а также и проявлениями зарождения нового качества социальной реальности – того, что получило впоследствии наименование *postmodernity* – постсовременность. Это социальная реальность, с которой соотносит себя идеология постмодернизма и которую она стремится описать, но прежде всего – социальная реальность, приходящая на смену эпохе модерна, или современности, соответствующей индустриальному обществу, и, в свою очередь, соответствующая обществу постиндустриальному или информационному. Постсовременность определяется некоторыми авторами как нечто, следующее за современностью, но совсем необязательно более высокое и прогрессивное, нежели чем та, и зачастую содержащее в себе реакционные тенденции, связанные с возрождением атрибутов преמודерна, или традиционного общества [6].

В рамках общества потребления, которое оформилось у верхней границы эпохи *modernity* (современности), войны приобрели характер высокоиндустриальной деструкции как способа стимули-

рования потребностей [5], а их экономические и неоколониальные причины стали очевидны как никогда ранее, особенно для интеллектуалов и студенчества, среди которых был весьма популярен марксизм. Это во многом обусловило упомянутую выше мощную волну антивоенного движения, преимущественно молодежную по составу. В наступающей постсовременности таковая способствовала формированию в качестве реакции на подобный антимиитаризм впечатляющего идеологического сопровождения войн как «миротворческих» и направленных на защиту «общечеловеческих ценностей» либерализма и демократии – в определенном смысле «священных войн» (симптоматично публицистическое клише «крестовый поход за демократию»), как бы взаимно отзеркаливающихся с военными и террористическими действиями религиозных фундаменталистов. И те, и другие с их «священной» атрибутикой можно рассматривать как проявления архаизации, связываемой с сетевой структурой постиндустриального общества [10].

Тенденции архаизации в противоречивом сочетании с модернистскими левыми, в т. ч. либертарианскими идеями проявились у истоков постсовременности в движении хиппи и вообще в контркультуре. Эти социокультурные феномены в качестве реакции на механистичность и отчуждение технотронной цивилизации породили мощный импульс к архаическому, выразившийся в обращении к первобытным и древним культурам (негритянской, индейской, кельтской, индийской и пр.) и руссоистскому эскапизму в духе лозунга «Назад, в пещеры!». Взыскуя экстаза и приобщения к сакральному посредством технологического изменения и расширения сознания «здесь и сейчас» через использование фармации (психоделики), психотехник (йога, медитация) и электротехнических средств (аудиоаппаратура и светомузыка), они в немалой степени предпосылали технологическое изменение и расширение сознания посредством информационно-сетевой сопричастности и виртуальных симуляций (не случайно компьютерная зависимость рассматривается специалистами как близкая к наркотической). Как показывает Э. Дэвис, контркультура 1960-х оказала влияние как на развитие кибернетики и информационно-сетевых технологий, так и на синкретическое религиозное течение нью-эйдж, широко использующее данные технологии и даже имеющее целое «цифровое крыло». Некоторые исследователи сочли принятие адептами контркультуры технологий, изменяющих сознание, не духовным ответом на экспансию «общества господства», а капитуляцией перед ним, благодаря чему оно пустило «свои технократические корни еще глубже в человеческую душу» [3, с. 207–220].

Одной из вех, ознаменовавших переход к постсовременному сетевому обществу, явилась волна протестов в мае 1968 г. во Франции, нередко именуемая «красный май» или «молодежная револю-

ция», т. к. наиболее активной частью протестовавших явилась молодежь, прежде всего, студенты. Идеология этой молодежи базировалась на леворадикальных принципах, в т. ч. воплощения в жизнь модели общества без какой-бы то ни было иерархии – соответствующей постмодернистскому идеалу «тела без органов» [7]. Лидер молодых бунтарей Д. Кон-Бендит учился у будущего теоретика «горизонтальных» сетевых коммуникаций М. Кастельса. В ряду влиятельных французских интеллектуалов старшего поколения, поддерживавших «красный май», был М. Фуко, один из основоположников философского постмодернизма. Но «революция» 1968 г., направленная против буржуазного общества позднего модерна, оформляющегося в условиях начавшейся информационной эпохи как «общество спектакля», сама носила во многом карнавальное, перформативное характер. Это обусловило ее завершение «интегрированной театрализацией» [9, с. 195] и то, что она, как и ряд прочих революций, увенчалась победой отнюдь не ее зачинщиков. По мнению некоторых исследователей, часть западных интеллектуалов, пережив в ходе событий 1968 г. неудачный опыт «взаимодействия с вещами», сопровождавшийся «утратой перспективы, политической воли и страстной риторики», оформили постмодернистскую социальную мысль как нейтральную и стерильную, основанную на выводе о невозможности истории, реальности и теории [6].

Майские события 1968 г. в Париже можно считать вехой перехода от современности к постсовременности в т. ч. и потому, что это было последнее заметное общественно-политическое выступление западных интеллектуалов за последние десятилетия. Это, в числе прочего, и позволяет считать его событием, ознаменовавшим закат эпохи модерна, в которой интеллектуалы и молодежь, начиная с европейских романтиков, играли особую, инициативную роль. В условиях постсовременности устремления интеллектуалов стали более прагматично ориентированы на роли высокооплачиваемых экспертов при институтах господства [1].

Однако в связи с формированием постсовременного общества как информационно-сетевого отмечается и тенденция к возвращению интеллектуалов к социально активным ролям в новом, постмодернистском качестве. Как отмечает А. Г. Дугин, по мере возрастания объемов доступной информации, «чем больше людей владеет информацией, и чем большей информацией они владеют, тем больше они глупеют» [2, с. 660]. В этой ситуации возрастает роль интеллектуалов, способных интерпретировать и понимать эту информацию, извлекать из нее метаинформацию – сведения о том, как наиболее эффективно связать разнородную информацию, чтобы управлять смыслами и формировать коды социального бытия. Интеллектуалы такого рода, вполне симптоматично поименованные Н. Старром «необрахманами» [2, с. 660], могут совершенно не обла-

дать каким-либо действительно релевантным знанием, но убедительно его симулировать и благодаря этому успешно манипулировать окружающими, подобно сказочному волшебнику Гудвину, Великому и Ужасному, «превратившему» обыкновенный город в изумрудный, обязав его жителей носить очки с зелеными стеклами.

В качестве второй страты в инверсивно реставрируемой сетевым обществом сословной или кастовой социальной структуре предполагается кураториат – администраторы сетей, непосвященные в «необрахманические» тайны мыслителей-этерналистов, и соответственно, являющиеся неким подобием кшатриев индийской кастовой системы или стражей из «Государства» Платона. Как и последние, они призваны выполнять полицейские функции – выявлять потенциальных лидеров протестных движений. Роль «третьего сословия» внутри правящего класса нетократов отводится сетевым предпринимателям – нексиалистам, а в масштабах всего общества – «старой» буржуазии и социальным «низам», объединяемым понятием «консьюмтариат». Принадлежность к социальным стратам, вероятно, будет определяться, как и в кастовом обществе, в первую очередь по генетическому признаку [5].

Таким образом, у постсовременного сетевого общества имеются некоторые тенденции к формированию социальной структуры, выражающей отнюдь не эгалитарный образец его идеологов-постмодернистов – «тело без органов», но скорее коррелирующий с антропокосмическим образом индуистского Брахмы, манифестирующегося в различные уровни Вселенной, в т. ч. и в социальную иерархию: голова – в духовную элиту; руки – в руководителей, обеспечивающих порядок; бедра – в экономические массы [4, с. 22]. Эта же трехуровневая схема проявляется, хотя и немного иначе, уже в сегодняшнем мироустройстве постсовременного общества: развитые страны («голова»), новые индустриальные страны («руки»), страны-поставщики природных и человеческих ресурсов («бедра»). Такая иерархия стран во многом обусловлена глобализацией, ход которой в значительной степени определяется формированием сетевого общества – стоит вспомнить хотя бы роль масс-медиа в крушении социалистического блока или социальных интернет-сетей в ликвидации неугодных западным элитам режимов в арабском мире.

Библиографический список

1. Дубин Б. Последнее восстание интеллектуалов // Вокруг света. – 2011. – № 12. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/7559/> (дата обращения: 02.10.2012).
2. Дугин А. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. – М. : «Евразийское Движение», 2009. – 744 с.
3. Дэвис Э. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху / Э. Дэвис; пер. с англ. С. Кормильцева, К. Бачиной, В. Харитоновой. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2008. – 480 с.

4. Законы Ману. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 496 с.
5. Зуев А. Г., Мясникова Л. А. Нетократия: стратовые противоречия // Свободная мысль – XXI. – 2005. – № 9. – С. 3–19; Центр исследований постиндустриального общества. URL: <http://postindustrial.net/2005/10/netokratiya/> (дата обращения: 14.06.2009).
6. Капустин Б. Г. Посткоммунизм как постсовременность: российский вариант // ПОЛИС: Политические исследования. – 2001. – № 5. – С. 6–27; Московский инженерно-физический институт. Кафедра социологии и гуманитарной культуры. <http://www.sociology.mephi.ru/docs/polit/html/kapustin.htm> (дата обращения: 16.09.2012).
7. Можейко М. А. Тело без органов // Постмодернизм. Энциклопедия. – Минск. : Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – С. 830–833.
8. Назарчук А. В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. – 2008. – № 7. – с. 61–75; Déjà vu. Энциклопедия культур. URL: <http://ec-dejavu.ru/w/WWW.html> (дата обращения: 11.09.2012).
9. Усманова А. Р. Дебор // Постмодернизм. Энциклопедия. – Минск. : Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – С. 193–195.
10. Штомпель О. М., Штомпель Л. А. «Архаизация» современной культуры: динамика процесса. – Globalistika. URL: <http://www.globalistika.ru/congress2008/Doklady/23510.htm> (дата обращения: 12.09.2012.).

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС СЕМЬИ В РОССИИ И АРМЕНИИ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Л. В. Саенко

**Российская правовая академия Министерства юстиции
Российской Федерации, г. Москва, Россия**

Summary. On the basis of article comparative analysis of social and legal status of the family in Russia and Armenia, the authors provide recommendations for improving the legislation of the Russian Federation. Formulate proposals for appropriate amendments to the Constitution of the Russian Federation.

Key words: status; family; Russia; Armenia; the Constitution; the family of legislation; social; legal.

Конституция Республики Армения 2005 года [3] провозгласила суверенную, демократическую Армению социальным государством, так же как в свое время и Конституция Российской Федерации 1993 года [4] Россию. Социальные гарантии, содержащиеся во многих статьях Основных законов России и Армении, раскрывают степень гражданской зрелости, материальной обеспеченности общества, в котором существуют равные возможности личности реализовать свой творческий потенциал в современном гражданском обществе. Семья как целостное образование, как общепризнанная мировым сообществом основная ячейка общества [2] является одним из центральных институтов гражданского общества, одним из важнейших элементов его структуры. Учитывая, что развитие и защита демократических социальных ценностей – важнейшее условие

для дальнейшего движения гражданского общества по пути прогресса, на наш взгляд, интересным представляется проведение сравнительного анализа законодательства Российской Федерации и Республики Армения, составляющего основу правового статуса семьи.

Обязанность государства конкретизировать посредством законов права и свободы человека и гражданина предусмотрена во всех главах как Конституции России, так и Конституции Армении. Между тем осуществить указанное направление в реально сложившейся обстановке представляется делом далеко не простым. Поэтому в настоящее время, когда возможности государства в поддержке социальной сферы весьма ограничены, необходимо выбирать те приоритеты, которые позволят удержать от разрушения основные ценности общества и сосредоточить на их реализации основные ресурсы государства. Одним из таких приоритетов должна стать семья, которая является фундаментальной социальной общностью, воспроизводящей человека духовно и физически. Прежде всего следует отметить тот факт, что социологи, демографы и правоведы по-разному определяют понятие семьи [1, с. 194, 68]. Из таких определений видно, что каждая наука, создавая свой понятийный аппарат, преследует конкретные цели и, давая определение семье, как бы пропускает его через призму своего предмета. В исследованиях правоведов к определению понятия семьи также не обнаруживается единого подхода. Так, например, С. А. Сорокин в свое время предлагал отойти от слишком узкого понимания семьи и отождествления ее только с браком и определил семью как «относительно малую группу лиц, соединенных родством или свойством, совместно проживающих и имеющих общий бюджет» [8, с. 127]. Основаниями для возникновения семьи, по его мнению, являются не только брак, но и родство и свойство. В то же время в этой позиции нет последовательности, так как по семейному законодательству Российской Федерации совместное проживание не является обязательным атрибутом семейных правоотношений (супруги могут проживать в одной стране, один из супругов может постоянно находиться в другом государстве, выполняя, например, свои служебные обязанности, дети могут обучаться в третьей), а уж тем более не является таковым ведение общего хозяйства и, соответственно, наличие общего семейного бюджета. Супруги, заключив брачный договор, вообще могут определить режим раздельной собственности на все имущество. Автор склоняется к иному правовому определению семьи, о чем неоднократно докладывал на различного уровня научных мероприятиях [7, с. 249].

В гражданском законодательстве России и Армении довольно подробно определены и перечислены субъекты гражданского права: физические (граждане) и юридические лица, их свойства, право и дееспособность, причем в числе субъектов семья нигде не упоминается. Семейное законодательство как России, так и Армении, регу-

лируя отношения между членами семьи, также не рассматривает семью в целом как субъект правоотношений, перечисленных в семейных кодексах государств, относя все виды семейных отношений главным образом к кругу членов семьи – супругам, родителям, детям и другим родственникам (ст. 2 СК РФ; ст. 2 СК РА). Исходя из детального анализа вышеуказанных кодифицированных актов, можно утверждать, что все члены семьи являются субъектами права как лица, обладающие правосубъектностью, в то время как сама семья, представляющая брачно-родственный коллектив, субъектом права не является. И это при том, что законом установлено требование государственной регистрации заключения брака, его расторжения, признания недействительным и т. д. Семья как таковая не подлежит регистрации в качестве юридического лица, не может заключать сделки, соглашения, договоры. Все это – прерогатива ее членов. Становится очевидным, что и СК РФ и СК РА практически рассматривают не семью как субъект права, обладающий определенными правами и обязанностями и интересами, присущими семье в целом, а лишь права и обязанности отдельных членов семьи. Этим семейное право и отличается от других отраслей права, где субъектами являются либо физические, либо юридические лица.

Следует констатировать тот факт, что действующее законодательство России и Армении по-прежнему не содержит единого понятия «семья», хотя сам термин употребляется во многих действующих федеральных законах. Отсутствует оно и в семейных кодексах. Содержание статей 2 – это своеобразная попытка законодателя определить круг членов семьи путем их перечисления, но не путем установления признаков, характеризующих именно семейные правоотношения. Выявление же этих признаков легло на плечи правоприменителя. Перечень членов семьи, закрепленный в СК РФ и СК РА, не является исчерпывающим. Из формулировки статей следует, что все упомянутые в нормах семейного законодательства России и Армении лица признаются для целей данного законодательства членами семьи. Как справедливо отмечала Р. П. Мананкова, такой подход не может признаваться верным, поскольку допускает отождествление понятий «член семьи» и «субъект семейных правоотношений» [6, с. 139]. Следует согласиться с тем, что такой формальный момент, как упоминание в нормативном акте, признаком семьи ни в коем случае считаться не должен.

Поскольку положение о признании семьи естественной и основной ячейкой общества, во-первых, относится к общепризнанным нормам международного права и, во-вторых, содержится в ратифицированных международных договорах, следует полагать, что оно имеет и для России, и для Армении прямое действие. Исходя из этого, следует обеспечить данное положение, закрепив законодательно семью в качестве субъекта права. Спор о семье как субъекте права

имеет давнюю историю, пожалуй, он ведется со времен римского права. Действительно, коллектив, члены которого тесно связаны между собой, мог действовать единым образом. Семья в России, например, была ответственна за все действия ее членов (вспомним хотя бы откупы), в нее включались самые отдаленные родственники. Аналогичное положение сохраняется по сей день, например, у северокавказских народов. Интерес вызывает история регулирования вопросов правового положения семьи и в Древней Армении [9, с. 285].

К сожалению, следует констатировать, что до сих пор практически отсутствуют в российском законодательстве нормы, определяющие взаимодействие социального института семьи и государства, не определены права семьи, социальные гарантии, обеспечивающие ее самостоятельное существование и функционирование. Деятельность государства функционально ориентирована на индивидуума. А в это время объективные статистические данные свидетельствуют о крайне неблагоприятных для дальнейшего развития страны тенденциях, связанных с социальными процессами в сфере семьи и брака, которые, как указывают специалисты, будут проявляться и, скорее всего, сохраняться в ближайшем будущем. Поэтому представляется, что для формирования основ законодательства о семейной политике, где семья была бы субъектом политики и права (законодательства), требуется разработать сущность предмета, принципы и понятия семьи и семейной политики, позволяющие отделить их от других юридических понятий.

Сложные связи государства и любых социальных общностей, и семья здесь не исключение, проявляются во взаимных правах и обязанностях. Государство, что вполне естественно, имеет больше возможностей влиять на данные общности, что и проявляется в наделении таковых правами и возложении на них юридических обязанностей, что и составляет, по сути, правовой статус. Права и обязанности, их гарантии образуют основу, ядро правового статуса. Являясь средством выражения юридического бытия любого субъекта права, правовой статус закрепляет его правовое положение.

Отметим, что правовой статус семьи во многом схож с правовым статусом личности, так как семья состоит из индивидов, а субъектами семейных правоотношений являются только физические лица, возможно считать, что правовой статус семьи в России и Армении может быть рассмотрен по аналогии с правовым статусом личности. В России и Армении общий правовой статус определяется, прежде всего, Основными законами страны и не зависит от различных текущих обстоятельств, является единым и одинаковым для всех семей, характеризуется относительной статичностью, обобщенностью. Он является базовым, исходным для всех остальных правовых статусов. Следует особо подчеркнуть, что в действующей Конституции Армении отсутствует общая норма, раскрывающая при-

знаки социального государства, зато детально прописаны в ст. 48 основные задачи государства в экономической, социальной и культурной сферах, ими прежде всего являются: 1) защита семьи, материнства и детства и оказание им покровительства. Нельзя не указать на тот факт, что Конституция Армении пошла по пути признания семьи естественной и основной ячейкой общества (Статья 35), что соответствует международным стандартам. Конституция Армении детально прописала права и обязанности родителей, учитывая гендерное равенство: женщина и мужчина, достигшие брачного возраста, при своем свободном волеизъявлении имеют право на вступление в брак и создание семьи. При вступлении в брак, в супружеской жизни и при расторжении брака они пользуются равными правами. Статья 36 провозгласила, что родители имеют право и обязаны заботиться о воспитании, здоровье, полноценном и гармоничном развитии и об образовании своих детей.

Выделим и особенности правового статуса семьи. Они заключаются в том, что многие права в сфере семейно-правовых отношений являются одновременно и обязанностями. Например, право родителей воспитывать своих детей является одновременно и их обязанностью. В основе правового статуса лежит фактический социальный статус, то есть реальное положение субъекта в системе общественных отношений. Право закрепляет это положение, вводит его в законодательные рамки. Юридическое оформление фактического положения любой социальной общности осуществляется различными путями и способами, с помощью целого ряда специфических средств. Правосубъектность семьи может, например, проявляться в случаях, когда при наличии нотариально удостоверенного соглашения между отдельными членами семьи она выступает как субъект права и может иметь имущество в общесемейной собственности (совместной или долевой), учреждать семейное (фамильное) предприятие, крестьянское (фермерское) хозяйство, быть стороной в административных, гражданских, трудовых, земельных, жилищных и иных правоотношениях, затрагивающих ее интересы, быть истцом и ответчиком в суде, нести ответственность по своим обязательствам. Интересен в этом отношении брачный контракт, который может создавать между супругами отношения, близкие к правовому положению юридического лица, субъекта права, поскольку контракт существует наряду с регистрацией брака, тоже своего рода соглашением, и привносит в брак элементы, свойственные праву гражданскому. Такое положение идентично в гражданском праве России и Армении. Следует констатировать тот факт, что, несмотря на то, что в результате заключения брака возникает семейный союз и семья является участником многих правоотношений, фигурирует в законодательстве в качестве такового, российское законодательство, так же как и законодательство Армении, в отличие, например, от стран За-

падной Европы, не признает семью субъектом права. Теоретически все субъекты права подразделяются, прежде всего, на индивидуальных и коллективных [10, с. 423, 518]. Коллективные субъекты права имеют более широкую классификацию, среди них особое место занимают специальные субъекты, к которым относятся, например, юридические лица. Ю. А. Королев в этой связи считает, что семья практически занимает промежуточное положение между физическим и юридическим лицами. Не будучи юридическим лицом, семья выступает в гражданском обороте как единое целое [5, с. 61–66], например, в вопросах жилищных, пенсионных, при получении льгот или преимуществ непосредственно на всю семью (размер квартплаты, пенсии, пособия). Следует отметить, что в последнее время семья во многих случаях организует коммерческий или творческий коллектив (фирму, банк, торговую точку, ансамбль и т. д.) или другие формы объединений с общей ответственностью по имуществу. Здесь семья очень сближается по своим характеристикам с юридическим лицом, приобретая статус субъекта права.

По мнению автора, государственный подход к семье должен быть несколько иным. Если относиться к семье как к незначительному, неустойчивому, непостоянному образованию, для чего же ее тогда вообще создавать? Да, семьи иногда распадаются, создаются вновь, но и юридические лица, предприятия, организации, даже административно-территориальные единицы России, например, так же нестабильны, они могут изменяться, деструктурироваться, прекращать свое существование, тем не менее, они являются общепризнанными субъектами российского права. В связи с этим считаем, что семью необходимо причислить к субъектам не только правоотношений, но и права в целом.

Итак, как было доказано выше, семья – один из основных институтов гражданского общества, она является субъектом правоотношений и должна быть признана субъектом права. В целях создания конституционных основ для обеспечения приоритетного характера социально-правовой охраны и защиты семьи необходимо ввести в Конституцию Российской Федерации норму, закрепляющую роль семьи как естественной и основной ячейки общества (так, как это указано в международных документах, ратифицированных Россией, как поступил законодатель Республики Армения) и изложить текст п. 1 ст. 7 Конституции Российской Федерации в следующей редакции: «В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи как естественной и основной ячейки общества, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты».

Библиографический список

1. Большой толковый социологический словарь. Т. 2 / под ред. Д. Джерри, Дж. Джерри. – М. : Вече-Аст, 2009. – 320 с. ; Словарь демографических терминов. – М., 2001. – 254 с.
2. Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.) // Ведомости СНД СССР и ВС СССР от 7 ноября 1990 г. – № 45. – Ст. 955 ; Европейская Социальная Хартия ETS № 163 (пересмотренная) (Страсбург, 3 мая 1996 г.). Ратифицирована ФЗ от 3 июня 2009 г. № 101-ФЗ // СЗ РФ. – 2009. – № 23. – Ст. 2756; 2010. – № 8. – Ст. 781.
3. Конституция Республики Армения (с изменениями). Принята референдумом РА 5 июля 1995 г. Конституционные изменения внесены референдумом РА 27 ноября 2005 г. / Конституция Республики Армения (на армянском, русском и английском языках). – Ереван : Иравунк, 2010. – 260 с.
4. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) с поправками от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ // РГ. – 25 декабря 1993. – № 237; от 21 января 2009 г. – № 7.
5. Королев Ю. А. Семья как субъект права // Журнал российского права. – № 10. – 2000. – С. 61–66.
6. Мананкова Р. П. Правовой статус членов семьи по советскому законодательству. – Томск, 1991. – С. 139.
7. Саенко Л. В. Понятие семьи в юридическом смысле: от истории к современности // Перспективы развития современного научного знания : сб. науч. тр. / гл. ред. А. Н. Ярутова. – Чебоксары : Учебно-методический центр, 2011. – С. 249.
8. Сорокин С. А. Российская семья и три законопроекта по ее охране. – М., 1999. – С. 127.
9. Сукмасын А. История Киликийского армянского государства и права (XI–XIV вв.). – Ереван : Митк, 1969. – С. 285.
10. Теория государства и права : учеб. для вузов / под ред. проф. М. М. Рассолова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. – С. 423 ; Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрист, 2001. – С. 518.

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УСЛОВИЯХ ДОУ

Ю. В. Ахтырская
Детский сад № 62 Приморского района,
г. Санкт-Петербург, Россия

Summary. Informatization in the Russian Federation is largely regulated by the Federal laws of Russia, which includes a great number of legislative and other acts. The combination of these laws, decrees, resolutions, articles is not formed yet as the complete and focused on a single technology policy, which leads to low efficiency of legal regulation of Informatization at the Federal level, although to this time have been established and are operating in all bodies of state authority of the relevant legal systems.

Key words: Informatization in the Russian Federation; Federal laws of Russia; the low efficiency of legal regulation of Informatization.

Информатизация в Российской Федерации в значительной степени регулируется Федеральным законодательством России, включающим достаточно большое число законодательных и иных актов.

К их числу можно отнести федеральные законы базового характера «О связи», «Об информации, информатизации и защите информации», а также закон «Об участии Российской Федерации в международном информационном обмене» [30].

В то же время упомянутые законы и иные законодательные акты Российской Федерации, принятые довольно давно (в начале 90-х годов), до сих пор не приведены в соответствие с Гражданским кодексом Российской Федерации и практически не учитывают тех фундаментальных изменений, которые произошли в информационной сфере в последнее время. Это усугубляет низкую эффективность правового регулирования информатизации на федеральном уровне.

В Российской Федерации принят ряд законов, указов, постановлений, регулирующих эту сферу.

1. Фундаментом законодательства в сфере информации и информатизации является Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием в декабре 1993 г. Конституция определила основные права и обязанности субъектов в сфере информационных отношений, базирующиеся на свободе личности и презумпции открытости информации. Это, в частности, норма, обязывающая органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностных лиц обеспечить каждому возможность ознакомиться с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом [5], а также норма, возлагающая на должностных лиц ответственность в соответствии с федеральным законом за сокрытие фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей [30].

2. Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1995, № 8 ст. 609) регулирует отношения, возникающие при формировании и использовании информационных ресурсов на основе создания, сбора, обработки, накопления, хранения, поиска, распространения и предоставления потребителю документированной информации; вопросы создания и использования информационных технологий и средств их обеспечения; вопросы защиты информации, права субъектов, участвующих в информационных процессах и информатизации [7].

3. Федеральный закон «Об участии в международном информационном обмене» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 28, ст. 3347) обеспечивает создание условий для эффективного участия России в международном информационном обмене в рамках единого мирового информационного пространства, защиту интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований при международном информационном обмене, защиту интересов, прав и свобод физических и юридических лиц при международном информационном обмене [8].

4. Постановление Правительства Российской Федерации № 608 от 26.06.95 «О сертификации средств защиты информации».

5. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации 9 сентября 2000 г. № Пр-1895.

Значительная часть федеральных законов направлена на реализацию положений четвертого пункта статьи 29 Конституции, гарантирующих каждому право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, а также положений второго пункта статьи 24, обязывающих органы государственной власти и органы местного самоуправления обеспечить каждому возможности ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы. Эти законы имеют фундаментальное значение для развития единого информационного пространства России и для формирования и эффективного использования информационных ресурсов для реализации права каждого на доступ к информации.

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации 9 сентября 2000 г., относит задачи совершенствования нормативной правовой базы обеспечения информационной безопасности Российской Федерации, включая механизм реализации прав граждан на получение информации и доступ к ней, к числу основных задач по обеспечению информационной безопасности РФ.

Правовая основа развития единого информационного пространства России, как определено в указанных доктрине и концеп-

циях, должна способствовать гармоничному развитию информационных услуг и средств информационного производства в стране в процессе ее движения к информационному обществу.

В соответствии с Конституцией РФ в ведении Российской Федерации находится только «Федеральная информация и связь» [1].

Нормативно-правовые акты субъектов РФ в области информации и информатизации характеризуются сравнительно большим количеством, разнородностью и множественностью предметных оснований для регулирования, отсутствием единой кодификации и системности в их принятии.

В статье 152.2 Гражданского Кодекса РФ [2] «Охрана изображения гражданина» говорится, что использование изображения гражданина допускается только с его согласия, но так как субъектом является несовершеннолетний, то, следовательно, с согласия его родителя или законного представителя.

Так как информация проникает во все области и направления деятельности гражданина, специалиста, педагога, руководителя, юридического лица, государства, и информационно-правовые нормы, составляющие информационное законодательство, как бы пронизывают все законодательство РФ.

Таким образом, можно сделать вывод, что совокупность этих законов, указов, постановлений, статей не сложилась пока как целостная и ориентированная на единую технологию политика, что приводит к низкой эффективности правового регулирования информатизации на федеральном уровне, хотя к настоящему времени сформированы и действуют во всех органах государственной власти соответствующие правовые системы.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. – М. : Юрид. лит., 1993. – 62 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. – М. : АСТ, 2000.
3. Апатова Н. В. Информационные технологии в дошкольном образовании. – М., 1994.
4. Большая Советская энциклопедия. – 3-е изд. – М. : Советская Энциклопедия, 1970–77. URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/bse>
5. Ганин Е. А. Педагогические условия использования современных информационных и коммуникационных технологий для самообразования будущих учителей. URL: <http://www.ito.su/2003/VII/VII-o-1673.html>
6. Сухобская Г. С. Психологический контакт с аудиторией. – Л., 1984.

МИССИЯ НОТАРИАТА ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

О. В. Моисеева

**Второй Тамбовский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, г. Тамбов, Россия**

Summary. In the context of the interaction between society and the state analysis of the operation of a unique legal institution – notary who acts on behalf of the state, is involved in the regulation of social relations, while respecting the particular interests. Examines the role of notaries and the involvement of the legal institution of relations between the state and society. The author focuses on the problematic aspects of modern pravorealizatsion notary practice in light of the current tendency to reform.

Key words: notary; state; civil society; notary services; civil circulation; regulation; public relations.

На каждом этапе становления и развития правового государства особое значение придается установлению режима законности и правопорядка в рамках регулирования общественных отношений. Важным фактором на пути достижения поставленной цели является формирование системы действенных правовых институтов. Одним из правовых институтов, обеспечивающих защиту прав и законных интересов человека, правовое сопровождение жизнедеятельности общества, законность и стабильность гражданского оборота, эффективное развитие государства, является нотариат.

Уникальность института нотариата заключается в его двойственной правовой природе [4, с. 58]. В рамках своих полномочий нотариус действует от имени государства, что позволяет говорить о публично-правовом характере его деятельности, и наряду с этим осуществляет защиту интересов общества и частных лиц, а потому является связующим звеном в процессе взаимодействия государства и гражданского общества.

Государство, будучи заинтересовано в соблюдении законности и обеспечении равной защиты прав всех субъектов общественных отношений, совершенно закономерно наделяет нотариусов обязанностями по реализации публичного интереса, а статус нотариуса в полной мере позволяет решать указанную задачу [3, с. 170]. Во-первых, государство делегировало нотариусу часть своих властных полномочий, что дает право признать нотариат полноценным правовым институтом гражданского общества. Во-вторых, защищая права и законные интересы конкретного лица, нотариат тем самым охраняет права и законные интересы общества и государства, осуществляя превентивную функцию. В-третьих, обеспечивая публичный интерес, нотариат имеет особый статус, который требует от но-

тариуса беспристрастности, независимости, ответственности за свои действия. Следует отметить, что наличие публичного интереса способствует обеспечению устойчивого и поступательного развития государства и общества в целом, позволяя реализовывать при этом частные интересы. Как справедливо указывает в своих исследованиях Ю. А. Тихомиров, публичный интерес – это «...призванный государством и обеспеченный правом интерес социальной общности, удовлетворение которого служит условием и гарантией ее существования и развития» [2, с. 55].

Наряду с представлением публичных интересов нотариат осуществляет защиту частных интересов, что содействует реализации на практике конституционных прав человека и гражданина, в том числе и на квалифицированную юридическую помощь [1]. При этом следует отметить, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является основным направлением деятельности государства, реализуемым через систему государственных органов. Нотариат, не являясь государственным органом, напрямую вовлечен в разработку данного направления государственного функционирования, поскольку он уникальным образом сочетает в себе весь набор необходимых организационных, технических, финансовых, нормативно-правовых возможностей, создающих условия для успешного осуществления указанной деятельности.

Однако анализ существующей нотариальной правореализационной практики позволяет сделать вывод о том, что сегодня правовой потенциал нотариата используется не в полном объеме. Нотариус в ряде случаев выключен из гражданского оборота, направление его деятельности все чаще сводится к удостоверению и свидетельствованию фактов и т. д. При этом ряд исследователей, в частности Г. Г. Черемных, И. Г. Черемных, И. Н. Кашурин, Т. Е. Алешина, отмечают, что, делегировав нотариату публичную функцию обеспечения и защиты прав, государство должно более широко использовать его позитивный потенциал. Именно нотариат, являясь правовым институтом гражданского общества, способен стать посредником между гражданским обществом и государством на пути обеспечения законности [3, с. 171]. Так, для обеспечения законности в сфере налогообложения нотариус передает в налоговый орган информацию о стоимости имущества, переходящего в порядке дарения и наследования. При этом правовой статус нотариуса может позволить пойти дальше и предоставить нотариусам право начислять, удерживать и перечислять налог на имущество, т. е. исполнять функцию налогового агента, что способствовало бы уже предупреждению правонарушений в области налогообложения. Европейский опыт нотариальной практики как раз подтверждает возможность более масштабно использовать потенциал нотариата. Так, в Германии существуют нотариусы-адвокаты, которые выполняют одно-

временно функции нотариуса и адвоката, например, могут не только свидетельствовать факт совершения сделки, но принять на себя обязательства по ее исполнению [4, с. 178].

Сегодня институт нотариата подвержен процессу реформирования, что позволит ему совершенствоваться в качестве инструмента защиты прав и законных интересов граждан, а также соответствовать изменившимся условиям существования современного гражданского общества. Основной целью проекта нового Федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в РФ» является создание качественно новой модели российского нотариата, который будет способен полноценно исполнять возложенные на него обязанности в сложных современных условиях существования общества и государства. Это представляется весьма важным для обеспечения баланса частных и публичных интересов, содействия развитию стабильного и легитимного гражданского оборота, а для этого необходимо дать возможность нотариусу быть официальным представителем граждан во взаимоотношениях с государством.

Библиографический список

1. Конституция РФ (принята на всенародном референдуме 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря. – № 237.
2. Тихомиров Ю. А. Публичное право. – М., 1995.
3. Черемных Г. Г., Черемных И. Г. Нотариальное право : учеб. для вузов / под ред. Ю. А. Дмитриева. – М., 2006.
4. Черемных И. Г. Нотариат и нотариальное право России : учеб. пособие / под ред. Г. Г. Черемных. – М., 2007.

ПРОБЛЕМЫ РАЙОННОГО СУДА

В. Е. Поваляева

**Дальневосточный филиал Российской академии
правосудия, г. Хабаровск, Россия**

Summary. The district court – the main link in the judicial system of courts of general jurisdiction. The main condition for the organization of the court system is recognized by the law approved by the stability of the system. Administration of justice in strict accordance with the law, due process is achieved for the legislation and the correct application of the substantive law, which means reaching the decision, judgment or other judicial act in strict accordance with the law.

Key words: law; the court of justice.

Актуальность темы обусловлена тем, что эффективность осуществления правосудия районными судами зависит от правильной, рациональной нормативно-правовой основы деятельности районных судов.

В российской подсистеме федеральных судов общей юрисдикции районный суд уже многие десятилетия считается основным и одновременно начальным звеном судебной системы. Это обусловлено, с одной стороны, широкой компетенцией районного суда как органа судебной власти, а с другой стороны, тем объемом работы, который фактически выполняется районным судом. Из общей массы уголовных и гражданских дел, дел об административных правонарушениях на долю гражданских судов основного звена приходится значительное большинство. Они не рассматривают лишь те уголовные и гражданские дела, дела об административных правонарушениях, которые в соответствии с законом относятся к ведению других судов общей юрисдикции (краевых, областных, военных судов, мировых судей и т. п.) или арбитражных судов [2]. Им же приходится также принимать решения по многим вопросам, возникающим до и после судебного разбирательства уголовных дел – при их возбуждении, в ходе расследования, проверки законности, обоснованности и справедливости приговоров, а также в процессе исполнения вступивших в законную силу приговоров. На них также возложено рассмотрение жалоб, связанных с принятыми решениями по делам об административных правонарушениях, – они призваны проверять законность и обоснованность наложения административных наказаний как мировыми судьями, так и другими органами и должностными лицами. В связи с этим и принято считать районные суды основным звеном судебной системы: население обращается со своими проблемами, как правило, именно в эти суды, там оно и находит чаще всего необходимый ответ [3].

Согласно Конституции Российской Федерации, суд является единственным органом, уполномоченным осуществлять правосудие. Целью осуществления правосудия в РФ является защита конституционного строя Российской Федерации, прав и свобод граждан, прав и законных интересов предприятий, учреждений и организаций. Если рассматривать вопрос об эффективности осуществления правосудия районными судами, о способах ее повышения, нужно отметить, что немаловажное значение имеет организация работы в судах.

В настоящее время происходят изменения в развитии российского правосудия, предпринимаются важные меры на пути реформирования всей судебной системы Российской Федерации [1].

7 февраля 2011 года был принят Федеральный конституционный закон Российской Федерации № 1-ФЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», закрепивший принципы деятельности судов общей юрисдикции, их структуру, порядок создания и упразднения, компетенцию, а также организационное обеспечение деятельности судов общей юрисдикции. До принятия данного закона статус судов общей юрисдикции отдельным законодатель-

ным актом закреплен не был. После принятия закона остались некоторые проблемы, не отраженные в новом законе.

«Районный суд рассматривает все уголовные, гражданские и административные дела в качестве суда первой инстанции, за исключением дел, отнесенных федеральными законами к подсудности других судов» [5]. Термин «суд» в ст. 34 Федерального конституционного закона «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» употреблен восемь раз, в том числе в словосочетании «районный суд» – пять раз. И не всегда понятие «суд» было использовано законодателем в одном и том же значении.

Районный суд отличается по статусу, структуре, организации деятельности и т. п. от других судов и от Конституционного Суда РФ, о которых также упоминается в комментируемой статье Федерального конституционного закона «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации». Термины «районный суд» и «суд первой инстанции» – это, если можно так сказать, различные срезы, пусть в некоторых случаях и одного и того же явления. Под районным судом обычно предполагается государственное учреждение. Суд первой инстанции – определенная совокупность прав и обязанностей, определяющая границы специфической компетенции состава суда (судебного состава), рассматривающего дело [4].

В соответствии с законодательством РФ, районный суд формируется в составе председателя районного суда, его заместителя (заместителей) и судей районного суда, назначаемых на должность в количестве, достаточном для обеспечения права граждан, проживающих на территории судебного района, на доступность правосудия и определяемом Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации по согласованию с председателем верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа в пределах общей численности судей всех федеральных судов общей юрисдикции, установленной федеральным законом о федеральном бюджете на очередной финансовый год и плановый период. Также, в целях приближения правосудия к месту нахождения или месту жительства лиц, участвующих в деле, находящихся или проживающих в отдаленных местностях, федеральным законом в составе районного суда может быть образовано постоянное судебное присутствие, расположенное вне места постоянного пребывания суда. Постоянное судебное присутствие районного суда является обособленным подразделением суда и осуществляет его полномочия [6].

Районные суды выполняют большой объем работы по защите прав и законных интересов граждан в России. В то же время в современных условиях развития государства появляются новые проблемы и вызовы, на которые не могут не реагировать органы власти, в том числе и суды. Прежде всего, это необходимость повышения

внимания к преступности несовершеннолетних, а также к преступлениям в сфере предпринимательской деятельности, к вопросам гуманизации практики избрания меры пресечения и назначения уголовного наказания. Стоит отметить, что законодательное воплощение вышеуказанных предложений позволит в значительной степени нормативно укрепить статус районного суда, и хочется верить, что будет способствовать повышению эффективности правосудия за счет рациональной организации работы суда.

Один из основных принципов деятельности районных судов определяет равенство всех перед судом. В законе сказано, что суды не отдают предпочтение каким-либо органам, лицам, участвующим в процессе сторонам по признаку их государственной, социальной, половой, расовой, национальной, языковой или политической принадлежности либо в зависимости от их происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, места рождения, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а равно и по другим не предусмотренным федеральным законом основаниям. Таким образом, судебная система в настоящий момент выполняет свои основные функции, придерживаясь курса на совершенствование законодательства, повышение эффективности работы районных судов, на открытость судебной системы.

Библиографический список

1. Александров С. В. Правовая компетентность судей – приоритетная задача модернизации судов общей юрисдикции // Российское правосудие. – 2011. – № 6 (62). – С. 11–17.
2. «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации». Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 898.
3. Петухов Н. А., Мамыкин А. С. Обеспечение единства судебной системы Российской Федерации // Российское правосудие. – 2012. – № 2 (70). – С. 46–60. – Библиогр.: с. 59–60.
4. Рыжаков А. П. Компетенция судебных составов районного суда. Комментарий к ст. 34 Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 года № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации». Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2011.
5. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ (ред. от 10.07.2012) «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации».
6. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ (ред. от 10.07.2012) «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации».

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ХОДЕ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ

А. А. Хайдаров

Казанский юридический институт МВД России,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Summary. The article deals with the operation of such a procedure the Institute of civil society as the jury, and the interaction between the state and civil society in criminal proceedings.

Key words: the judicial investigation; protection of the rights of the accused during the trial.

Гражданское общество традиционно рассматривается как совокупность неполитических отношений и социальных образований, которые позволяют контролировать действия государства. Сфера по защите общества и личности от противоправных деяний находится в исключительной компетенции государства за исключением производства по уголовным делам частного обвинения (ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 116 УК РФ), где сама личность определяет, необходима ли ей подобная защита. В современном понимании гражданское общество независимо от государства, а отношения с последним строятся на основе взаимодействия. Проявления подобного взаимодействия на досудебных стадиях уголовного судопроизводства минимальны, учитывая наличие в уголовном процессе гарантий быстрого и полного раскрытия преступлений. Однако они существуют, например, адвокатура, Общественная палата Российской Федерации, институт Уполномоченного по правам человека в РФ, правозащитные организации, юридические клиники. Сфера деятельности подобных институтов расширяется в судебных стадиях уголовного процесса. Это связано, прежде всего, с тем, что судебные заседания носят гласный и открытый характер, в отличие от предварительного расследования, где ярким проявлением гарантий быстрого и полного раскрытия преступления является сохранение тайны следствия.

Как известно, судебное разбирательство может посетить любой желающий. Однако, учитывая менталитет наших граждан, уровень развития гражданского общества в современной России, то можно предположить, что влияние их на предупреждение нарушений в сфере уголовного процесса минимально. Важно помнить о ст. 294 УК РФ, которая запрещает в какой бы то ни было форме вмешательство в деятельность суда в целях воспрепятствования осуществлению правосудия. Однако, стоит заметить, присутствие в зале судебного разбирательства «ответственных» членов общества к подобным нарушениям вряд ли можно отнести. Освещение окончатель-

ного процессуального решения по уголовному делу, которое было принято в рамках судебного разбирательства к таким нарушениям также не относится. Считаем, что подобный «народный контроль» деятельности суда (судьи) способен сыграть значительную роль при вынесении законных и справедливых решений.

Основная масса уголовных дел по первой инстанции в федеральных районных судах и судах областного звена рассматриваются единолично судьей. Единоличное рассмотрение уголовных дел судьей, безусловно, тесно связано с такими негативными проявлениями, как субъективизм и судебский произвол.

Важная роль в предупреждении судебного произвола принадлежит коллегиальному рассмотрению дел. Участие народного элемента в суде находится под постоянной критикой ученых. В литературе указывается, что привлечение народного элемента приводит к удорожанию процесса, его неэффективности и значительному увеличению сроков рассмотрения уголовных дел. Такой институт гражданского общества, как участие присяжных заседателей в отправлении правосудия, не способен решить проблем субъективизма и произвола судебного корпуса, но способен минимизировать проявление подобных фактов.

Одними из важнейших признаков гражданского общества являются правовая защищенность граждан и полное обеспечение прав и свобод человека. Под правовой защищенностью необходимо понимать в том числе и защиту граждан от преступлений, а также от необоснованного и незаконного обвинения, осуждения, ограничения права в сфере уголовного судопроизводства.

Взаимодействие государства и гражданского общества нарушается, если по уголовным делам постановляются явно несправедливые приговоры со значительным условным сроком, либо чрезмерно суровые, не лишенные политической подоплеки. В каждом подобном случае необходимо давать соответствующую оценку процессуальной деятельности судьи (суда) в рамках закона, поскольку за этим могут стоять факты коррупции, отсутствия независимости при принятии решения. На выявленные представителями общественности нарушения закона при рассмотрении уголовного дела должна незамедлительно следовать реакция. Если мы говорим о судье, допустившем серьезное нарушение закона, то за совершение дисциплинарного проступка на судью не только может быть наложено предупреждение, но и возможно говорить о досрочном прекращении полномочий судьи.

В заключение статьи хотелось бы отметить, что гражданское общество и имманентно присущие ему институты, безусловно, выступают самостоятельным регулятором социальной ценности уголовного судопроизводства. Соответственно, повышение качества рассмотренных уголовных дел отразится на уровне защищенности граждан и обеспечении их основных прав и свобод.

О ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА С ВНУТРЕННИМ ПРАВОМ

М. Г. Шарифи

Бакинский государственный университет,
г. Баку, Азербайджан

Summary. The interrelation of the international and internal right is caused historically, has displays in interaction and interdependence, both in practice, and in thinking. The given problem is object of research of the several theoretical directions having the history of development.

Key words: international law; the internal right; various scientific approaches and practice.

Имеются различные научные подходы к проблеме взаимоотношения международного права с внутригосударственным правом, в том числе и в мусульманских странах. Согласно более радикальным взглядам в исламской правовой системе в целом позитивное право (positive law) не признает деления на внутреннее и международное право, т. е. здесь международное право особым образом не выделено. Исламские законы охватывают собой все правила человеческого общежития и социальную практику. Исходя из этого, невозможно представить отдельно от универсальных законов ислама международное право, основывающееся на каких-то отдельных ресурсах и особых рекомендациях [3, с. 203]. Указанная идея носит вполне идеологический характер. То, что якобы позитивное право не признает деления на внутреннее и международное право, – это субъективный вывод. Право не признает подобные суждения ни в исламском праве, ни в других правовых системах.

Наиболее распространенными являются суждения о том, что международное право есть самостоятельная отрасль или система права (дуализм), или же с точки зрения монизма и международное, и внутригосударственное право есть отдельные элементы единого, универсального права.

Данная позиция подробно рассмотрена в правовой литературе, однако все еще не потеряла своей актуальности. Если в международном праве субъекты – это государства, то основные субъекты внутригосударственного права – это индивиды и группы индивидов. Второе различие связано с источниками. Источником международного права является международный договор и международные обычаи, а во внутригосударственном праве источник – это законодательные акты и судебные решения. Третье различие связано с содержанием норм. Если национальное право регулирует взаимоотношения между индивидами, то международное право регулирует отношения между суверенными государствами.

Должно быть понятно, что между международным и внутренним правом как в широком, так и в узком смысле, вне зависимости от того, воспринимаются они как схожие или различные правовые системы или правила, объективные границы в любом случае определяются природой отношений, которые они регулируют [7]. Вместе с тем не исключается взаимопроникновение этих отношений (международных или внутригосударственных) друг в друга. К примеру, в международных экономических отношениях в рамках многостороннего Агентства по инвестиционному обеспечению может быть отмечена трансформация к публичному отношению в правилах суброгации особых отношений [1, с. 212].

Международные правовые нормы могут быть реализованы лишь с участием внутригосударственных норм. Претворение в жизнь (имплементация) международных правовых норм реализуется путем принятия законодательных и прочих нормативных актов, а также различных мероприятий организационного характера.

Следует также отметить, что международное право в определенной степени в некоторых случаях может непосредственно регулировать внутригосударственные отношения. К примеру, имплементация международных правовых норм по правам человека исходит из конституционных обязанностей государства перед личностью. Здесь должен быть такой уровень согласования международного права и внутреннего права, который обеспечил бы реализацию первого в жизнь [2, с. 71].

Взаимосвязь международного и внутреннего права проявляется в форме воздействия их друг на друга. Внутреннее право воздействует на международное право в первую очередь. Но это не означает, что внутреннее право обладает здесь приоритетной ролью. Это можно объяснить тем, что внутренняя политика является первичной. Государства, участвуя в процессе формирования международных правовых норм, исходят из своих внутренних норм и принципов [4, с. 459–460].

Внутреннее право оказывает воздействие на международное право двояким образом. Содержание норм внутреннего права оказывает материальное воздействие на содержание норм международного права, а также оказывает процессуальное воздействие на правила формирования норм международного права. Практика показывает, что если государство обладает с прогрессивным общественно-экономическим устройством, то оно тем самым может оказывать все большее воздействие на международное право.

Специфической особенностью единства международного и внутреннего права является возможность реализации норм, которые закреплены в какой-либо одной из этих систем. Как очевидно, в целом это две подсистемы, регулирующие общественные отноше-

ния на различных уровнях как во внутригосударственном, так и международном масштабе.

Единый подход в осмыслении международного и внутреннего права проявляется в государственной политике. Именно поэтому отношение к международному праву формируется в зависимости от степени уважения к правам человека, от процессов интеграции.

Формирование международных правовых норм обусловлено наличием всеобщего международного правового мышления, которое, в свою очередь, непосредственно связано с системой подобного мышления во всех государствах в отдельности взятых и в совокупности.

Без правовой идеологии и мышления невозможно представить правовую систему конкретного государства. Исследователи вполне правомерно относят к правовой системе страны существующие правовые нормы (а также в соответствии с санкциями государства – международное право и право зарубежных государств), правовую деятельность (деятельность субъектов, организаций, предприятий, участвующих в формировании и реализации правовых норм, действительных на территории государства), а также правовые идеи, теории, взгляды, доктрины [6, с. 31].

Ж. Карбонье считает, что правовая система должна охватывать все правовые вопросы в комплексе. В определенном пространстве и времени на основе взаимозависимости в том или ином обществе все правовые события формируют правовую систему [5, с. 176].

Рассмотрение соотношения внутреннего права и международного права с точки зрения дуализма или монизма дает основания считать, что если, с точки зрения применения права, имеется определенный опыт в применении международного права, то становится неважным, с какой стороны или позиций подходят к этим системам. Достаточно того, чтобы был в наличии механизм имплементации норм международного права к внутригосударственному праву.

Библиографический список

1. Садыгов А. И. Международное экономическое право. – Изд. БГУ, 2008. – 396 с. (на азерб. яз.).
2. Броунли Я. Международное право. В 2 кн. – М., 1977. – Кн. 1. – С. 71.
3. Boisquard M. Humdrisme de. P. 2005. – P. 203.
4. Sperduti Giuseppe. Dualism and Monism: A Confrontation to be overcome. – London, 1989. – P. 459–460.
5. Карбонье Ж. Юридическая социология. – М., 1986. – С. 176.
6. Марочкин С. Ю. Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации // Развитие российской государственности и права в период перехода к рыночной экономике. Тезисы докладов к Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 10-летию юридического ф-та Тюменского гос. ун-та (Тюмень, 4–7 октября 1995 года). – Тюмень : Изд-во Тюмен. ун-та. – С. 38–40, 31.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЯДЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МИРА

А. А. Джалали
Бакинский государственный университет,
г. Баку, Азербайджан

Summary. The paper examines the history of the formation of international structures for nuclear safety in the world. In particular, we study the specifics of the International Atomic Energy Agency, the formation of the "Atoms for Peace", the impact of these processes on the peace processes in the world. The said agency has done a lot of work on implementation of the "Atoms for Peace".

Key words: the use of the atom for peaceful purposes; nuclear energy; IAEA; nuclear weapons; the rejection of the arms; the international community.

Идеология использования атомной энергии в мирных целях сформировалась после Второй мировой войны. Впервые в истории международных отношений с идеей «атом во имя мира» в декабре 1953 года на генеральной ассамблее выступила ООН. Эту идею выдвинул бывший президент США Эйзенхауэр. В соответствии с этим предложением необходимо было при ООН создать специальное агентство по использованию атома, которое контролировало бы использование атома в невоенных целях. Как подчеркивал Эйзенхауэр, использование атома в мирных целях может проходить в двух направлениях. Во-первых, следует проводить необходимые научные исследования, во-вторых, препятствовать распространению в будущем атомного вооружения. Однако, по мнению экспертов, агентство само создало условия по работе над атомными проектами, в частности, таким странам, как Индия, Пакистан и Израиль. Этим странам без надлежащего надзора был передан обогащенный уран. Несмотря на все меры по дезактивации ядерных отходов и радиоактивного излучения, много проблем еще не решено.

Пять стран мира, известных как ядерные державы, а также все остальные страны мира, в том числе и те, которые никогда не пришли бы к идее о разработке ядерного оружия, выразили готовность использовать атом в мирных целях во имя науки, мира, спокойствия и счастья народов. Эти страны определили свое отношение к мирному использованию атома в международном масштабе [1, с. 290–294].

Вместе с тем Иран испытывает затруднения в том, чтобы доказать миру свое отношение к использованию атома в невоенных целях. Данная позиция Ирана оценивается ООН и МАГАТЭ отрицательно.

Президент США Дуайт Д. Эйзенхауэр в своем докладе «Атом для мира» в Организации Объединенных Наций призвал Соединенные Штаты и Советский Союз сделать совместный вклад из своих запасов урана в Международное агентство по атомной энергии, чтобы потом разработать методы, посредством которых эти расщеп-

ляющиеся материалы были бы использованы в мирных целях человечества. Речь была, по сути, составным элементом холодной войны, пропагандой, предназначенной для того, чтобы подтолкнуть Советы к пожертвованию большей части их атомного вооружения в «банк» под международным контролем. Однако в конечном счете этой цели достичь не удалось, Соединенные Штаты позже характеризовали эту речь перед международным сообществом как дальновидное обещание о гражданском применении ядерной энергии.

Вместе с тем, как считают эксперты, фактически наследие доклада «Атом для мира» было гораздо неопределеннее, чем оптимистичные прогнозы его ранних последователей. Например, под эгидой этой программы Соединенные Штаты и другие ядерные государства построили сотни исследовательских реакторов, работающих на высокообогащенном уране (ВОУ) в десятках стран мира, включая Ирак, Иран, Корею, Вьетнам, Индонезию и Югославию. Однако дело в том, что ВОУ может быть использован для создания ядерного оружия, и это является весьма привлекательным для террористов. Соединенные Штаты запоздало признали эту опасную ситуацию и в конце концов начали предпринимать шаги для ее решения путем разработки альтернативных видов топлива из низкообогащенного урана (НОУ), который не может быть непосредственно использован для производства ядерного оружия. Сегодня, однако, уран остается на десятках плохо обеспеченных исследовательских реакторах по всему миру, где они уязвимы с точки зрения кражи.

С другой стороны, за последнюю четверть века в США и многих других развитых странах ядерные энергетические программы зашли в тупик. Тем не менее сторонники ядерной энергетики в правительстве, научных кругах и аналитических центрах были в центре внимания администрации Буша и Конгресса, которые выделили огромные государственные субсидии для придания импульса новому развитию атомной энергетики, несмотря на малый интерес частного сектора. Теперь чиновники ядерных лабораторий оружия в постоянных поисках новых средств, используют годовщину речи как платформу для продвижения второго «Атома для мира», который, как они надеются, предвещает расширение использования ядерной энергии.

Большинство атомных энергетических реакторов во всем мире используют топливо из низкообогащенного урана. Отработанное топливо может быть или утилизировано непосредственно (известный как «прямоточный» топливный цикл), или переработано для извлечения плутония в отработанном топливе. Этот плутоний может быть использован для топлива реакторов, но, как и ВОУ-НОУ, также может быть использован для создания ядерного оружия. В «закрытом» топливном цикле отработавшее топливо перерабатывается, и извлеченный плутоний используется для изготовления свежего топлива реактора. Таким образом, замкнутый топ-

ливный цикл требует производства, транспортировки и хранения оружейного материала. В знак признания опасности, связанной с переработкой, Соединенные Штаты объявили мораторий на коммерческую переработку отработанного ядерного топлива в 1970 году. В результате Соединенные Штаты не обременены безопасностью и бременем расходов для хранения больших запасов гражданского плутония, в отличие от стран, которые перерабатывают отработанное топливо, таких как Франция, Япония и Великобритания.

Самый опасный аспект новой американской ядерной энергетической программы – это ее отказ от четверти вековой политики ядерного нераспространения, которая была принята для того, чтобы исправить эксцессы эпохи «Атома для мира».

Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) (генеральный директор Мухаммед аль-Барадеи) предложило, чтобы все гражданские объекты по производству обогащенного урана и плутония были поставлены под международный контроль. Нации, стремящиеся получить доступ к этим материалам, должны продемонстрировать законные потребности в них.

Хотя предложение аль-Барадеи имеет некоторые достоинства, оно не идет достаточно далеко. Предложением Эйзенхауэра делящегося материала "Банк" предполагается, что материал будет храниться в "особых безопасных условиях", чтобы "существенной иммунизацией предвосхитить захват". Любое вооружение, произведенное в этих международных учреждениях, должно отвечать тем же стандартам во время его транспортировки, а также при хранении и использовании. Однако достижение этой сложной и дорогостоящей задачи в продолжении всего жизненного цикла вооружения находится далеко за пределами возможностей частного сектора, особенно с учетом возможностей террористических организаций, действующих сегодня.

Вместе с тем, как утверждают специалисты, разработка нового поколения ядерно-энергетических систем, предназначенных для распространения и обладающих террористической устойчивостью, может решить проблемы безопасности, связанные с крупномасштабной транспортировкой и использованием ядерного оружия по всему миру. Но это в большей своей части является политической проблемой [2].

В целом подобные международные проекты имеют свой смысл и практическое значение.

Библиографический список

1. Loannou Krateros. Nuclear energy, peace fuluses. – 1986. – P. 290–294.
2. UCS Statement on 50th Anniversary of Eisenhower's "Atoms for Peace" Speech. URL: www.ucsusa.org > Nuclear Power

**План международных конференций,
проводимых вузами России, Азербайджана, Армении,
Белоруссии, Болгарии, Ирана, Казахстана, Польши,
Украины и Чехии на базе НИЦ «Социосфера»
в 2012–2012 годах.**

В 2012 году

5–6 ноября 2012 г. III Международная научно-практическая конференция **«Современные тенденции развития мировой социологии»** (К-38-11-12)

10–11 ноября 2012 г. Международная научно-практическая конференция **«Дошкольное образование в стране и мире: исторический опыт, состояние и перспективы»** (К-39-11-12)

20–21 ноября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования»** (К-41-11-12)

25–26 ноября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«История и культура славянских народов: достижения, уроки, перспективы»** (К-42-11-12)

1–2 декабря 2012 г. III Международная научно-практическая конференция **«Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях»** (К-43-12-12)

5–6 декабря 2012 г. Международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы теории и практики лингвострановедческой лексикографии»** (К-44-12-12)

В 2013 году

15–16 января 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Информатизация общества: социально-экономические, социокультурные и международные аспекты»** (К-01.15.13)

17–18 января 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Развитие творческого потенциала личности и общества»** (К-01.17.13)

20–21 января 2013 г. II международная научно-практическая конференция **«Социальная психология детства: ребенок в се-**

мье, институтах образования и группах сверстников» (К-01.20.13)

25–26 января 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Региональные социогуманитарные исследования. История и современность» (К-01.25.13)**

1–2 февраля 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Формирование добрососедских этноконфессиональных отношений как одна из важнейших задач современной цивилизации» (К-02.01.13)**

5–6 февраля 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Общество, культура, личность. Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания» (К-02.05.13)**

10–11 февраля 2013 г. II международная научно-практическая конференция **«Профессионализация личности в образовательных институтах и практической деятельности: теоретические и прикладные проблемы социологии и психологии труда и профессионального образования» (К-02.10.13)**

15–16 февраля 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Психология XXI века: теория, практика, перспективы» (К-02.15.13)**

20–21 февраля 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Инновации и современные технологии в системе образования» (К-02.20.13)**

25–26 февраля 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Экологическое образование и экологическая культура населения» (К-02.25.13)**

1–2 марта 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Партнерство социальных институтов воспитания в интересах детства» (К-03.01.13)**

5–6 марта 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях» (К-03.05.13)**

10–11 марта 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Национальные культуры в социальном пространстве и времени» (К-03.10.13)**

13–14 марта 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Актуальные проблемы современных общественно-политических феноменов: теоретико-методологические и прикладные аспекты»** (К-03.13.13)

15–16 марта 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность»** (К-03.15.13)

20–21 марта 2013 г. II международная научно-практическая конференция **«Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика»** (К-03.20.13)

25–26 марта 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований»** (К-03.25.13)

28–29 марта 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Личность и социальное развитие»** (К-03.28.13)

1–2 апреля 2013 г. II международная научно-практическая конференция **«Игра и игрушки в истории и культуре, развитии и образовании»** (К-04.01.13)

5–6 апреля 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Народы Евразии. История, культура и проблемы взаимодействия»** (К-04.05.13)

7–8 апреля 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Социогуманитарные и медицинские вопросы современной психологии, нейрофизиологии, нейроморфологии, психолингвистики»** (К-04.07.13)

10–11 апреля 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Проблемы и перспективы развития образования в XXI веке: профессиональное становление личности (философские и психолого-педагогические аспекты)»** (К-04.10.13)

15–16 апреля 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Информационно-коммуникационное пространство и человек»** (К-04.15.13)

20–21 апреля 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Социальные науки и общественное здоровье:»**

теоретические подходы, эмпирические исследования, практические решения» (К-04.20.13)

25–26 апреля 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Детство, отрочество и юность в контексте научного знания» (К-04.25.13)**

28–29 апреля 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Самореализация потенциала личности в современном обществе» (К-04.28.13)**

2–3 мая 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования» (К-05.02.13)**

5–6 мая 2013 г. IV международная научно-практическая конференция **«Теория и практика гендерных исследований в мировой науке» (К-05.05.13)**

10–11 мая 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире» (К-05.10.13)**

15–16 мая 2013 г. IV международная научно-практическая конференция **«Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия» (К-05.15.13)**

22–23 мая 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Модели развития психологического универсума человека» (К-05.22.13)**

25–26 мая 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества» (К-05.25.13)**

1–2 июня 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Социально-экономические проблемы современного общества» (К-06.01.13)**

3–4 июня 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Теоретические и прикладные вопросы специальной педагогики и психологии» (К-06.03.13)**

5–6 июня 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Права и свободы человека: проблемы реализации, обеспечения и защиты»** (К-06.05.13)

7–8 июня 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Социогуманитарные и медицинские аспекты развития современной семьи»** (К-06.07.13)

10–11 сентября 2013 г. IV международная научно-практическая конференция **«Проблемы современного образования»** (К-09.10.13)

15–16 сентября 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Новые подходы в экономике и управлении»** (К-09.15.13)

20–21 сентября 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы»** (К-09.20.13)

25–26 сентября 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Проблемы становления профессионала»** (К-09.25.13)

28–29 сентября 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Этнокультурная идентичность как стратегический ресурс самосознания общества в условиях глобализации»** (К-09.28.13)

1–2 октября 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Иностранный язык в системе среднего и высшего образования»** (К-10.01.13)

5–6 октября 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований»** (К-10.05.13)

10–11 октября 2013 г. IV международная научно-практическая конференция **«Современная психология на перекрестке естественных и социальных наук: проблемы междисциплинарного синтеза»** (К-10.10.13)

15–16 октября 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Личность, общество, государство, право. Проблемы соотношения и взаимодействия»** (К-10.15.13)

20–21 октября 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Трансформация духовно-нравственных процессов в современном обществе»** (К-10.20.13)

25–26 октября 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов»** (К-10.25.13)

28–29 октября 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Социализация и воспитание подростков и молодежи в институтах общего и профессионального образования: теория и практика, содержание и технологии»** (К-10.28.13)

1–2 ноября 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия»** (К-11.01.13)

3–4 ноября 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования»** (К-11.03.13)

5–6 ноября 2013 г. IV международная научно-практическая конференция **«Современные тенденции развития мировой социологии»** (К-11.05.13)

10–11 ноября 2013 г. II международная научно-практическая конференция **«Дошкольное образование в стране и мире: исторический опыт, состояние и перспективы»** (К-11.10.13)

15–16 ноября 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Проблемы развития личности»** (К-11.15.13)

20–21 ноября 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования»** (К-11.20.13)

25–26 ноября 2013 г. II международная научно-практическая конференция **«История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему»** (К-11.25.13)

1–2 декабря 2013 г. III международная научно-практическая конференция **«Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях»** (К-12.01.13)

5–6 декабря 2013 г. II международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы теории и практики лингвострановедческой лексикографии»** (К-12.05.13)

ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛЕ «СОЦИОСФЕРА»

Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» публикует научные статьи и методические разработки занятий и дополнительных мероприятий по социально-гуманитарным дисциплинам для профессиональной и общеобразовательной школы. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем. Принимаются материалы по философии, социологии, истории, культурологии, искусствоведению, филологии, психологии, педагогике, праву, экономике и другим социально-гуманитарным направлениям. Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на русском и английском языках. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещаются на сайте НИЦ «Социосфера». Журнал «Социосфера» зарегистрирован Международным Центром ISSN (Париж), ему присвоен номер ISSN 2078-7081; а также на сайтах Электронной научной библиотеки и Directory of open access journals, что обеспечит нашим авторам возможность повысить свой индекс цитирования. **Индекс цитирования** – принятая в научном мире мера «значимости» трудов какого-либо ученого. Величина индекса определяется количеством ссылок на этот труд (или фамилию) в других источниках. В мировой практике индекс цитирования является не только желательным, но и необходимым критерием оценки профессионального уровня профессорско-преподавательского состава.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Наука
- В помощь учителю
- В помощь преподавателю
- В помощь соискателю

Объем журнала – 80–100 страниц.

Периодичность выпуска – 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Главный редактор – Борис Анатольевич Дорошин, кандидат исторических наук, доцент.

Редакционная коллегия: Дорошина И. Г., кандидат психологических наук, доцент (ответственный за выпуск), Антипов М. А., кандидат философских наук, Белолипецкий В. В., кандидат исторических наук, Ефимова Д. В., кандидат психологических наук, доцент, Саратовцева Н. В., кандидат педагогических наук, доцент.

Международный редакционный совет: Арабаджийски Н., доктор экономики, профессор (София, Болгария), Большакова А. Ю., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия), Берберян А. С., доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения), Волков С. Н., доктор философских наук, профессор (Пенза, Россия), Го-

ландам А. К., заведующий кафедрой русского языка Гилянского государственного университета (Решт, Иран), Кашпарова Е., доктор филологии (Прага, Чехия), Сапик М., доктор филологии, доцент (Колин, Чехия), Хрусталькова Н. А., доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия).

Требования к оформлению материалов

Материалы представляются в электронном виде на e-mail sociosphaera@yandex.ru. Каждая статья должна иметь УДК (см. www.vak-journal.ru/spravochnikudc/; www.jscc.ru/informat/grnti/index.shtml). Формат страницы А4 (210 x 297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, выравнивание по центру. В статьях методического характера следует указать дисциплину и специальность учащихся, для которых эти материалы разработаны. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке. После пропущенной строки следует аннотация (3–4 предложения) и ключевые слова на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Ссылки расставляются вручную. Объем представляемого к публикации материала (сообщения, статьи) может составлять 2–25 страниц. Заявка располагается после текста статьи и не учитывается при подсчете объема публикации. Имя файла, отправляемого по e-mail соответствует фамилии и инициалам первого автора, например: **Петров ИВ** или **German P**. Оплаченная квитанция присылается в отсканированном виде и должна называться, соответственно **Петров ИВ квитанция** или **German P receipt**.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word 2003, тщательно выверены и отредактированы. Допускается их архивация стандартным архиватором RAR или ZIP.

Выпуски журнала располагаются на сайте НИЦ «Социосфера» по адресу <http://sociosphaera.com> в PDF-формате.

УДК 94(470)"17/18"

**ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
Г. СЕМИРЕЧЕНСКА В XVIII–XIX ВВ.
В ОСВЕЩЕНИИ МЕСТНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ**

И. И. Иванов

**Семиреченский институт экономики и права,
г. Семиреченск, N-ский край, Россия**

**QUESTIONS OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT
OF SEMIRECHENSK IN XVIII–XIX
IN VIEW OF LOCAL PERIODICAL PRESS**

I. I. Ivanov

**Semirechensky Institute of Economics and Law,
Semirechensk, Republic of Khakassia, Russia**

Summary. This article observes the periodicals of Semirechensk as written historical sources for its socio-economical history. Complex of publications in these periodicals are systematized depending on the latitude coverage and depth of analysis is described in these problems.

Key words: local history; socio-economic history; periodicals.

Некоторые аспекты социально-экономического развития г. Семиреченска в XVIII–XIX вв. получили достаточно широкое освещение в местных периодических изданиях. В связи с этим представляется актуальным произвести обобщение и систематизацию всех сохранившихся в них публикаций по данной проблематике. Неко-

торую часть из них включил в источниковую базу своего исследования Г. В. Нефедов [2, с. 7–8]. ...

Библиографический список

1. Богданов К. Ф. Из архивной старины. Материалы для истории местного края // Семиреченские ведомости. – 1911. – № 95.
2. Нефедов Г. В. Город-крепость Семиреченск. – М.: Издательство «Наука», 1979.
3. Рубанов А. Л. Очерки по истории Семиреченского края // История г. Семиреченска. URL: <http://semirechensk-history.ru/ocherki> (дата обращения: 20.04.2011).
4. Семенихин Р. С. Семиреченск // Города России. Словарь-справочник. В 3-х т. / Гл. ред. Т. П. Петров – СПб.: Новая энциклопедия, 1991. – Т. 3. – С. 67–68.
5. Johnson P. Local history in the Russian Empire, the post-reform period. – New York.: H-Studies, 2001. – 230 p.

Сведения об авторе

Фамилия

Имя

Отчество

Ученая степень, специальность

Ученое звание

Место работы

Должность

Домашний адрес

Домашний или сотовый телефон

E-mail

Научные интересы

Согласен с публикацией статьи на сайте до выхода журнала из печати? **Да/нет** (оставить нужное)

Оплата публикации

Стоимость публикации составляет **150 рублей за 1 страницу**. Выпущенная в свет статья предусматривает выдачу одного авторского экземпляра. Дополнительные экземпляры (в случае соавторства) могут быть выкуплены в необходимом количестве из расчета 150 руб. за один экземпляр. **Оплата производится только после получения подтверждения о принятии статьи к публикации.**

Расчетный счет для перечисления денег

Получатель: ООО Научно-издательский центр «Социосфера»
р/с № 40702810000000002313 в ФАКБ «Инвестторгбанк» (ОАО)
«Пензенский» г. Пенза
ОГРН 1095837003239
ИНН 5837042277
КПП 583701001
БИК 045655722
к/с 30101810900000000722 в ГРКЦ г. Пензы ГУ Банка России по Пензенской области
Платеж: ФИО автора

Тел. (8412) 21-68-14, e-mail: sociosfera@yandex.ru
Главный редактор – Дорошин Борис Анатольевич.
Генеральный директор НИЦ «Социосфера» – Дорошина Илона Геннадьевна.

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА»

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок) – 50 рублей за 1 страницу*.
- Изготовление оригинал-макета – 30 рублей за 1 страницу.
- Дизайн обложки – 500 рублей.
- Печать тиража в типографии – по договоренности.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «Премиум» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж	Цена в рублях за количество страниц				
	50 стр.	100 стр.	150 стр.	200 стр.	250 стр.
50 экз.	7900	12000	15800	19800	24000
100 экз.	10800	15700	20300	25200	30000
150 экз.	14000	20300	25800	32300	38200
200 экз.	17200	25000	31600	39500	46400

* **Формат страницы** А4 (210x297 мм). Поля: левое – 3 см; остальные – 2 см; интервал 1,5; отступ 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman.

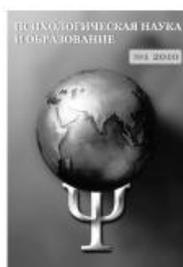
Тираж включает 16 экземпляров, подлежащих обязательной отсылке в Российскую книжную палату.

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

PsyJournals.ru
портал психологических изданий

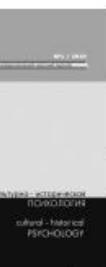
ЖУРНАЛЫ по психологии **online**

Психологическая наука и образование
Архив за 1996–2010 г.г.

Консультативная психология и психотерапия
Архив за 1992–2010 г.г.

Культурно-историческая психология
Архив за 2005–2010 г.г.

Экспериментальная психология
Архив за 2008–2010 г.г.

Все журналы
включены в Перечень ВАК

онлайн подписка это

- + Удобно
- + Выгодно
- + Современно

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ ДЛЯ ВУЗОВ И БИБЛИОТЕК:

- Годовая подписка на коллекции психологических журналов (архивы за 15 лет)
- Льготная подписка для постоянных печатных подписчиков
- Доступ к электронным архивам журналов со всех компьютеров организации
- Доступ к статистике обращений у журналам

Подробная информация

- Информация о подписке: (495) 608-16-27
- Заявка на тестовый доступ к журналам: test@psyjournals.ru
- Условия подписки: PsyJournals.ru/

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МГППУ

Научно-издательский центр «Социосфера»
Факультет бизнеса Высшей школы экономики в Праге
Academia Rerum Civilium – Высшая школа политических и общественных наук
Пензенская государственная технологическая академия

**ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО,
ГОСУДАРСТВО, ПРАВО.
ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ
И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Материалы II международной научно-практической
конференции 15–16 октября 2012 года

Редактор Л. И. Дорошина
Корректор Ж. В. Кузнецова
Оригинал-макет И. Г. Балашовой
Дизайн обложки Ю. Н. Банниковой

Подписано в печать 25.10.2012. Формат 60x84/16.
Бумага писчая белая. Учет.-изд. л. 6,66 п. л.
Усл.-печ. л. 6,2 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № 47/12.

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»:
440026, г. Пенза, ул. Лермонтова, д. 34, ком. 201-в.
тел. (8412) 21-68-14,
web site: <http://sociosphaera.com>,
e-mail: sociosphaera@yandex.ru

Типография ИП Попова М. Г.: 440000, г. Пенза,
ул. Московская, д. 74, оф. 211. тел. (8412)56-25-09